

ACTA UNIVERSITATIS SZEGEDIENSIS DE ATTILA JÓZSEF NOMINATAE

DISSERTATIONES

SLAVICAE

SLAVISTISCHE MITTEILUNGEN

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ

XIII

SZEGED

1978

Publicationes Instituti Philologiae Rossicae in Universitate
de Attila József Nominata

XIII.

Redigit

Imre H. Tóth

Seriem publicationum edendam curat

Sándor Kónyi

РОМАН Л. Н. ТОЛСТОГО "АННА КАРЕНИНА" И КРИТИКА ЧИСТОГО ЧУВСТВА

А. Фейер

Этика Канта подвергалась критике многими исследователями с разных точек зрения за присущий ей ригоризм. Среди отзывов критиков создателя трансцендентальной философии до сегодняшнего дня более всего заслуживают внимания и наводят на размышления высказывания представителей немецкой классической мысли. Особенный интерес для нас представляет одна из рефлексий Гете, исходящая из критики чистого разума и открывающая перспективу развития всей европейской литературы: "Кант указал нам, что существует критика разума и что у этого величайшего из всех достояний, которыми владеет человечество, есть основания недремно следить за собою. Какую огромную пользу принес нам его голос, знает каждый по собственному опыту. А я хотел бы - в этом же смысле - провозгласить задачей критику чувств, которая так необходима, если искусству вообще, а немецкому в частности еще суждено когда-нибудь оправиться и бодрым шагом двинуться вперед."¹ Гете находит решение Канта односторонним, упрекает его в пренебрежении чувственной стороной и, в духе идеи о гармоническом человеке, предлагает привести к равновесию противоречия между рационализмом и эмпиризмом.

---

¹ Иоганн Вольфганг Гете. Об искусстве. Изд. "Искусство", М., 1975, стр. 588.

Первые русские читатели Канта также предлагали внести корректив в трансцендентальную философию: слово "разум" /Vernunft/ они хотели бы заменить словом "любовь", желая превратить таким образом критику чистого разума в критику чистого чувства.² Однако представление русских толкователей Канта в сущности было иным, чем у Гете; оно не стояло под знаком идеи о гармоническом человеке. Это было противоположное Канту, но такое же одностороннее, как у последнего, решение: чувство было поставлено не рядом с разумом, а на его место.

Внесенное в систему Канта исправление было симптоматичным для начала века, а для русской мысли оно сохранило свое значение на протяжении всего столетия. Е. Н. Купреянова, исследовавшая этические взгляды Толстого в связи с романом "Анна Каренина", устанавливает, что Толстой возводит любовь в ранг нравственного устоя и делает это, исходя из кантовского, или очень близкого к Канту, принципа. Указывая на заключающие роман размышления Левина, автор пишет: "Оптимистический закон любви и добра, открытый Левиным в собственной душе после беседы с крестьянином Федором, выполняет в нравственно-философской концепции романа, в нравственной философии Толстого вообще, примерно ту же функцию, которую отводит Кант категорическому императиву в своей критике познавательных способностей человека."³

Критическое, анализирующее постижение чистого чувства, регулятивной идеи любви выводит Левина из глубокого душевного кризиса. Моральное чувство Левина остается цельным: он

---

² В. Зеньковский. История русской философии. YMCA-Press. Paris, 1948, т. 1. стр. 200.

³ Е. Н. Купреянова. Эстетика Л. Н. Толстого. Изд. "Наука", М. - Л. 1966, стр. 106.

всегда знал, что надо делать, выносящий в его душе приговоры "непогрешимый судья" недвусмысленно решал "который из двух возможных поступков лучше и который хуже"⁴, указывал ему, как примирить личные интересы с интересами других, когда надо решать в свою пользу, а когда - в пользу ближнего. Непоколебимость этической практики сочетается, однако, с мучительной неопределенностью этического сознания: когда он "не думал, а жил", все шло как нужно, но "рассуждения приводили его в сомнения". Напрасно его совесть диктовала ему безошибочные решения; ему была невыносима мысль о том, что он не знает принципов морального поведения, не знает того закона, на котором зиждется решение внутреннего судьи. Уничтожающим было для него признать, что он живет, "... не зная и не видя возможности знать, что он такое и для чего живет на свете, и, мучаясь этим незнанием до такой степени, что боялся самоубийства."

Глубокое переживание кризиса помогает Левину выйти из него. В состоянии крайнего отчаяния он внезапно осознает, что, если нет возможности понять сущностные принципы, лежащие в основе его личности, то и не надо пытаться их выявить, но, что само осознание их непознаваемости приблизит его к столь желанной истине. Неутолимые страдания - теперь сами эти страдания становятся объектом его рефлексии - опосредствованно подтверждают, что закон добра, отделенный от мира "стеной", жив и невредим в "святой святых его души", и было бы бессмысленным занятием пытаться познать с помощью разума по доступным опыту конечным проявлениям чистого чувства ту бесконечную любовь, которая живет в нем. "Я ничего, ничего не знаю и не могу знать, как только то, что мне сказано вместе со всеми"⁵, - принимает Левин ограниченность возможностей познания, потому что взамен он обретает "знание" человечности. В то время

---

⁴ Л. Н. Толстой. Анна Каренина. ч. 8, гл. X.

⁵ Л. Н. Толстой. Анна Каренина. ч. 8, гл. XIII.

как внимающий слову категорического императива человек, заглушив голос чувства и следуя приказам разума, борется за человеческое достоинство и, избрав сознательное подчинение, превращается в гражданина свободного духовного мира, Левин, наоборот, отказываясь от бесцельных в его случае интеллектуальных усилий, находит цель жизни: "... также буду не понимать разумом", что такое добро, к которому я стремлюсь, "но жизнь моя теперь, вся моя жизнь, независимо от всего, что может случиться со мной, каждая минута ее - не только не бессмысленна, как была прежде, но имеет несомненный смысл добра, который я властен вложить в нее!"⁶

В противовес кантовской этике, в противоположность критике чистого разума Левин подвергает анализу чистое чувство. Однако, вывод, к которому он приходит в конце, не включает в себя полностью ту этико-философскую проблематику, которую Толстой охватил в романе. Композиция в "Анне Карениной" строится так, что, приведя Левина к определенному решению, Толстой, акцентируя ограниченность этого решения, дает почувствовать на примере судьбы Анны, что есть вопросы, которые оказываются неразрешимыми. Роман Толстого, таким образом, больше, чем художественное воплощение критики чистого чувства: делая ощутимой неудовлетворительность конечного вывода, он является одновременно и выражением запросов, направленных на критику чистого разума. Если Гете, критикуя Канта, хотел поставить рядом с критикой чистого разума критику чистого чувства, то Толстой в своем романе, исходя из противоположной точки, решает сходную задачу: дав критику чистого чувства, воплощенную в образе Левина, он позволяет нам увидеть возможности развертывания полноценной человеческой личности в преодолении односторонности найденного решения.

---

⁶ Л. Н. Толстой. Анна Каренина. ч. 8, гл. XIX.

К ВОПРОСУ О ЛИРИКЕ ИЯ. БУНИНА И ФРАНЦУЗСКОМ ПОСТСИМВОЛИЗМЕ

Н. Салма

Творчество Ив. Бунина - лирика и прозаика - складывается и развивается в тот период, когда основным художественным течением в русской поэзии становится символизм. Однако, как заметил Твардовский¹, имя Бунина ни в этот период, ни позднее не превращалось в знамение литературного направления, школы или просто моды. Если такая "обособленность" художника представляется явлением исключительным в русском литературном процессе на рубеже двух веков, то в литературе французской в 90-ых, 900-ых годах выделяется целая область искусства, не поддающаяся, казалось бы, никакой классификации: "Литературные группировки, которые еще вчера жили активной жизнью, теперь, кажется, исчезли и забыты. Сегодня каждый художник, каждый писатель утверждает с гордостью свое одиночество."²

Исследуя новое французское искусство 90-ых, 900-ых годов, объединяющее очень разных поэтов и писателей, и выделяя в качестве общего для них - стремление охватить реальную жизнь во всем многообразии ее проявлений, автор исследования "Проблема художественного познания во французской литературе на рубеже двух веков"³ А. И. Владимирова пользуется термином "постсимволизм" применительно ко всей рассматриваемой ею области. Не отрицая идейного родства "новых поэтов" с поэтами-символистами /проявившегося, прежде всего, в стремлении к художественному воплощению идеи единства мира/, автор

¹ А. Твардовский. Собр. соч., т. 5, М., 1975.

² Le Cardonnel G. et Wellay Ch. La littérature contemporaine. P., 1905, p. 5. Цитируется по работе А. И. Владимировой, стр. 14. /См. сноску 3/

³ А. И. Владимирова. Проблема художественного познания во французской литературе на рубеже двух веков /1890-1914/. Изд. Ленинградского университета. Л., 1976.

рассматривает общие для ряда французских поэтов и писателей не символистов тенденции, которые позволяют говорить о постсимволизме как о новом течении, возникшем как своеобразная реакция на французский символизм.

Начало этого процесса Владимирова относит примерно к 1895-му году. Неприятие символизма проявилось в адресованных поэтам старшего поколения упреках, сводившихся, в основном, к упрекам в невнимании к жизни и любви к абстракциям. Абстракцией, плодом отвлеченных размышлений, представляется новым поэтам метафизическая Мировая Душа - вдохновительница символистов. В художественном произведении она "... должна была уступить место душе безыскусственной..., той, которая обнаруживает себя только через факты"⁴ /т.е. через проявления самой жизни/. Очевидно, что задача художника-постсимволиста состоит таким образом не в приближении к духовному уровню вселенной, а в приближении к ее онтологическому уровню: к жизни в ее разнообразных проявлениях, данной личности, переживающей эти разобщенные проявления как некое единство.

Интеллектуализм символизма автор работы видит в том, что художник-символист представляет себе мир как "вещь в себе", как идею, существующую вне данных чувственного опыта. Символисты стремились угадать духовную сущность мироздания в ее феноменальных проявлениях, но так как метафизическая Мировая Душа в иерархии ценностей занимала более высокое место по сравнению с миром явлений, идея "подчиняла себе" свои звуковые, цветовые и образные соответствия, развоплощая их, и таким образом развоплощала те феномены, которые за этими соответствиями стояли.

Постсимволисты стремятся приблизиться к онтологической сущности мироздания, уловить ее в феноменах жизни, от духовной сущности не зависящих. Жизнь, в представлении новых художников, проявляет себя в самих феноменах действительности и одновременно в чувственных восприятиях этих феноменов, т.е. в разнообразных и многосторонних чувственных связях, возникающих в процессе бытия между лирическим героем и миром. Подобное мироощущение характерно для таких поэтов

---

⁴ Riviere I. Introduction. - В кн.: Alain - Fournier. Miracles. P., 1961, p. 62.

как Альбер Самен, Жюль Лафорг, Поль-Жан Туле, Франсис Жамм и др.:

~~Ma vieille commode en chêne sent toujours bon.~~

Mais moi j'étais bête parce que ces choses
Ne pouvaient pas changer et que c'est une pose
de vouloir chasser les choses que nous savons.⁵

Как тонко пахнет старый мой комод.

А я был просто глуп, не понимал упорства
таких вещей и чувств. Ведь, право же, позерство
пытаться то изгнать, что в нас давно живет.⁶

Так рождается принцип "прямого видения действительности", заключающийся в том, что художник, изображая то, что открывается его непосредственному чувственному опыту, "безыскусственно" воспроизводит связи между "я" и "не я", воссоздавая не столько сами вещи, сколько "состояния "я" и "вещей".⁷

Метафизике символизма новые французские поэты противопоставляют всеобъемлющий пантеизм, свое стремление к Природе, которую они рассматривают как имеющий самостоятельную ценность онтологический феномен, а не как символ вечного духа. Лирический герой ищет "слияния с Природой" - обретения вечного существования: слившаяся с природой человеческая жизнь, так же как жизнь природы, не имеет начала и конца, превращается в вечность. Однако, принцип изображения природы как вечного и безличного потока должен был быть совмещен в целом художественного произведения с принципом изображения временных, наполненных личностным восприятием, проявлений жизни природы, поскольку в эстетике постсимволистов "искусство обращено только к индивидуальному".⁸ Сочетая эти два принципа, новые художники включают индивидуальное в поток бытия, т.е. своеобразно воссоздают связи между единичным и всеобщим, конечным и бесконечным, субъективным и объективным.

⁵ Francis Jammes. Une étude par Robert MALLET. Paris, 1958. Pierre Seghers, Éditeur.

⁶ Перевод Э. Линецкой. В кн. Из французской лирики. Л., Изд. "Художественная литература", 1974.

⁷ Világirodalmi Lexikon. Akadémiai Kiadó, Budapest, 1972. 1043. old.

⁸ Bergson H. - Цитируется по вышеуказанной работе А. И. Влаими-

Не претендуя на анализ проявившихся в творчестве французских постсимволистов новых эстетических и поэтических тенденций мы остановились лишь на немногих, представляющих нам основополагающими. Мы считаем, что эти тенденции в значительной мере определяют поэтическую систему Ив. Бунина.

Исследователи отмечают две характерные особенности его лирики:

1. конкретность и точность, материальную вещественность ее образов,
  2. ее сосредоточенность на вечных, сущностных вопросах бытия.
- Тенденция воссоздания временных жизненных реалий и тенденция обращенности к вечным жизненным сущностям обладают взаимопроницаемостью; рисуя в стихотворении 1901 года "Еще и холоден и сыр" предельно конкретный весенний пейзаж так, как он представляется непосредственному чувственному опыту /с прозрачно-бледным слезящимся снегом, со звоном с снегирей у балкона, с голубыми отблесками, лежащими на кусты и лужи/, поэт пытается проникнуть в суть изображаемых явлений:

Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.⁹

Но в то же время суть явлений /само бытие" заключена в самих явлениях, в конкретных проявлениях жизни: в тех красках, которые воспринимаются лирическим сознанием.

Представление о том, что явление в самом себе содержит и скрывает свою суть /заметим, что для поэтов-символистов суть находилась вне явления, и именно это представление понуждало их создавать символы, призванные объединить мир сущностей с миром явлений/, отличает французских поэтов и писателей постсимволистского периода: "Наблюдая и запечатлевая в сознании их остроконечную форму, изменение их очертаний, освещенную солнцем их поверхность, я чувствовал, что этим впечатление мое не исчерпывается, что за движением

---

⁹ Стихотворения Бунина здесь и в дальнейшем цитируются по собр. соч. И. А. Бунина, изд. "Художественная литература", М., 1965, т. I.

линий и освещенностью поверхностей есть еще что-то такое, что они одновременно как бы содержат и прячут в себе", - замечает герой романа Пруста, подъезжая к "танцующим" колокольням.¹⁰

Но в то время как суть скрыта в глубине конкретных проявлений жизни, сами эти конкретные проявления жизни открыты воспринимающему их сознанию, "наблюдающему" и "запечатлевающему" формы, краски, запахи, движение, переливы, оттенки и т.д. Так явление и воспринимающее его сознание оказываются в неразрывной связи друг с другом. Запечатлевая эту связь, художник создает такую реальность, в которой невозможно отделить объективный мир от его субъективного восприятия. Грань между действительностью и лирическим сознанием оказывается размытой: "А где грань между моей действительностью и моим воображением, моими чувствами, которые ведь есть тоже действительность, нечто несомненно существующее?", - писал Бунин.¹¹ Все существующее оказывается одновременно и вне лирического сознания, и внутри него:

День вечереет, небо опустело.

Гул молотилки слышен на гумне...

Я вижу, слышу, счастлив. Все во мне.

/"Вечер" 1909/

Об этом же писал Пруст: "... лучшее, что есть в нашей памяти, находится вне нас, в дуновении влажного ветра, в затхлом запахе комнаты или в запахе впервые затопленного камина - всюду, где мы обретаем часть самих себя... Вне нас? В нас самих, правильнее будет сказать, но скрытое от наших взоров, погруженное в забвение более или менее долгое."¹² Художник должен вызвать из забвения "лучшее", всеобщее, сущностное, проявляющее себя в феноменах действительности, и одновременно существующее в лирическом сознании:

... А бог был ясен, радостен и прост:

Он в ветре был, в моей душе бездомной...¹³

/"Бог" 1908/

¹⁰ Пруст М. В поисках за утраченным временем. Собр. соч. в 4-х т. Л., 1934-1938, т. I. стр. 207.

¹¹ И. А. Бунин. Избранное. Изд. "Художественная литература". М., 1970, стр. 417.

¹² Пруст М. Указ. соч., т. 2. с. 222.

¹³ Курсив наш

Принцип воссоздания бытия, проявляющего себя во всех связях между феноменами и их личностным восприятием, вызвал к жизни отличную от символистской образную систему. Если у символистов слово призванное осуществить универсальную связь между высшим миром идей и низшим миром явлений, в силу иерархичности этих миров, утрачивало свою "вещественность", приближаясь к самому интеллектуальному из искусств - музыке, то у постсимволистов образ обретал весомость и телесность за счет пробуждаемых им многочисленных чувственных ассоциаций:

Усталый вихрь шипящею змеею

Скользит и жжет своим сухим огнем.

/"Морозное дыхание метели" 1901/

В качестве образа, совпадающего с ощущением, Владимиров цитирует строку из "Жана Нуарье" Франсиса Жамма: "Дым, пахнувший зимой". Приведем одну строфу из стихотворения Бунина 1912 года "Шипит и не встает верблюд":

Дым смешан с холодом воды,

Он пахнет медом и ванилью,

И вами, белые сады,

И кизяком, и росной пылью.

Как и французским постсимволистами, Бунину близка идея слияния лирического сознания с вечной природой /Вселенной/, нашедшая воплощение как в ранних стихотворениях, так и в зрелых:

Ты раскрой мне, природа, объятия,

Чтоб я слился с красотою твоей!

/"Шире, грудь, распахнись" 1886/

Как эта скорбь и жажда - быть вселенной,

Полями, морем, небом - мне близка!

/"Памяти друга" 1916/

Но вечная природа запечатлена в лирике Бунина во временных, конкретно-чувственных своих обликах: "высокое", "далекое", "беспредельное" небо и "зеленое", "широкое" поле, к которым только и стремится поэт душой, - в первом стихотворении; сияющая "золотисто-светлыми столпами" безграничная вода, "как небеса, лежащая пред нами", - во втором, Страстное стремление к слиянию с вечной природой неотделимо от не менее непобедимого стремления к соприкасанию с каждым временным проявлением природы /"соприкасаясь душой

со всем живущим" - в стихотворении "Памяти друга"/. Цитированное выше стихотворение Франсиса Жамма пронизано характерной для французских постсимволистов и для Бунина мыслью о невозможности разгадать ~~тайну стремления художника к воплощению в слове, в образе, и таким~~ образом - в пространстве и во времени того, что существует в вечности:

On a baptisé les étoiles sans penser
qu'elles n'avaient pas besoin de noms, et le nombres
qui prouvent que les belles comètes dans l'ombre
passeront, ne les forceront pas à passer.

/Мы звезда имена даем, нам невдомек -
им не нужны названья и приметы;
не стоит подгонять прекрасные кометы,
в безвестность торопить и сокращать их срок./

Бунин стремится к разрушению границ между изображением природы как вечно существующего феномена и восприятием ее временных проявлений: художник изображает в "краткой жизни" вечную жизнь, воссоздавая вечную универсальную связь между всем и вся, не исчезающую даже с физической смертью:

Настанет день - исчезну я ...
И так же будет залетать
Цветная бабочка в шелку,
Порхать, шуршать и трепетать
По голубому потолку.
И так же будет небо дно
Смотреть в открытое окно,
И море ровной синевой
Манить в простор пустынный свой.

/ "Настанет день - исчезну я" 1916/

Присущее Бунину и поэтам постсимволистам стремление сделать ощутимыми те тайные связи, которые, в представлении новых поэтов, существуют между самой жизнью и всеми ее проявлениями, побуждало их к созданию особой поэтической действительности, отличной от той исторической реальности, в которой все более ощутимыми становились распад всех связей и отчуждение.

ДОН ГУАН И КОМАНДОР В ОЦЕНОЧНОЙ СИСТЕМЕ ПУШКИНА

Т. Бароти

"Маленькая трагедия" Пушкина, "Каменный гость Дон Гуана" не принадлежит к мало изученным произведениям великого писателя. Однако со времени создания "Каменный гость", вызывал самые различные толкования, и даже в настоящее время мнения ученых по такому основополагающему вопросу, как вопрос о том, какое место занимает Дон Гуан и Командор в оценочной системе Пушкина, коренным образом расходятся. Можно ли считать Гуана положительным, трагическим героем, и его гибель актом глубоко трагического содержания, или, напротив, в оценочной системе пушкинской трагедии появление статуи Командора и смерть Дон Гуана представляет собой акт справедливого возмездия? Различные исследователи по разному отвечают на этот вопрос. Из множества толкований мы выбрали весьма немногие, но чрезвычайно характерные.

Видный исследователь творчества Пушкина Г. А. Гуковский трактует образ Гуана в общей сложности как положительное явление.¹

---

¹ Г. А. Гуковский. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957, стр. 301-303. Г. А. Гуковский пишет: "... не еще одно изображение скупца и не еще один портрет Дон Жуана, и не отвлеченно-психологический анализ скупости или любви составили содержание "Скупного рыцаря" и "Каменного гостя", а решающей важности проблема-философская, методологическая и, конечно, политически актуальная. Ибо ведь пушкинское решение этой проблемы неизбежно/ и осознанно для поэта/ ставило среди множества других и такие два вопроса: во-первых, вопрос: кто виноват? во-вторых... два вопроса о вине и возмездии... Дон Гуан у Пушкина не осужден и не прославлен, - он объяснен. Что же касается исторической системы, его сформировавшей, то есть "Возрождения", то Пушкин, повидимому, одобряет ее." /стр. 300-301./

Точно так же относится к пушкинскому герою современный исследователь маленьких трагедий Д. Устюжанин.² Другие исследователи, как напр. Д. Благой³ и В. Соловьев⁴ склонны видеть в пушкинском Дон Гуане традиционного обольстителя.

Следующая цитата из статьи В. Соловьева может быть понята как квинтэссенция понимания исследователем пушкинского Дон Гуана: "Гуан забывает не об одной морали - в нем спит собственная совесть. Источник морали - совесть, но они не совпадают; ... в Гуане, эмансипированном от морали, нет и совести. Свобода используется им в ограниченных собственной прихотью целях. В чем его главная вина перел свободой? Ему прощается многое - и убийство, и обманы, и соблазнения. Может быть, дело в количестве. Дона Анна - последняя капля? Его главная вина в низведении ангела на роль кокетки, в соблазнении Анны, - затевается оно им не из любви и даже не из похоти, но единственно как вызов небу."

Уже не морали, а небу".⁵

---

² Д. Устюжанин. Маленькие трагедии А. С. Пушкина. М., 1974, стр. 68-83. Исследователь пишет: "Дон Гуан искренне поражен наивной чистотой "странной вдовы", которая может задать вопрос:

Вы узами не связаны святыми
Ни с кем, -- не правда ль?"...

Мы не можем не согласиться с мнением исследователя, утверждающего, что "развертывающаяся затем драматургическая борьба - это не столько "поединок" между Дон Гуаном и Доной Анной, ... сколько противоборство в душе Дон Гуана, противоборство в котором отбрасываются, наконец, всякие ухищрения и уловки, "обдуманность и коварство".

По нашему пониманию внутреннее изменение Дон Гуана в четвертой сцене происходит однако не неожиданно: оно психологически и художественно подготовлено в первой сцене, при описании воспоминания Дон Гуана о "бедной Инезе", когда перед нами уже способный к глубокому чувству и состраданию, и этим отличающийся от традиционных "Дон Жуанов" пушкинский Дон Гуан. /стр. 81./

³ См. Д. Благой. Социология творчества Пушкина. Этюды. М., 1931, стр. 183-184, а также его книгу: Д. Благой. Творческий путь Пушкина. 1826-1830, стр. 651-653.

⁴ В. Соловьев. Одиночество свободы /О "Каменном госте"/. В сборнике "В мире Пушкина". М., 1974, стр. 208-255.

⁵ В. Соловьев. Указ. соч., стр. 251.

Что касается утверждения исследователя об отсутствии совести у Гуана, оно, как нам кажется, не подтверждается текстом. Ведь сам Гуан говорит при своем печальном признании в четвертой сцене: "На совести усталой много зла, быть может, тяготеет". Но главное, конечно, не в этом.

Мы не можем согласиться с пониманием В. Соловьевым пушкинского Дон Гуана, и его общие выводы тоже нельзя согласовать с нашим пониманием пушкинской трагедии.

В. Соловьев пишет в начале своей работы: "при втором чтении мы просматриваем произведение с точки зрения "спасения героя", выискиваем угрозы и предостережения ему, изыскивая варианты спасения."⁶ Исследователь убежден в том, что в судьбе Гуана есть тайные знаки, которые "предсказывают, мотивируют, словно бы даже торопят появление Статуи".⁷ В. Соловьев находит эти тайные знаки во всех эпизодах сценической истории Дон Гуана. Как мы видели раньше, исследователь понимает образ пушкинского героя как аморальный, и ждет изменение Дон Гуана. Для нас неприемлемо такое понимание героя, но еще в меньшей степени мы можем согласиться с тем, что возможные изменения Дон Гуана к лучшему, т. е. его "исправление" он представляет себе и "ожидает" от приобщения пушкинского героя официальной "высшей" морали, ведь в понимании В. Соловьева представителями настоящей, достойной человека морали являются священник, Дон Альвар и Карлос. Автор статьи в дальнейшем пишет: "Дон Гуан не берет в расчет высших сил природы, его окружающих и словно бы подающих ему тайные знаки, - он их не замечает. Возмездие подстерегает его не только за аморальность, но еще и за этот цинизм, за пренебрежение к высшим законам мироздания.../следует перечисление некоторых эпизодов пьесы, потом автор продолжает/ - все больше усиливаются Пушкиным намеки, все сильнее сгущается вокруг Гуана атмосфера враждебности, а Гуан беззаботен... С конца второй сцены... пьеса направляется в траги-

---

⁶ В. Соловьев. Указ. соч., стр. 213.

⁷ Там же

ческое русло, а Гуан по-прежнему легкомыслен и беззаботен. Но трагическое течение пьесы /судьбы героя/ сильнее, чем настроение Дон Гуана, - помимо его желания, трагедия втягивает его в свой неотвратимый заколдованный круг, и из него нет выхода. Таковы законы трагедии /судьбы/, которые побеждают не подготовленного к ней и настроенного по-другому героя. Скажем, кстати, что круг трагедии подобен водовороту и затягивает в себя все ближайшее - и Карлоса, и Анну".⁸ Раньше уже было сказано, что мы не можем согласиться с трактовкой В. Соловьевым образа Дон Гуана. В сущности из этого вытекают и следующие замечания: пушкинского героя мы не считаем ни аморальным, ни равнодушным. Речь будет идти также о том, что для Дон Гуана /и самого Пушкина/ неприемлемы существующие и изображенные в пьесе "вышие законы мироздания". Героя Пушкина удовлетворяет только другая, более человеческая мораль, основой для которой является не трансцендентальная "высшая правда", а правда другого человека, раскрывающаяся в участии и сострадании к ближнему.

Нельзя согласиться с пониманием исследователя, согласно которому "Дон Гуан ненасытен - и в мифологической трактовке, и в совпадающей здесь с традицией пьесе Пушкина; он коллекционирует женщин: "как на булавке стрекоза" - это смутный намек на его коллекцию: собственно, и обманутых мужей он коллекционирует так же"⁹ - в первую очередь потому, что пушкинскую разработку легенды о Дон Жуане нельзя понимать как аналогичную традиции: Пушкин идет против традиции. К вопросу о его весьма сложном, полного глубокого морального и психологического содержания отношении к "мужьям" /мужу Инезы и Анны/ мы еще вернемся впоследствии.

Неприемлемы полностью противоречащие фактам следующие замечания В. Соловьева: "Независимость любви от объекта у

---

⁸ В. Соловьев. Указ. соч., стр. 235-236.

⁹ В. Соловьев. Указ. соч., стр. 236.

Дон Гуана поразительная: женщин он отличает друг от друга единственно по темпераменту, да и это скорее групповые, чем индивидуальные, отличия. Инеза выделена по некоторой странности ее, непонятности и по трагичности судьбы".¹⁰ При разборе эпизода воспоминания Гуана об Инезе мы постараемся доказать, что встреча с Инезой и знакомство с ее трагической судьбой имели решающее влияние на Дон Гуана, и что эта "странность" глубоко психологична - имеет столько же значений в отношении к Дон Гуану, сколько к Инезе.

В оценочной системе пушкинской маленькой трагедии "высшей инстанцией", т. е. приемлемой /в человеческом смысле/ для морального поведения правдой является земная, человечески выстраданная правда, основанная на уважении к человеку, на сострадании людей друг к другу и на возмущении и бунте против всякой "высокой" небесной и трансцендентальной морали, которая не основывается на тех же принципах. В. Соловьев в приведенной первой цитате обвиняет Гуана в соблазнении Анны, и в отношении Гуана к Анне отрицает любовь; его приближение к Анне считает достойным наказания вызовом небу. Даже если предположить, что, используя выражение Анны, она связана "святыми узами" теперь с гробом, а раньше была связана такими же "узами святыми" с мужем, все-таки интересно отметить, что Анну воспринимает Гуан как "святую", как "богиню" /конечно не в религиозном, а в настоящем земном смысле/ и с пренебрежением отзывается о "счастливце", неспособном к романтически восторженному чувству любви к "прелестной Доне Анне": "Дон Гуан:

Счастливец! он сокровища пустые
Принес к ногам богини, вот за что
Вкусил он райское блаженство!...

.....

Я был бы раб священной вашей воли,..."

Все вышесказанное нами может быть подтверждено следующей ассоциацией. Ведь если считать Командора носителем небесной,

---

¹⁰ В. Соловьев. Указ. соч., стр. 236.

трансцендентальной правды, /что в нашей трактовке неприемлемо для Дон Гуана, заменившего ее настоящей человеческой правдой/, то мы можем заметить идейную переключку с этой ситуацией в негодующих словах Сальери, говорящем в своем монологе именно о шаткости как земной, так и небесной морали: "Сальери:

Все говорят: нет правды на земле.

Но правды нет - и выше."

Характерно однако, что "несправедливость" "небесной правды" он переживает не в подлинно религиозном, духовном плане, а в плане земном, человеческом, в плане зависти и вражды к Моцарту:

"... Я завидую; глубоко,

Мучительно завидую - О Небо!

Где ж правота, когда священный дар"...

/Курсив наш/

Если принять убийство Командором Дон Гуана за "возмездие от имени абсолютной, небесной правды", то мы вынуждены будем считать убийство Моцарта завистником-Сальери за акт справедливости, отвечающий законам человеческой и небесной морали. Абсурдность такого представления не требует дальнейших комментариев.

Нельзя согласиться с пониманием В. Соловьевым отличия Лауры от Дон Гуана. Соловьев пишет по этому поводу: "Полигамные их устремления аналогичны, но любовная множественность у Лауры бескровна, не требует жертв".¹¹ Пока только отметим, что такая - и последующая трактовка Соловьевым Лауры и Дон Гуана - не только не соответствует драматическому целому произведения, но она непосредственно противоречит и фактам, и тексту пушкинской трагедии; перед смертью в комнате Лауры, /по поводу которой нельзя говорить о полной невинности женщины/, Дон Карлос говорит ей:

.... "... вокруг тебя

Еще лет шесть они толпиться будут,

Тебя ласкать, лелеять, и дарить,

И серенадами ночными тешить,

И за тебя друг друга убивать

На перекрестке ночью"

/Курсив наш/

Но нельзя согласиться и с дальнейшими словами В. Соловьева: "... Лаура не безнравственна, как Гуан; она донравственна... Ей нет дела до общепринятой морали, она выступает не против нее, а независимо от нее. Гуан осознает себя в противопоставлении официальной морали. Моральные препоны ему необходимы, его "донжуанство" полемически заострено. Дон Гуан не был бы донжуаном, не будь он окружен моральными предрассудками".¹² С характеристикой Лауры, данной Соловьевым, мы могли бы согласиться, если бы она была дана не в противопоставлении Гуану, ведь по нашему пониманию, в оценочной - моральной иерархии пушкинского произведения Дон Гуан занимает исключительно высокое положение /вместе с Доной Анной/. По сравнению с Дон Гуаном Лаура входит в пушкинское произведение именно благодаря своему "донжуанству", является своего рода "alter ego" Дон Гуана, их "принципы" и понимание жизни совпадают. Не случайно во второй сцене именно Лаура исполняет перед собравшейся у нее жизнерадостной публикой любовные песни Дон Гуана, творчески обогащая их своим даром исполнителя- импровизатора: "Лаура:

Да, мне удавалось
Сегодня каждое движение, слово.
Я вольно предавалась вдохновенью.
Слова лились, как будто их рождала
Не память рабская, но сердце"

А основой жизненного принципа Лауры и ее гостей, т. е. основой "донжуанизма", вытекающего из каждого слова первой части второй сцены, является гедонизм, наслаждение жизнью и любовью, средством выражения которого является искусство и Лауры - исполнительницы-импровизатора, и Дон Гуана - импровизатора любовной песни. Об этом убедительно свидетельствуют благодарные восклицания и признания слушателей после выступления Лауры:

"Все:

O brava! brava! чудно! бесподобно!

---

¹² В. Соловьев. там же

Первый:

Благодарим, волшебница. Ты сердце
Чаруешь нам. Из наслаждений жизни
Одной любви музыка уступает;
Но и любовь мелодия... взгляни:
Сам Карлос тронут, твой угрюмый гость."

Но в отличие от характера Дон Гуана, который развивается, изменяется впоследствии, Лаура, появляющаяся только во второй сцене, остается той же. Соловьев в дальнейшем для подтверждения своего понимания образа Дон Гуана и Лауры приводит слова Серена Киркегора о "Дон Жуане" Моцарта. Приведенные им слова Киркегора он считает относящимися и к пушкинскому Дон Гуану, хотя он дает цитату с оговоркой. Киркегор так понимает моцартовского героя: "... "Дон Жуан - соблазнитель по самому своему существу. Его любовь не душевна, а чувственна, чувственная же любовь по самому своему понятию неверна, она есть любовь не к одной, а ко всем, то есть соблазняет всех".¹³

С приведенными словами датского философа конечно нельзя не согласиться - они совершенно верно передают одну из основных черт героя моцартовской оперы. Между трактатом Киркегора о герое Моцарта, Дон Жуане, и Дон Гуаном Пушкина, однако, целая пропасть - историческая и моральная.

Киркегор предполагает, что в опере Моцарта все действующие лица за исключением Командора характеризованы в их эротическом отношении к Дон Жуану.

Как указывает А. Хеллер, образы Анны и Оттавио вытесняются из системы Киркегора, представляющей собой описание "эстетической стадии" поведения "несчастливого индивидуума" /и в то же время - интерпретацию моцартовского Дон Жуана/, потому, что именно они выступают в опере Моцарта носителями "морального начала", т. е. той "этической стадии", которую Киркегор анализирует в следующем разделе своей работы, и наличие которой категорически отрицает в "эстетической стадии", т. е. в моцартовской опере.

---

¹³ В. Соловьев. там же

Оттавио является настоящим, живущим в здешнем мире /а не в трансцендентальном!/ антиполюсом Дон Жуана. Что касается величия, он менее значителен, чем Дон Жуан. Но у Моцарта есть и другая иерархия ценностей, а именно моральная, которую, как известно, при анализе моцартовской оперы как "стадии эстетической", Киркегор не мог принимать во внимание. По иерархии моральных ценностей высшее место занимает Оттавио. Для Дон Жуана другой человек во всех жизненных положениях является только объектом; для Оттавио другой человек /женщина/ является главной мотивацией жизни - он находит в ней счастье. В то время как Дон Жуан является демоном чувственности, в Оттавио доминирует чувство. Однако, поскольку он, как сказано выше, человек здешнего, земного мира, в нем господство чувств человеческих /как проявление духовности/ не вытесняет чувственности - они существуют в нем.¹⁴

Пушкинский Дон Гуан решительно отличается от героев всех предыдущих литературных и музыкальных обработок легенды о Дон Жуане. Хотя несомненно, что непосредственной предысторией пушкинского образа является история Дон Жуана из оперы Моцарта /либретто оперы, написанное Лоренцо да Понте/, как и предшествующая ему драма Мольера, ¹⁵ выдержаны в комедийном плане.

¹⁴ указ. соч., стр. 174-177.

¹⁵ Здесь следует отметить некоторую близость образа Дон Жуана в трактовке Э.Т.А. Гофмана пушкинскому Дон Гуану, хотя нельзя не согласиться с мнением А. Б. Ботникова, исследующей в своей книге возможности связи пушкинского "Каменного гостя" с новеллой Гофмана "Дон Жуан", согласно которому "... представляется в высшей степени сомнительным факт знакомства Пушкина с новеллой немецкого романтика". Ведь как пишет А. Ботникова, "русского перевода ее ко времени написания "Каменного гостя" /1830/ не было; французское собрание сочинений Гофмана, известное Пушкину, относится к 1830-33 гг." /В книге: А. Б. Ботникова: Э.Т.А. Гофман и русская литература /первая половина XIX века/. К проблеме русско-немецких литературных связей. Воронеж, 1977, стр. 90-91/.

Ботникова права, когда пишет: "Принципиально различны трактовка центральных образов, их идейное наполнение: в одном случае драматическая форма, в другом - романтическая новелла-эссе. /стр. 90./ /Новелла-эссе Гофмана "Дон Жуан" была написана в 1812, и издана в 1813 году/.

Однако следует отметить, что понимание Гофманом действующих лиц и их основных конфликтов в некоторой степени напоминает пушкинскую разработку легенды о Дон Жуане. Приведем несколько цитат из новеллы немецкого романтика, указывающих на некоторую схожесть в понимании двух образов. В трактовке Гофмана Дон Жуан

У Моцарта бесчеловечному, аморальному Дон Жуану противостоит представитель человеческого и морального миропорядка - Оттавио, образ, в этом смысле, в нашем понимании предвосхищающий образ пушкинского Дон Гуана.

У Пушкина создается невиданный по силе и глубине драматический конфликт. Традиционный Дон Жуан, безбожник и развратник, у Пушкина изменяется, гуманизируется. Под влиянием чистой красоты и жертвенной кротости Доны Анны он внутренне преображается любовью, становится воплощением и представителем настоящей человеческой морали.

является традиционным "развратным соблазнителем", он "любимое творение природы", в нем живет "божественное начало": "...den Juan stattete die Natur, wie ihrer Schosskinder liebstes, mit alledem aus, was den Menschen, in näherer Verwandtschaft mit dem Göttlichen, über den gemeinen Tross, über die Fabrikarbeiten... erhebt; was ihn bestimmt, zu besiegen, zu herrschen..., ein tiefes Gemüt, ein schnell ergreifender Verstand". Цитируется по изданию: "Hoffmans Werk in drei Bänden". Bd. 1. Berlin-Weimar, 1976, стр. 25. О страсти Дон Жуана, о его "ошибке" и бунте пишет Гофман следующее: "Es gibt hier auf Erden wohl nichts, was den Menschen in seiner innigsten Natur so hinaufsteigert als die Liebe; ... was Wunder also, dass Don Juan in der Liebe die Sehnsucht, die seine Brust zerreisst, zu stillen hoffte... In Don Juans Gemüt kam durch des Erbfeindes List der Gedanke, dass durch die Liebe, durch den Genuss des Weibes schon auf Erden das erfüllt werden könne, was bloss als himmlische Verheissung in unserer Brust wohnt und eben jene unendliche Sehnsucht ist, die uns mit dem Überirdischen in unmittelbaren Rapport setzt. Vom schönen Weibe zum schönem rastlos fliehend;... immer in der Wahl sich betrogen glaubend, ... musste doch Juan zuletzt alles irdische Leben matt und flach finden, und indem er überhaupt den Menschen verachtete, lehnte er sich auf gegen die Erscheinung, die, ihm als das Höchste im Leben geltend, so bitter ihn getäuscht hatte.

/Указ. соч., стр. 25-26./. У Гофмана - как впоследствии у Пушкина - Жуану противопоставляется Дона Анна, являясь самым значительным, достойным величия Дон Жуана женским образом: "...sage ich dir mit wenigen Worten, wie mir in der Musik, ohne alle Rücksicht auf den Text, das ganze Verhältnis der beiden im Kampf begriffenen Naturen /Don Juan und Donna Anna/ erscheint. - ... Anna dem Juan gegenübergestellt ist. Wie, wenn Donna Anna vom Himmel dazu bestimmt gewesen wäre, den Juan in der Liebe, die ihn durch des Satans Künste verdarb, die ihm inwohnende göttliche Natur erkennen zu lassen und ihn der Verzweiflung seines nichtigen Strebens zu entreissen? - Zu spät, zur Zeit des höchsten Frevels, sah er sie, und da konnte ihn nur die teuflische Lust erfüllen, sie zu verderben. - Nicht gerettet wurde sie!" /Указ. соч., стр. 27./

/Курсив наш/.

В конце маленькой трагедии происходит характерный только для Пушкина обмен ролями между Гуаном и статуей убитого им Командора: величие без морали /т. е. человеческой морали, понимаемой как свобода, осуществляемая не за счет другого человека, а на основе любви и сочувствия к нему/ уже есть удел статуи Командора, купившего Анну в свое время как вещь, и застывшего в своей бесчеловечности.

В тексте пушкинской трагедии Дон Гуан отмечает только единственное изменение Командора; он стал огромным, несравненно большим, чем был прежде: "Каким он здесь представлен исполином!

Какие плечи! Что за Геркулес...

А сам покойник мал был и щедущен,

Здесь, став на цыпочки, не мог бы руку

До своего он носу дотянуть.

Когда за Эскурьялом мы сошлись,

Наткнулся мне на шпагу он и замер,

Как на булавке стрекоза - а был

Он горд и смел - и дух имел суровый".

В отличие от "малости" живого Альвара, превратившегося в непобедимого исполина, его внутренние свойства характера не меняются - его человеческую сущность передают заключающие монолог слова Дон Гуана. Итак, изменившийся внутренне Дон Гуан в заключительной сцене сталкивается уже с несравненно большим, чем он, каменным исполином, и смело принимает его вызов. При их столкновении они являются представителями двух, друг друга взаимно исключающих, враждебных моральных миропорядков: Гуан - миропорядка нового, едва зародившегося, основанного на достойном человека сострадании и участии к страданиям другого человека, и Командор - старого, демонического величия официального, устоявшегося миропорядка, основанного на трансцендентальной правде.

Собственно говоря, в маленькой трагедии Пушкина совершается перегруппировка сил, в результате которой мы становимся свидетелями конфликта трех пониманий мира, трех разных миропорядков. Первый /1./ - мир традиционного Дон Жуана /Лауры и ее гостей/, противостоящий второму, официальному миру Карлоса, Альвара и священника, основанного на трансценденции, и исключающего все человеческое. /2./ - Дон Гуан, под влиянием, появившегося у него

участия, чувства к Доне Анне освобождается от своего демонического начала и индивидуализма, становится носителем новой, человеческой /!/ морали /3./.

В традиционных разработках легенды о Дон Жуане I-ая стадия трактовалась как аморальная, по сравнению со 2-ой, официальной моралью. В ходе пушкинской трагедии однако одерживает победу ставшая аморальной, непринимаемая с человеческой точки зрения 2-ая, официальная мораль, уничтожающая своим величием зародившееся человеческое начало в Гуане.

Нельзя полностью согласиться с мнением исследователя маленьких трагедий Д. Устюжанина, согласно которому "Пушкинский Дон Гуан в отличие от традиционных Дон Жуанов - в начале трагедии - плоть от плоти своего мира и живет в полном согласии с ним."¹⁶ Для подтверждения своей мысли Д. Устюжанин приводит слова Лепорелло: "Недаром в Мадриде на каждом перекрестке с ним может встретиться ... свой же брат, нахальный кавалер, со шпагой под мышкой и в плаще".

Даже если мы согласны с ответом Лепорелло на вопрос Дон Гуана: "Как думаешь? узнать меня нельзя?" - Лепорелло: "Да! Дон Гуан мудроно признать! Таких как он, такая бездна!", ясно, что иронический ответ Лепорелло нельзя принимать за объективную характеристику Дон Гуана. Недаром Дон Гуан спрашивает: "Шутишь?". Дело не только в том, что нет многих "нахальных кавалеров, со шпагой под мышкой и в плаще", которые по внешнему облику и "донжуановскому" поведению похожи на традиционного Дон Жуана, а в том, что Лепорелло не способен и не намерен проникнуть за внешние факты и характеристики, и, главное - внутреннюю жизнь, внутренние причины поступков своего хозяина, его глубокое внутреннее изменение он не замечает. Но кажется не замечает этого и исследователь маленькой трагедии Пушкина, когда принимает пошлую "отжитую" и ироническую характеристику Лепорелло о своем хозяине. Собственно говоря, в пушкинскую драму о Дон Гуане вводится не только не традиционный Дон Жуан, а находящийся уже в процессе внутреннего преобразования

---

¹⁶ Д. Устюжанин, Указ. соч., стр. 71.

человек, Дон Гуан, который смотрит на страдания и чувства других людей не только в отношении к себе, а с участием, с состраданием. Такая позиция, как точка зрения на жизнь, на себя, на свое отношение к людям и к миру присуща Дон Гуану в первой сцене у Антоньевского монастыря, когда задумчиво, с умилением он вспоминает свою "бедную Инезу", беззащитную, слабую и больную женщину, ставшую жертвой произвола "сурового мужа" - "негодая".

Основная разница - в нашем понимании - между двумя взглядами на Дон Гуана, - взглядами цинического Лепорелло и Пушкина, в том, что Лепорелло имеет статическое представление о своем хозяине, о сценическом Дон Гуане, которое справедливо по отношению к бывшему Дон Гуану. Пушкин же имеет другое представление о Дон Гуане: порочные приключения бывшего Дон Гуана не входят в настоящее сценическое действие пушкинской трагедии. Глубоко изменившийся и переродившийся герой в настоящем сценического действия, в четвертой сцене сам говорит о своем прошлом и настоящем:

"На совести усталой много зла,

Быть может, тяготеет..." /Курсив наш/

Поэтому нельзя согласиться с мнением Д. Устюжанина, согласно которому "девиз Альбера" из "Скупого рыцаря": "Во что бы то ни стало!" якобы прямо подхвачен Дон Гуаном. По мнению исследователя "этот девиз определяет все его поведение - сценическое и несценическое".¹⁷ "Беспринципность" и "безнравственность" Дон Гуана автор исследования определяет следующим образом: "Через все можно преступить, любого, кто встретится на твоём пути, можно рассматривать лишь как препятствие или "орудие" для удовлетворения честолюбивых в своей основе желаний".¹⁸

---

¹⁷ Д. Устюжанин. Указ. соч., стр. 72.

¹⁸ там же

Для подтверждения сказанного автор исследования приводит однако неполную цитату реплик Дон Гуана и Лепорелло:

"Дон Гуан:

..... Бедная Инеза!

Лепорелло:

Что ж, вслед за ней другие были.

Дон Гуан:

Правда.

Лепорелло:

А живы будем, будут и другие.

Дон Гуан:

И то."

Приезденной цитатой Д. Устюжанин хочет подтвердить свое понимание, согласно которому "Дон Гуан лишь элегически вздохнет о своей очередной жертве, будь то любовница или убитый на поединке соперник, и бросится навстречу новым приключениям."¹⁹

Далее, правда, автор приводит более полную цитату диалога Дон Гуана и Лепорелло о бедной Инезе, доказывая весьма убедительно, что в отличие от всех традиционных Дон Жуанов, живущих только настоящим, у пушкинского Дон Гуана есть прошлое. По нашему пониманию однако Д. Устюжанин удаляется от правильного понимания пушкинского Дон Гуана, когда полностью принимает слова Лепорелло в качестве оценки и характеристики Дон Гуана: "Пушкинский Дон Гуан близок в этом отношении к традиционным /"Недолго нас покойницы тревожат", - замечает через несколько мгновений Лепорелло/. Но все же прошлое у него есть!"²⁰

Правда, у пушкинского Дон Гуана есть прошлое, но главное все-таки не в этом. Важнее этого то, что в сценической и в несценической истории главного героя пушкинской трагедии с самого начала произведения Дон Гуан обладает способностью умиления, внимания к другому человеку, способностью сочувствия и сострадания к ближнему. Мы полагаем, что эту способность Пушкин считает одной из наиболее важных человеческих черт. Традиционные Дон Жуаны не обладали этим ка-

¹⁹ Д. Устюжанин. Указ. соч., стр. 72.

²⁰ там же

чеством - для них "возлюбленная" не перестает быть только "объектом любовной страсти", отношение героя к женщине не одухотворенное, не этическое, а только чувственное. Пушкинский Дон Гуан уже в самом начале первой сцены находится в стадии перехода от "эстетической", "чувственной" стадии человеческого поведения к более высокой "этической" - по определению Киркегора.

Поэтому нельзя согласиться с мнением Устюжанина, который пишет: "Герой трагедии - не нравствен и не безнравствен, он - вне нравственности, ибо не признает никаких принципов, кроме принципа "природы". Можно сказать, что он "беспринципен", как сама плоть. Через все можно преступить, любого, кто встретится на твоём пути, можно рассматривать лишь как препятствие или "орудие" для удовлетворения честолюбивых в своей основе желаний".²¹ Нельзя придавать большое оценочное значение репликам Лепорелло, который не способен и не намерен понять умиленные размышления Дон Гуана, его переживания, внутреннюю чистоту и человеческую глубину. Лепорелло не знает о внутреннем мире, о благородных чувствах человека, как мотивировке его внешних поступков и действий - он ко всему относится цинично и поверхностно.

Нам кажется, что говорящие здесь только формально, только внешне не вступают в контакт друг с другом; Лепорелло только внешне присутствует, цинично и иронично комментируя, дополняя слова Дон Гуана, не понимая их глубокого внутреннего смысла. Их мнения так сильно расходятся по отношению к теме разговора, что создается впечатление, будто бы они имеют в виду не одну и ту же женщину, так некстати звучат пошлые и циничные слова Лепорелло на фоне трогательно-умиленного размышления Дон Гуана. Не случайно замечает Дон Гуан: "Ты, кажется, ее не находил красавицей."

Мы считаем этот эпизод воспоминания Дон Гуана об Инезе весьма значительным, ведь именно здесь мы видим доказательство того факта, что традиционный Дон Гуан входит в творческий кругозор Пушкина уже в сильно измененном виде. Пушкинский Дон Гуан уже в начале маленькой трагедии появляется в переходной стадии. Основным психологическим штрихом этого переходного состояния мы считаем наличие уже упомянутой способности Дон Гуана к сочувствию и состраданию /подразумевается: и к размышлениям и рефлексиям, умилению /. Но Дон

²¹ . Устюжанин. Указ. соч. ст. 72-73.

Гуан первой сцены еще не изменившийся, возродившийся к полной душевной жизни человек. Он становится таким согласно требованиям драматического конфликта только в четвертой сцене.

В словах Дон Гуана об Инезе Пушкин передает с удивительной тонкостью и то, как зарождается в Дон Гуане человек, вернее первый толчок к этому, его способность к сочувствию, его внимание к другому человеку. Дон Гуан говорит:

... "Странную приятность
Я находил в ее печальном взоре
И помертвевших губах. Это странно.
Ты, кажется, ее не находил
Красавицей. И точно, мало было
В ней истинно прекрасного. Глаза,
Одни глаза. Да взгляд... такого взгляда
Уж никогда я не встречал. А голос
У ней был тих и слаб - как у больной -
Муж у нее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..."

В приведенной цитате запечатлен тонкий психологический момент зарождения человеческого чувства в традиционном демоническом соблазнителе - Дон Гуане. В тексте дважды упоминается слово "странно", которое как нельзя лучше и точнее выражает беспрецедентность такого чувства и переживания, то, что Дон Гуан замечает совсем новые, до этого момента незнакомые ему чувства, возникновение которых нельзя объяснить обаянием внешней красоты или чувственности. Напротив, Дон Гуан не только признает, что "мало было в ней истинно прекрасного". Он "странную приятность" находит именно "в ее печальном взоре и помертвевших губах". И слышать это от традиционного Дон Гуана действительно неожиданно и странно. И очень важно подчеркнуть еще одну особенность психологически точного изображения этого первого, наиболее решительного момента в преображении Дон Гуана. Как "истинно прекрасные" - он упоминает только глаза Инезы: "Глаза, одни глаза". Но о глазах Инезы здесь идет речь не как о части тела, значит не с позиций, с точки зрения прежнего Дон Гуана. Дон Гуан в следующем предложении заменяет слово "глаза" словом "взгляд": "Да взгляд... - такого взгляда уж никогда я не встречал". Глаза Инезы не так "прекрасны", как этого ожидал бы Лепорелло. И не случайно, что в

начале монолога Дон Гуана говорится о "ее печальном взоре". Выше указанный переход, изменение слов объясняется не только "красочностью" стиля Пушкина, а передает психологическое "углубление" Дон Гуана в процессе установления подлинного человеческого контакта с Доной Анной. Глаза, хотя и есть выражение духовности человека, с другой стороны в контексте слов Дон Гуана и вне контекста может иметь и самостоятельное, объектное значение. Впоследствии Дон Гуан как бы далее уточняет значение, как будто для передачи своего переживания слово "взгляд" считает более точным и подходящим. Действительно, последнее слово полно глубокого психологического содержания, поскольку слово "взгляд" в отличие от "глаза" предполагает человеческий контакт, имеет более активное значение.

Приведенные слова убедительно доказывают, что здесь коренным образом изменяется отношение Дон Гуана к женщине, к другому человеку. Дон Гуан в своих мыслях /в воспоминании/ не разглядывает Инезу как объект своих чувственных желаний, ее глаза тоже не превращаются для него в объект, как источник чувственной радости. Дон Гуан в приведенном эпизоде впервые смог установить человеческий, духовный контакт с женщиной как с другим человеком. Он уже не "бросает посторонний взгляд" на нее, как на внешний объект, а сам глубоко преобразается и духовно обогащается этими "странными" доселе неизвестными чувствами.

Изображение первого "смягчения" индивидуализма Дон Гуана, возникновения в нем глубоко человеческого начала, способности к сочувствию сопровождается у Пушкина изображением другой, весьма важной черты характера героя. Монолог Гуана начинается с умиленно-любовного воспоминания об Инезе и заканчивается гневными, полными справедливого негодования по поводу мужа Инезы словами:...

"Муж у нее был негодяй суровый,
Узнал я поздно... Бедная Инеза!..."

Задумчивое воспоминание Гуана начинается со слов: "Бедная Инеза! Ее уж нет! Как я любил ее!", выражающих любовь и скорбь утраты, а вышеприведенные слова, составляющие кольцевую конструкцию, уже полны негодования. Это говорит не только о подвижной внутренней жизни Гуана. Изменение эмоциональной тональности кроме этого здесь имеет и другую, весьма важную художественную функцию: предвещает будущую встречу Дон Гуана с Доной Анной. Мы имеем в виду

следующее: в известной нам специальной литературе никто еще не обратил внимания на тот факт, что в эпизоде воспоминания Дон Гуана об Инезе /и во всех частях трагедии, где бы только сценически или несценически ни появлялась Дона Анна/, изображение человеческих чувств Гуана /умиление, сострадание, любовь/ непременно сопровождается появлением образа жестокого, злого, бесчеловечного мужа. Так, в эпизоде с Инезой образ умершей возлюбленной переходит в изображение "сурового негодяя-мужа". Это нам дает основание видеть в пушкинском Дон Гуане не просто "бездушного" соблазнителя, а рыцаря, способного к искреннему сочувствию и знающего свою миссию, /как конкретно-данную, так и общую, человеческую/. Ведь мир, в котором живут герои пушкинской драмы, жесток /вспомним заключительные слова Герцога из "Скупого рыцаря" - "Боже! Ужасный век, ужасные сердца!"/, слабые жертвы жаждут искренней любви и сострадания.

В. Соловьев в одной из вышеприведенных цитат пишет, что Инеза выделена Гуаном из группы жертв только "по некоторой странности ее, непонятности и по трагичности судьбы".²² Это, конечно, не так. Раньше мы указали уже на то, что слово "странный" субъективно, психологично, оно относится более к переживающему чувство к Инезе Гуану, чем к "объекту" чувства. Не так обстоит дело с красавицами, с которыми Гуан сблизился в своей короткой ссылке:

... "Они сначала нравились мне

Глазами синими да белизною

Да скромностью - а пуще новизною;"

/курсив наш/, где

последнее слово более относится к объекту, и отделено от субъекта. Не случайно, что первое слово Гуана, относящееся к Доне Анне, содержит слово с более субъективным смыслом:

"Дон Гуан:

Что за странная вдова? /курсив наш/.

И недурна?"

Вопреки второму, на первый взгляд, кажущемуся пошлым вопросу Дон Гуана, обращенному к монаху, эти слова изображают не просто бездушного, циничного, потенциального соблазнителя, а они полны

---

²² В. Соловьев. Указ. соч., стр. 236.

богатого и сложного психологического значения. В этих словах уже запечатлены зачатки зарождающейся, непримиримой вражды между Дон Гуаном и Командором, кончившейся трагически для Гуана и Анны. Дон Гуан только что узнал от Монаха, что жена убитого им Альвара, "памятник ... ему воздвигла"

"И приезжает каждый день сюда
За упокой души молиться
И плакать."

Дона Анна кажется Гуану странный не только потому, что она приезжает на кладбище каждый день "молиться и плакать", а потому, что он знал Дон Альвара при жизни. /Мужа-негодяя Инезы он не знал./ Несколько позднее, узнав о чудесной красоте Анны, он говорит о ее муже:

"Дон Гуан:

Недаром же покойник был ревнив.

Он Дону Анну взаперти держал.

Никто из нас не видывал ее.

Я с нею бы хотел поговорить". /Курсив наш/.

Эти слова свидетельствуют о том, что, в сущности, в глубине души уже начата вражда Командора и Гуана. Ведь интерес Дон Гуана направлен не только на знакомство с Анной, но, что важнее, он сейчас затевает свой второй поединок с убитым им Командором, потому, что зная его при жизни, не может признать господство второго жестокого и сурового мужа над беззащитной женщиной, Доной Анной.

В трагедии Пушкина тайными нитями так связываются судьбы знакомой Гуану "бедной Инезы" с незнакомой еще "странный вдовы", и узнанного им "поздно" мужа Инезы, "негодяя сурового" с знакомым ему мужем Доны Анны, о котором Гуан говорит в начале третьей сцены:

"... А сам покойник мал был и щедучен, ...

.....

а был

Он горд и смел - и дух имел суровый".

/Курсив наш/

Описание первого знакомства Гуана с Анной мы находим в третьей сцене, но идея знакомства у Гуана возникает в первой сцене. Слова Гуана: - "Я с нею бы хотел поговорить" - после характеристики Дон Альвара "покойник был ревнив" - звучат уже как первый вызов.

В третьей сцене Гуан решается обратиться к Доне Анне не по предуготовленному плану, а ... "что в голову придет,

То и скажу, без предуготовленья,
Импровизатором любовной песни..."

Своего рода подготовкой к этой решающей сцене является сцена у Лауры, но она и сама по себе очень важна для понимания проблематики произведения. Во второй сцене, изображающей ужин у Лауры, Лаура представлена тоже как импровизатор-исполнительница любовных песен Дон Гуана. Она настоящий художник:

"... Я вольно предавалась вдохновенью,
Слова лились, как будто их рождала
Не память рабская, но сердце..."

А один из восторженных гостей восклицает: "Какие звуки! сколько в них души!" В сцене у Лауры раскрывается суть "донжуанизма", его идеология: жизнь - наслаждение, наслаждаться каждым моментом жизни, не мешая безоблачному наслаждению размышлениями о высоком предназначении человека. Дон Гуан сценически присутствует только в конце второй сцены, но несценически он постоянно присутствует: о нем говорят гости /его друзья/, Лаура поет его песни, Дон Карлос сердится на него. Эпизод с Карлосом весьма значителен: успокоившись, сам Карлос, злейший враг Гуана, признает,

"что Гуан на поединке честно /курсив наш/
убил его родного брата..."

А после убийства Гуаном Карлоса Лаура опять справедливо говорит:

"Эх, Дон Гуан,
Досадно, право. Вечные проказы -
А все не виноват... Откуда ты..." /курсив наш/

В отличие от понимания некоторыми исследователями восклицания Лауры:

"Что там?

Убит? Прекрасно! В комнате моей!

Что делать мне теперь, повеса, дьявол?

Куда я выброшу его?" - мы слышим не столько ее негодование по поводу смерти Карлоса, сколько по поводу того, что убийство произошло у нее в комнате, причиняя ей этим не моральные угрызения совести, а неудобства.

Слова останавливающей Карлоса Лауры:

"Ты бешеный! останься у меня,

Ты мне понравился; ты Дон Гуана

Напомнил мне, как выбранил меня

И стиснул зубы с скрежетом" - свидетельствуют

не только о том, что Карлос как бы "замещает" отсутствующего Дон Гуана, что он входит в эту роль, но подтверждают данную нам выше характеристику Дон Гуана: он вспыльчив, готов к негодованию, - но в пьесе негодующим мы его /то есть Гуана/ видим не из-за собственных интересов, а из-за другого, именно слабого, незащитного и подавленного человека.

Между "демоническими" Лаурой и Гуаном есть однако глубокое различие. В отличие от Лауры, "искренне" любящей в одну минуту Карлоса, а в следующую - Гуана, Дон Гуан под влиянием своей все более усиливающейся привязанности к Доне Анне видит только ее.

В третьей сцене Дон Гуан изображается как настоящий импровизатор. Образ импровизатора нередкое явление в творчестве Пушкина. Вспомним только фигуру итальянского импровизатора из "Египетских ночей" /но и самого Пушкина не раз называли поэтом-импровизатором/.

Импровизаторский дар Дон Гуана, т. е. его функцию в маленькой трагедии Пушкина мы видим в первую очередь в том, что Гуан легко входит в чужую роль в целях достижения своих желаний. Для этого он использует слова и идеи другого человека.

Так в самом начале третьей сцены Гуан изображается перед осуществлением своего плана, возникшего у него еще в первой сцене: "Я с нею бы хотел поговорить". Несколько позднее он повторяет свою идею: "Слушай, Лепорелло, Я с нею познакомлюсь". Для осуществления своего плана, как он говорит: ... "отшельником смиренным я скрылся здесь...", т. е. он надевает "маску", входит в роль Монаха, но оказывается, и самую идею переодевания он берет у него. В первой сцене мы читаем:

"Монах.

О, Дона Анна никогда с мужчиной

Не говорит.

Дон Гуан.

А с вами, мой отец?

Монах.

Со мной иное дело; я монах".

В начальном монологе Дон Гуана в третьей сцене мы читаем:

... "но сегодня

Впущуся в разговоры с ней; пора.

С чего начну? "Осмелюсь", или нет,

"Сеньора"... ба! что в голову придет,

То и скажу, без предуготовленья,

Импровизатором любовной песни..."

В репликах, последующих за приходом Доны Анны, впервые Анна обращается к Гуану, и Гуан стараясь создать приемлемую /как он предполагает/ для нее психологическую атмосферу, свои темы для разговора строит на словах, произносимых ею. Создается такое впечатление, что слова в его уста влагает Дона Анна:

"Дона Анна.

Опять он здесь. Отец мой,

Я развлекла вас в ваших помышлениях -

Простите /Курсив наш - здесь и дальше/

Дон Гуан.

Я просить прощенья должен

У вас, сеньора. Может, я мешаю

Печали вашей вольно изливаться." - Здесь мы хотели бы обратить внимание на одну, по нашему мнению очень важную деталь. Возможно, что представление о "печали" Анны Гуан заимствует у Монаха, рассказавшего ему о "странной вдове" Альвара, которая приезжает сюда "за упокой души его молиться и плакать". /Курсив наш/. Ответные слова Анны подтверждают только молитву, не упомянутую Гуаном /ведь Гуан все переживает в земном, а не в метафизическом плане/ и отрицает печаль, отмеченную Гуаном, быть может, повторяющим слова Монаха: "Дона Анна:

Нет, мой отец, печаль моя во мне,

При вас мои моленья могут к небу

смирненно возноситься..."

Гуан сразу же подхватывает слово Анны, хотя уже в более искреннем, т. е. близком к собственным чувствам плане:

"Дон Гуан.

Мне, мне молиться, с вами, Дона Анна!

Я не достоин участи такой..."

Монологи, если они местами становятся искренними и поэтичными, то только потому, что Гуан под влиянием своей страстной и вспыльчивой натуры выходит из своей "роли", освобождается от своей "техники импровизатора". В этих местах, полных искреннего чувства, в ухаживания Гуана входят и чувства горького негодования, вызванные пренебрежением и ревностью к "гордому гробу", "хладному" или "бледному мрамору".

Здесь, в третьей сцене перед нами еще, конечно, не изменившийся, душевно-человечески возрожденный Дон Гуан. Перед нами скорее всего "импровизатор любовной песни", не всегда говорящий правду. Говорящие о любви, о страстях слова импровизатора Дон Гуана все чаще переходят в негодование по поводу недостойного, ныне уже покойного мужа.

Приведем еще несколько коротких цитат в качестве примера импровизации Гуана:

"Дона Анна.

Вы не в своем уме.

Дон Гуан.

Или желать

Кончины, Дона Анна, знак безумства?

.....
Когда б я был безумец, я б не стал
Страдать в безмолвии..."

Дона Анна справедливо и проникновенно отмечает:

"И так то вы

Молчите?

Дон Гуан.

Случай, Дона Анна, случай

Увлек меня..."

"Импровизатора" Дон Гуана изображают и следующие слова, вводящие уже некоторые вариации заданной темы /и кстати, вызывающие ассоциации с известным местом из письма Онегина к Татьяне/:

"Дона Анна.

Я слушать вас боюсь.

Дон Гуан.

Я замолчу; лишь не гоните прочь

.....

..... видеть

Вас должен я, когда уже на жизнь
Я осужден."

И после обещания Анны принять Гуана у себя дома полные благодарности слова тоже нельзя назвать искренними:

"Дон Гуан.

Ангел Дона Анна!

Утешь вас бог, как сами вы сегодня

Утешили несчастного страдальца."

- ведь Гуан здесь говорит не своим стилем, а скорее чуждым ему языком священника и Карлоса.

В четвертой сцене - уже глубоко изменившийся Дон Гуан. В отличие от предыдущего "импровизатора" он молчит. Доказательством изменения Дон Гуана мы считаем не только его слова /вернее их содержание, их психологическую и рациональную убедительность/:

"Дон Гуан.

Когда б я вас обманывать хотел,

Признался ль я, сказал ли я то имя,

Которого не можете вы слышать?

Где ж видно тут обдуманность, коварство?"

В качестве доказательства изменения Дон Гуана рассмотрим его монолог из начала четвертой сцены:

"Дон Гуан.

Счастливцев! он сокровища пустые

Принес к ногам богини, вот за что

Вкусил он райское блаженство! Если б

Я прежде вас узнал, с каким восторгом

Мой сан, мои богатства, все бы отдал,

Все за единый благосклонный взгляд;

Я был бы рад священной вашей воли,...

.....

Увы! Судьба судила мне иное."

Стиль и психологическое содержание приведенной цитаты во многом отличаются от стиля и содержания предыдущих сцен. В первую очередь мы хотели бы обратить внимание на то, что в отличие от предыдущих монологов Гуана /связанных с образом Инезы или Анны/, в приведенной здесь цитате совершается другой, противоположный прежнему "ход" душевных движений, переживаний Гуана - именно от негодования и ненависти к Альвару - к любовному чувству. Но здесь

мы должны отметить и другое различие - именно то, что в отличие от ревности к "мертвому счастливцу" /вспомним слова Анны в начале четвертой сцены: "Дон Диего,

Так вы ревнивы. - Муж мой и во гробе

Вас мучит?"/ - здесь мы имеем дело не с ревностью к гробу, а с негодованием Гуана из-за коварной низости и подлости Альвара при жизни.

Главный признак внутреннего изменения Гуана не только в отказе от импровизации, а в изменении в нем природы чувства, и его отношения к своему любовному чувству. В предыдущей сцене мы видели иногда очень практически думающего героя:

"Дон Гуан.

Минуту, Дона Анна,

Одну минуту!

Дона Анна.

Если кто взойдет!...

Дон Гуан.

Решетка заперта. Одну минуту! /Курсив наш/.

Поэт-импровизатор Дон Гуан третьей сцены в четвертой сцене изображен с глубоким лиризмом. И в этом-то главное: о любви Дон Гуан сейчас не говорит как о возможной или "осуществимой", а проецируя ее в прошлое, лирически размышляет о ней, как о неосуществленной и утраченной. В заключительном восклицании мы слышим уже не только негодование, но и самообвинение - ведь Гуан-индивидуалист в прошлом, осуществляя свой принцип, все больше отдалялся от возможности настоящего счастья, т. е. от Анны.

Потеря однако не для одного Гуана тяжка. Слова Доны Анны после трагического признания Гуана в убийстве мужа:

"Дона Анна.

Оставь меня!

/слабо/

О, ты мне враг - ты отнял у меня

Все, что я в жизни..." - оставляют проблему открытой: быть может, ей стало дурно потому /и он отнял у нее в жизни все не только тем, что убил мужа/, что убийством мужа был создан человечески неразрешимый конфликт на их пути к счастью.

В драме Пушкина ставится философский вопрос о свободе и счастье человека. Тема любви является аллегорическим выражением возмож-

ности человеческого поведения вообще, любовь, как наиболее тесная связь между людьми, между мужчиной и женщиной - является воплощением человеческих отношений, человеческого поведения вообще.

Из выше приведенной цитаты в нашем понимании следует, что в четвертой сцене "смягчается" /гуманизируется/ и перерождается духовно не только Дон Гуан, а духовно возрождается и Дона Анна. Полюбив Дон Гуана, по мере постепенного углубления этого свободного и радостного чувства, она тоже "смягчается", освобождается внутренне, перестает ненавидеть "по долгу чести" "несчастливого" Дон Гуана. Внутреннее очищение героев - для Пушкина огромная ценность - представляет собой освобождение человеческой души от поработившей ее страсти, что делает возможным впоследствии возникновение человеческого чувства и сочувствия, без которых для Пушкина не существует ни свободы, ни счастья, ни творчества, ни искусства.

Д. Устюжанин прав, когда в негодующих словах Дон Гуана:

"Счастливец! Он сокровица пустые
Принес к ногам богини, вот за что
Вкусил он райское блаженство!"

видит прямую переключку с утверждениями Скупого рыцаря о могуществе золота.²³ /Надо однако отметить, что во второй сцене Дон Карлос почти теми же словами выражает свою ревность и негодование по поводу любви Лауры к Дон Гуану:

"Дон Карлос: "Счастливец!
Так ты его любила.
/Лаура делает утвердительный знак/.
Очень?
Лаура: Очень"/.

Некоторые части монолога барона в подвале во второй сцене "Скупого рыцаря" действительно приходят на память при внимательном чтении "Дон Гуана", причем более или менее точные совпадения /словесные, или смысловые/ могут быть использованы для более точного понимания пушкинского представления о художественной функции "каменного гостя", т. е. статуи Командора. Ср.: слова Барона о

---

²³ Д. Устюжанин. Указ. соч, стр. 70.

всевластию золота: "Мне все послушно, я же - ничему" и -
"Ступайте, полно вам по свету рыскать,
Служа страстям и нуждам человека"; слова о плачущей с тремя детьми
перед его окном вдове и слова Доны Анны:

... "Мать моя
велела мне дать руку Дон Альвару,
Мы были бедны, Дон Альвар богат".

А слова Доны Анны о долге верности вдовы гробу -

... "Мне вас любить нельзя,
Вдова должна и гробу быть верна" -

невольнo ассоциируются со следующими словами барона из выше уже
приведенного монолога второй сцены, содержащими его претензии и
на загробное владение приобретенным в здешнем мире богатством:

"Я царствую... но кто вослед за мной
Примет власть над нею?...

.....
Едва умру, он, он! сойдет сюда
Под эти мирные, немые своды...

.....
Украив ключи у трупа моего...

.....
..... А по какому праву?"

И заключительные слова монолога барона в некоторой степени
характеризуют и художественную функцию, т. е. намерения и дейст-
вия Командора при жизни и после его смерти:

"О, если б мог от взоров недостойных
Я скрыть подвал! о, если б из могилы
Прийти я мог, сторожевою тенью
Сидеть на сундуке и от живых
Сокровища мои хранить, как ныне!..."

Ведь возвращение статуи Командора и гибель любящих друг друга
Дон Гуана и Доны Анны в некоторой степени можно принимать за
осуществление желания и замысла скупого рыцаря: из могилы прийти
и сторожевой тенью от живых сокровища хранить. Слова о желании
барона скрыть подвал от недостойных взоров тоже ассоциируются с
негодующими словами Дон Гуана из первой сцены, характеризующими
еще живого Командора:

"Недаром же покойник был ревнив.

Он Дону Анну взаперти держал,

Никто из нас не видывал ее.

Я с нею бы хотел поговорить."

Слово "живых" из монолога барона /"Сидеть на сундуке и от живых" / тайными нитями тоже связывается с "каменным гостем" Пушкина. Не случайно, что в "маленьких трагедиях" Пушкина, содержащих тревожные искания настоящих, достойных человека гуманных ценностей на грани жизни и смерти, слова живой и каменный в противопоставлении взаимно обогащают друг друга, приобретая глубокое моральное значение. Так в оценочной системе Пушкина "живой" имеет не только значение "тот, кто жив", а в оппозиции ко второму значению слова "каменный" /смотри пункт "б"/ - слово "живой" приобретает значение "тот, кто чувствует , тот кто духовно жив", у кого есть подвижная, не застывшая, а способная чувствовать душа. Слово "каменный" - обозначает а/ неживого, мертвого человека, статую; б/ живого, но неспособного к сочувствию, жестокого, сурового, гордого и бессовестного человека. Не случайно говорит Дон Гуан о муже Инезы: "Муж у нее был негодяй суровый...", а про Командора говорит в третьей сцене: "А был он горд и смел - и дух имел суровый".

По сравнению с бароном из "Скупого рыцаря" сам "каменный гость" Дон Гуана - Дон Альвар - в оценочной системе Пушкина занимает намного более низкое место. Дон Альвар ведь ничем не жертвовал, а спокойно, без угрызений совести купил Дону Анну, как простую вещь /обратим внимание на то, что в свое время традиционные Дон-Жуаны превращали своих жертв в объект/.

Что касается барона из "Скупого рыцаря", он находится только в переходной стадии к полному душевному омертвлению и окаменению, к стадии полного уничтожения всего живого и человеческого, т. е. к стадии, в которой находится каменная статуя Дона Альвара. У барона еще есть некоторые основания спросить: ... "А по какому праву?", ведь накопление богатства ему стоило дорого: он жертвовал для золота жизнью и совестью. Приведем небольшую часть из негодующего монолога барона, перекликающегося с тяжелыми раздумьями Сальери из другой маленькой трагедии Пушкина:

"Кто знает, сколько горьких воздержаний,
Обузданных страстей, тяжелых дум,
Дневных забот, ночей бессонных мне
Все это стоило? Иль скажет сын,
Что сердце у меня обросло мохом,
Что я не знал желаний, что меня
И совесть никогда не грызла, совесть
Когтистый зверь, скребуший сердце, совесть".

Отметим, что приведенные размышления барона с поражающей художественной силой передают процесс отчуждения человека от самого себя, его овеществления, и кроме передачи горьких страданий /не столько внешних, сколько внутренних/, вызванных утратой человеческого облика и достоинства, являются блестящим доказательством того, что человек, когда изменяет себе, своей человеческой природе, своим человеческим врожденным чувствам, ставя перед собой чуждую человеку цель - не только не может быть счастливым, но исключая себя из рода человеческого, причиняет себе /и другим людям/ безмерные страдания и зло, оказывается обреченным на одиночество и гибель. В образах Сальери и Каменного гостя эти враждебные человеческой природе и морали разрушительные силы становятся более активными, они объективизируются в них. То, что в фигуре барона изображается в становлении, в процессе утраты человеческого, в образе каменной статуи Командора становится активной, безжалостной и неукротимой смертоносной античеловечной силой, в каком-то отношении напоминающей отчужденное и обособленное от всей свободной и живой природы смертоносное дерево - яда, "Анчар":

"В пустыне чахлой и скупой,
На почве, зноем раскаленной,
Анчар, как грозный часовой,
Стоит, один во всей вселенной.

Природа жаждущих степей
Его в день гнева породила,
И зелень мертвую ветвей,
И корни ядом напоила."

Справедливое негодование со стороны Дон Гуана в четвертой сцене является не только разоблачением жестокости и бесчеловечности такого акта, а как нельзя лучше доказывает коренное изменение художественной концепции традиционного Дон Жуана в пушкинской трагедии, где произошел как бы обмен ролями между Дон Жуаном и представителем старого морального миропорядка, каменной статуей /или его живым "предшественником"/. В пушкинской трагедии в четвертой сцене Дон Гуан выступает не только разоблачителем живого, жестокого мира с его ханжеской моралью, не только рыцарем-защитником страдающих, слабых и беззащитных женщин /Инеза, Дона Анна/, а своим поведением коренным образом противопоставлен овеществляющему и уничтожающему человеческое достоинство Дону Альвару:

"Дон Гуан.

Счастливец! Он сокровища пустые
Принес к ногам богини, вот за что
Вкусил он райское блаженство! Если б
Я прежде вас узнал, с каким восторгом
Мой сан, мои богатства, все бы отдал,
Все за единый благосклонный взгляд;
Я был бы раб священной вашей воли..."

Традиционный Дон Жуан здесь уже выступает глубоко чувствующим альтруистом, но главное не в этом. Мы считаем совершенно недопустимым предположить, что якобы в начале четвертой сцены мы имеем дело с соблазнителем Дон Гуаном. Полные сомнения и горечи слова Доны Анны о "хитром искусителе" и "безбожном - развратителе" - Дон Гуане теперь уже совершенно нестати, ведь тягостные сомнения Доны Анны, произносящие слова, полные негодования и оскорбленного чувства:

"О, Дон Гуан красноречив - я знаю,
Слыхала я; он хитрый искуситель.
Вы, говорят, безбожный развратитель,
Вы сущий демон. Сколько бедных женщин

Вы погубили?"

опровергаются уже в самом начале четвертой сцены неожиданным от соблазнителя-импровизатора любовной песни молчанием Дон Гуана. Теперь перед нами не "художник-импровизатор", использующий свое

"красноречие" в бесчеловечных в своей основе и далеких от подлинного искусства целях.

Приведенные слова Дон Гуана из начала четвертой сцены заслуживают большого внимания с точки зрения глубокого психологического изображения Дон Гуана для более точного понимания этого образа в пушкинской трагедии. Выше уже было отмечено, что Дон Гуан с глубоким негодованием говорит о деянии Дон Альвара, когда узнает, что тот приобрел Дону Анну как изменную вещь, путем купли-продажи. Их связь была осуществлена не их взаимным интимным тяготением друг к другу, их брак не означал законную встречу их взаимных склонностей, чувств и желаний, то есть он не был ею свободно выбран:

"Дон Гуан.

Я не должен ревновать.

Он вами выбран был.

Дона Анна.

Нет, мать моя

Велела мне дать руку Дон Альвару,

Мы были бедны, Дон Альвар богат."

Из последующих за этими репликами полных глубокого негодования, презрения к бесчеловечному, овеществляющему другого человека деянию Дон Альвара и в то же время полных истинной и нежной любви к несчастной жертве такого подлого и коварного поступка слов Дон Гуана открывается принципиально другой, а именно подлинно человеческий способ отношения человека к другому человеку, отличающийся не только от поведения традиционного Дон Жуана, а, и это главное, контрастно! /по форме и содержанию/ отличающийся от жестокого поведения Дон Альвара, признанного священником и Карлосом законным и этическим поведением.

РАЗЛИЧНЫЕ ФОРМЫ И ФУНКЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ПРИРОДЫ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ
XVIII ВЕКА

М. Хармат

А. А. Федоров-Давыдов во вступительной статье к книге "Русская пейзажная живопись" пишет: "... очень интересно показать на характерных образцах путь развития и завоеваний русской пейзажной живописи. Мы увидим в нем те же идеи и художественные течения, что и в русской живописи в целом. Пейзаж был органической частью ее общего развития".¹

А. А. Федоров-Давыдов связывает становление русской пейзажной живописи как эстетически осознанного и художественно трактованного изображения мира с распространением в России просветительских учений о "естественном человеке" и его гармонии с "натуральной природой", в то же время подчеркивая, что "сложение пейзажа... происходит различными путями".²

Все это касается и русского литературного пейзажа. После длительного господства на Руси средневековых мистических и аскетических идей "небесной красоты", заслоняющих более реалистические представления о мире, в русской литературе XVIII века оживает культ природы.³ В литературных произведениях эпохи, особенно начиная с 40-х годов столетия, возвеличивается материальный мир: распространяется пантеистическая идея всеобщей одушевленности мира с одной стороны, а с другой стороны - усиливается требование научной точности в изображении действительности, обостряется интерес к научному открытию материального мира.

---

¹ В рамках данной работы мы не сможем заниматься проблемами древнерусских традиций изображения природы в русской литературе XVIII века.

² В кн. "Русская пейзажная живопись", М., 1962, 3.

³ Там же, 5.

Изучение различных форм пейзажных зарисовок русской литературы XVIII века - как органической части целого - нам, вероятно, поможет лучше понять философские и эстетические представления данной эпохи, в том числе один из узловых вопросов литературоведческих исследований: сложный и длительный процесс вызревания и художественного отображения авторской личности в русской литературе. О миропонимании новой личности, формировавшейся в течение XVIII века пишет Л. Гинзбург в своей книге "О лирике": "В нем сочетались вера в могущество разума, политическое вольнодумство, просветительский деизм и просветительский скепсис; наконец, эпикурейская стихия XVIII века - радостное утверждение прекрасного чувственного мира, культ наслаждения, но и резиньяция перед смертью и тщетой чувственных радостей"⁴.

Однако для того, чтобы передать усложняющийся мир нового человека, "русской литературе нужно было пройти через период стилистического упорядочения и очищения, выработки гибкого и точного языка..."⁵.

В данной работе мы останавливаемся на творчестве только тех представителей русской литературы XVIII века, которые внесли особый вклад в художественное изображение природы.

1. В поэзии М. В. Ломоносова наглядно различаются в основном две формы и функции картин природы в зависимости от субъективного отношения автора к предмету художественного изображения. Если официальный одописец Ломоносов не искренне восхищается своим предметом, его пейзажные картины изобилуют шаблонами идиллических описаний природы, конвенциональными приемами придворных одописцев, канонизированными традицией рационалистической эстетики. "Рационалистическая поэтика оперировала словами, поэтическая значимость которых устанавливалась заранее, за пределами данного произведения, в заданной системе стилей"⁶. Устойчивые формулы типа "колеблет ветви тих зефир", "древа и цвет покрылись медом" /Ода 1743, стр. 100/⁷, "струи прохладны обтекают усыпанный цветами луг",

---

⁴ Л. Гинзбург, О лирике. Изд. 2-е, Советский Писатель, Ленингр. отделение, 1974, 22.

⁵ Там же, 23.

⁶ Там же, 15.

⁷ М. В. Ломоносов, Избранные произведения. М.-Л., 1965.
/Далее цитаты даются по этому изданию/.

"зефир... легкими шумит крилами, взвивается под небесами и льет на воздух аромат" /Ода, 1745, стр. 105-106/, "все холмы покрывают лики; в долинах раздаются клики: довольство муз... к счастью от-верзает дверь" /Ода, 1747, стр. 124/ и др. характерны не столько для одического стиля Ломоносова, сколько для стиля панегирических од XVIII века вообще. В таких шаблонных оборотах метафоры легко расшифровываются, аллегии однопланны, метонимии не уводят от предмета, парафразы не замещают предмета, только облекают его условной фразеологией. Значение этих часто повторяющихся, не оригинальных, но богатых красками и формами ломоносовских картин природы можно видеть в том, что они обогащают русскую поэзию со стороны традиций.

Что касается новизны восприятия Ломоносовым природы, в нем сливаются воедино медитации философа-пантеиста о разнообразии и гармонии мироздания с живым интересом естествоведа к тайнам природы и с грандиозными мечтаниями поэта-просветителя о богатстве и будущем величии России. Если появляются "любимые" темы ломоносовской поэзии: всемогущая наука, материальное и умственное богатство России, просвещенный монарх /идеальный образ Петра Первого/, создающий пред-посылки - в первую очередь мир /"тишину"/ - для дальнейшего развития страны, сразу раздаются индивидуальные тоны творчества Ломоносова. В таких случаях его пейзажные зарисовки становятся - благодаря различным художественным приемам - необыкновенно динамичными. Так, напр., первые строфы ранней оды Ломоносова /"На взятие Хотина", 1739/ построены на антитезе полной тишины природы и "грозного шума" в стане татар. Но "тишина" первой половины антитезы - это не обыкновенная тишина мира, а напряженная, преувеличенная - вследствие отрицательного применения традиционных формул идиллий. В идиллических описаниях природы "ветер шумит", "в долинах раздаются клики", "ключ журчит" и так далее, а здесь

"Восторг...

Ведет на верьх горы высокой,

Где ветр в лесах шуметь забыл;

В долине тишина глубокой.

Внимая нечто, ключ молчит,..."

/Ода, 1739, стр. 63./

Во второй половине антитезы опасность, угрожающая родине, преувеличивается до гигантских размеров благодаря в первую очередь динамическим глагольным сказуемым и определительным словосочетаниям, как, напр., "бежит", "шумит", "горит", "гонит", "дрожит", "стремятся", "валятся"; "ярые волны", "седая пена", "конской пар", "грозный звук", "острые зубы", "очи горящие", "сильный мах" и т. д., а также риторическим вопросам со своими пластичными, "демоническими" ассоциациями:

"Не медь ли в чреве Этны ржет
И, с серою кипя, клокочет?
Не ад ли тяжки узы рвет
И челюсти разинуть хочет?..."

/стр. 64./

В других стихотворениях Ломоносов также часто пользуется богатым и сложным синтактико-интонационным построением картин природы для передачи своей тревоги за родину в годину войны или для выражения то скепсиса, то восторга естествоведа и философа перед тайнами вселенной. Такую функцию исполняют, напр., инверсии и переносы в стихах -

"В морях как южных вечной восток
От гор Атлантских вал высок
Крутит к брегам четвертой части,
С кореньем вырвав лес валит;...
Российской воин так врагам
Спешит отмстить виrep грозю,..."

/Первые трофеи Иоанна III, 1741, стр. 81./

или риторические вопросы и восклицания Ломоносова, как, напр.:

"Не дерзк ли то гигант шумит?
Не горы ль с мест своих толкает?
Холмы сорвавши, в твердь разит?
Края небес уже трясутся!
Пути обычны звезд мятутся!...
Не солнце ль хочет снять рукой?"

/Ода, 1741, стр. 73./

"Но где ж, натура, твой закон?
С полночных стран встает заря!
Не солнце ль ставит там твой трон?
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!"

/Вечернее размышление, стр. 220/

Однако вопросы из последней цитаты /а также не цитированные нами вопросы из стихотворения/ - не "простые" риторические вопросы. В них уже оформляются гипотезы ученого о природе северного сияния. Поэзия Ломоносова отличается как раз и тем, что в ней в своеобразной художественной форме появляются проблемы, волнующие естествоведа. Об этом свидетельствуют в выше цитированном отрывке "Вечернего размышления" сама патетическая форма постановки научной догадки /риторические вопросы и восклицания/, антитетическое построение отдельных строк, состоящих из взаимоисключающих понятий, а также традиционное метафорическое уподобление солнца царю природы.

В символе "солнце" - часто повторяющемся мотиве просветительской литературы - воплощается естественное желание человека, в основе своей - эмпирического существа, слиться с природой, быть участником ее великих тайн. В поэзии Ломоносова это "эмпирическое" желание видоизменяется и появляется как сознательное стремление рационалиста, убежденного в возможности и необходимости научного познания законов мира. Но в то же время в образной системе Ломоносова "свет солнца" полностью не замещается "светом разума", абстрактным сиянием рации, а сохраняет свою эмпирическую сущность, что и становится одной из отличительных черт не только творчества Ломоносова, но и русской просветительской литературы вообще. В ломоносовских пейзажах "пре- светлое лице" "дневного светила" "туманы, мраки разгоняя... поля, леса, берега живет" и "в росе, в струях себя являет" /Ода, 1762, стр. 187-88/, то есть конкретный, предметный мир сохраняет свое автономное существование за абстрактным содержанием символа.

В ломоносовском культе солнца - ассоциируются ли с ним языческие обряды огнелюбителей:

"Восток и льдистый Океан
Свои колена преклоняют
И жертву ныне возжигают...
Пред солнцем, на земли светящим"...

/Ода, 1746, стр. 112/

либо в нем передается искренний восторг деиста перед "божием величеством":

"Уже прекрасное светило
Простерло блеск свой по земли
И божие дела открыло:
Мой дух, с веселием внемли;"

/Утреннее размышление о божием величестве, стр. 221/,
- проявляется глубокий гуманизм просветителя, выступающего во имя "света" и "радости" против "туманов" и "мраков" человеческого бытия.

Несмотря на эмпирическое богатство красок и форм в ломоносовских картинах природы, они являются результатом не столько сенсуального восприятия поэтом внешнего мира, сколько интеллектуального обобщения рационалиста. Пафос и напряженность его од выражают сомнения, искания и побеждающую веру просветителя: человеческое "я" - "песчинка как в морских волнах", "как мала искра в вечном льде", "как в сильном вихре тонкий прах" - теряется в "бездне" окружающего его безграничного пространства /Вечернее размышление, стр. 219/, но эта хрупкая частица вселенной стремится к раскрытию и познанию великих тайн мироздания, и берет на себя ответственность за судьбу своего народа, за непрерывный прогресс всего человечества.

В поэзии Ломоносова передаются лирические переживания самого автора, но это не раскрытие тайн личной, индивидуальной жизни неповторимого "я", и не воспроизведение непосредственных представлений автора о реальной действительности. "Перед нами художественный метод, в котором выступает прежде всего реальность разума, а не реальность жизненных фактов".⁸ Все элементы художественной образной системы Ломоносова - в том числе его картины природы - служат передаче идеализированных и, с точки зрения поэта-просветителя, должных качеств окружающего его мира и людей.

2. А. А. Морозов в своей вступительной статье к "Избранным произведениям М. В. Ломоносова" устанавливает следующее существенное различие между художественными методами Ломоносова и его

---

⁸ А. И. Дуденкова, О построении образа в лирике Ломоносова. В сб. 5, "XVIII век". М.-Л., 1962, 74.

великого современника и соперника А. П. С у м а р о к о в а :
"Метафорический строй поэзии Ломоносова рационалистичен. Только это не рационализм классицизма, требовавший однозначности поэтического слова, а "риторический разум" поэта барокко, оправданный всей совокупностью его эстетических воззрений. Классицист Сумароков отвергал метафоризм Ломоносова и его торжественный риторический стиль как сознательное отклонение от "естественности"... Сумароков стремился закрепить постоянное, рациональное, логически выводимое и определяемое значение слова".⁹

Хотя мы не можем полностью согласиться с А. А. Морозовым в таком резком противопоставлении Ломоносова и Сумарокова как представителей барокко и классицизма, нельзя не признать, что автор указанной статьи правильно замечает, что в то время как Ломоносов исходил из многозначности слова, Сумароков не допускал не только метафоризации, но и более простого метонимического перенесения смысла, удаляющегося от основного и привычного значения. "По моему мнению - писал Сумароков в статье "К бессмысленным рифмоторцам" - пропади такое великолепие, в котором нет ясности".¹⁰

Ясностью и простотой выражений отличаются и его картины природы, составляющие важный компонент образной системы лирики Сумарокова. В его торжественных одах /как и в одах Ломоносова/ картины природы часто сопровождают - и своей художественной силой подчеркивают - требование мира /"тишины"/ и мирного труда. Для иллюстрации вышеустановленной разницы между поэтическими методами Ломоносова и Сумарокова, приведем в качестве примера несколько строк о "тишине" из стихотворений обоих поэтов:

Ломоносов:

"Стихии, ярость укрочайте,
Туманы, в ясны дни растайте,
Являй веселый, небо, зрак, -
Целуйтесь, громы, с тишиною,
Упейся, молния, росой,
Стань, ряд планет, в счастливый знак"

/Ода, 1743, стр. 103/

⁹ А. А. Морозов, М. В. Ломоносов. /Вступительная статья к Избр. произв. М. В. Ломоносова/, М.-Л., 1965, 39.

¹⁰ "Трудолюбивая пчела", 1759, декабрь, стр. 764. /Цитируется по ук. работе А. А. Морозова, стр. 39/

"С полудни веет дух смиренный,
Чрез плод земли благословенный.
Утих свирепый вихрь в морях,
Владеет тишина полями,
Спокойство царствует в градах,
И мир простерся над водами".

/Ода, 1742, стр. 87/

Сумароков:

"Вспевайте, птички, песни складно,
Дышите, ветры, вы прохладно,
Целуй любезную, зефир;
Она листочки преклоняет,
Тебя подобно обоняет,
Изображая сладкий мир.

На нивах весело порхает
И в жирных пеллепел травах,
И земледелец отдыхает,
На мягких лежа муравах;"

/Ода ея императорскому величеству, стр. 63/¹¹

Сопоставляя отрывки из од обоих поэтов, мы можем установить, что для изображения "тишины" Ломоносов /это - одна из его любимых тем!/ пользуется, в отличие от Сумарокова, не традиционными формулами одического стиля. В то время как у Сумарокова в знак "сладкого мира" "птички поют складно", "ветры дышат прохладно" и "зефир целует любезную", Ломоносов призывает "в счастливый знак" "ряд планет"; у него "небо", "туманы", "громы" и "молнии" - все "стихии" - активно принимают участие в установлении мира. Динамичность изображения Ломоносовым борьбы между стихиями усиливается благодаря применению антитез внутри отдельных строк: "Туманы, в ясны дни растайте", "Целуйтесь, громы, с тишиною", "Упейся, молния, росю". С нашей точки зрения интересны и ломоносовские парафразы тех же понятий, которые в оде Сумарокова выражаются традиционными поэти-

---

¹¹ А. П. Сумароков, Стихотворения. Л., 1953. /Далее цитаты даются по этому изданию/

ческими шаблонами или обыкновенными оборотами простой, повседневной речи. Напр.: у Сумарокова "дышит прохладный ветер", а у Ломоносова "с полудни веет дух смиренный"; конкретно-визуальной картины Сумарокова "земледелец отдыхает на мягких лежа муравах" соответствует ломоносовская абстракция: "владеет тишина полями".

В то время как Сумароков описывает мирное состояние земли, в оде Ломоносова одушевленный мир действует на земле, господствует над нею:

"Владеет тишина полями,
Спокойство царствует в градах,
И мир простерся над водами".

Подобные различия можно заметить при сопоставлении известных дифирамбических стихов "Оды на день восшествия на престол императрицы Елисаветы Петровны 1747 года" Ломоносова, воспевающих "чудеса" природы и науки в России /стр. 125-126/ с "Дифирамбом I" Сумарокова, написанным также в честь растущего богатства и авторитета России:

"Там, где звери обитали,
Обитают Россы днесь.
Там, где птицы не летали,
Градами покрыт край весь.
Где снега вовек не тают,
Там науки процветают".

/Дифирамб I, стр. 97-98/

В данном случае рационалистическая ясность и простота сумароковских стихов являются результатом как структурально-синтаксических, так и стилистических средств. Сумароков пользуется одинаковым синтаксическим построением во всех трех двустопных данной строфы и одинаковым словопорядком подлежащего и сказуемого во всех трех придаточных предложениях с союзом где /"где звери обитали", "где птицы не летали", "где снега вовек не тают"/, чему легко противопоставляется синтаксическая сложность и "беспорядок" предложений Ломоносова. Что же касается стилистических различий, достаточно процитировать лишь несколько параллельных примеров для показа "естественности" Сумарокова по сравнению со сложностью ломоносовских метафор и парфраз. Ср.:

У Сумарокова: "Там, где звери обитали,
Обитают Россы днесь".

у Ломоносова: "Где густостью животным тесны
Стоят глубокие леса,
Где в роскоши прохладных теней
На пастве скачущих еленей
Ловящих крик не разгонял;
Охотник где не метил луком;
Секирным земледелец стуком
Поющих птиц не устрасал..."

у Сумарокова: "Где снега вовек не тают,
Там науки процветают".

у Ломоносова: "Где мерзлыми борей крылами
Твои взвевает знамена;" и т.п.

Культ солнца - в рамках пантеистского мировоззрения - подобно Ломоносову наблюдается и у Сумарокова. В поэзии Сумарокова "солнце" появляется - в отличие от образного богатства ломоносовских картин - в форме рационалистического обобщения, но не в полном отрыве от эмпирии /как мы уже выше указали на эту отличительную черту русской просветительской литературы/:

"О солнце, ты - живот и красота природы,
Источник вечности и образ божества!
Тобой жива земля, жив воздух, живы воды,
Душа времен и вещества!"

/Гимн о премудрости божией в солнце, стр. 79/

Элегическая антитеза вечной природы и ограниченного смертию человеческого бытия /позднее часто варьируемая тема в философской лирике русских поэтов/ впервые появляется у Сумарокова - в форме характерных для него простых и ясных пейзажных зарисовок:

"Зеленые леса,
Долины чистые, ясны небеса,
Пригорки и сады, источники и реки
Оставим мы навеки.

Вода Невы течет
И в море навсегда свои струи влечет
Струи сии от нас в минуты укатятся
И уж не возвратятся".

/Ода, стр. 102/

Не только "Ода" Сумарокова, но и его песня, идиллии, эклоги и другие стихотворения свидетельствуют о том, что его поэзия - в сопоставлении с лирикой Ломоносова - отличается /кроме уже упомянутой "ясности"/ более субъективным тоном. Картины природы в стихотворениях Сумарокова часто сочетаются с реминисценциями из жизни поэта, чем отчасти объясняется тот факт, что традиционные одические и идиллические формулы - вследствие своей безличности часто бледные и утомительные у Ломоносова - в сумароковских пейзажах становятся легкими и свежими. Пейзаж у Сумарокова, однако, /в силу "ясности" слова!/ еще не становится носителем субъективных переживаний и настроений; он лишь сопровождает их, выступая своеобразным "свидетелем":

"О потоки, кои зрели радости мои,
Рощи и пещеры, холмы, все места сии!
Вы - то видели тогда, как я веселился,
Ныне, ах! того уж нет, я тех дней лишился..."
/Пойте, птички..., стр. 121/

"По долине сей текущи
Воды слышали твой глас,
Как ты клялся быть мне верен,
И зефир летал в тот час".
/О места, места драгие!, стр. 199/

3. В лирике Г. Р. Державина - впервые в русской литературе - личность автора становится организующим фактором: в стихах Державина любовь, печаль, жизнерадостность, честь и слава воспеваются не как абстрактные, "умостигаемые сущности" человеческого бытия, а как конкретные переживания собственного "я", как единичные, реальные явления окружающей действительности.¹² Державину чужд рационализм его века, он полностью эмпиричен в раскрытии конкретных факторов микро- и макрокосмоса. "Державин первым среди русских поэтов воспринимает и изображает реально-конкретную природу

---

¹² См. Г. А. Гуковский, Г. Р. Державин. Вступительная статья, стр. XLIV-XLV, Г. Державин, Стихотворения. Изд. Советский писатель, 1947. /Далее цитаты даются по этому изданию/.

со всем богатством ее красок и звуков".¹³ Субъект, воспринимающий зримые, слышимые, осязаемые стимулы объективного мира, постоянно присутствует в стихах Державина, но его рефлексии всегда относятся к сенсуальной, а не к рациональной или эмоциональной сфере сознания. В лирике Державина внешний мир передается не через призму восприятия субъекта. Природа у него - как часть огромной вселенной - самоценна: она живет своей автономной жизнью. Субъект лишь констатирует ее существование, но констатирует его радостно, что наглядно выражается в нагромождении точных перечислений звуков, красок и форм многообразного предметного мира - после единственного глагола "сенсуальной рефлексии":

"Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,"

"Пастушьего вблизи внимаю рога зов.

Вдали тетеревей глухое токованье,

Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,

Рев крав, гром жолн и коней ржанье".

То в масле, то в сотах зрю под ветвями,

То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,

Сребро, трепещуще лещами".

/Евгению. Жизнь званская, стр. 237-38/

"Огненна ткань блещет очам,

Склоняясь над твоею главою

Дугою!

Пурпур, лазурь, золото, багрянец,

С зеленью тень, слиясь с серебром..."

/Радуга, стр. 227/

Свет является доминирующим элементом в поэзии Державина-просветителя. В его эмпирическом миропонимании культ солнца становится еще более ощутимым, чем у Ломоносова или у Сумарокова, обогащаясь - характерным для него образом - элементом материальной конкретности. Солнце - "точный облик божества" - в символическом изображении Державина наделяется преувеличенными физическими и психическими

---

¹³ Э. Иглои, История русской литературы XVIII века. Бп., 1972. 175.

кими свойствами человеческой телесности:

"Над безднами и высотами
Без ужаса взнося свой зрак,
Ты исполинскими шагами
Отовсюду прогоняешь мрак".
/Гимн солнцу/¹⁴,

и в то же время в нем воплощается и критерий абсолютного художественного творения:

"Только одно солнце лучами
В каплях дождя, в дол отразясь,
Может писать сими цветами
В мраке и мгле, вечно светясь.
Умей подражать ты ему,
Лей свет в тьму".
/Радуга, стр. 228/

Таким образом поэт должен быть - по поэтической исповеди Державина - творцом света. Он должен найти ясные, точные слова для воспроизведения материального мира в поэзии. /В стихах Сумарокова ясные, однозначные слова являются соответствующими словесными выражениями идеала поэта, а не реальной, многоцветной действительности/. Для Державина источник света - бог /"Собою из себя сияя Ты свет, откуда свет истек", Бог, стр. 39/, однако, человек несет в себе отблеск божественного света; и потому он может считать себя - вопреки своей физической ничтожности - богом:

" - Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод..."

"Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, - я раб, - я червь, - я бог!"
/Бог, стр. 40, 41/

¹⁴ Цитируется по статье Б. М. Эйхенбаума "Державин" /1916/ в кн. "Сквозь литературу", Mouton, 1962, 12-20.

Гордость "ума" здесь растворяется в эмпирической целостности бытия. Вся поэзия Державина свидетельствует о том, что его эмпирическому миропониманию чужд, с одной стороны, рационалистический дуализм "высокого" мира идей и "низменной" реальности, а, с другой стороны, дуализм "света" и "тьмы" человеческой природы.

4. Внутренний разлад человеческого сознания и его художественная передача в литературе при помощи пейзажных зарисовок впервые в русской литературе появляется в произведениях современника Державина, Н. М. Карамзина.

Повести, стихотворения и главное произведение Карамзина "Письма русского путешественника" повторяют и варьируют основную проблематику его творчества: человек со своими идеалами и мечтами закономерно разочаровывается в действительности, ведь человек одновременно добр и зол, наивно чист и испорчен, он верит в свое бессмертие, но боится смерти, стремится к знаниям, но опыт разочаровывает его, создает гармонию и в то же время, прибегая к насилию, уничтожает окружающий его мир и самого себя. Для художественной передачи дуализма идеала и действительности, вызванного - по мнению Карамзина - изменчивым, противоречивым характером человека, автор иногда пользуется метафоризацией явлений природы, как напр.: "Сумрак и ясность, ненастье и ведро сменяются теперь в душе моей..."¹⁵ В большинстве случаев, однако, параллельно изображаются картины природы и настроения человека, причем - по меткому замечанию С. Э. Павловича - "в передаче различных состояний природы краски Карамзина значительно ярче и богаче, чем при передаче нюансов человеческих чувств".¹⁶ Но именно это умение Карамзина передать богатые краски пейзажа делает его способным к изображению оттенков душевных настроений, к раскрытию сложности человеческого сердца с такой точностью и наглядностью, на которые никто не был раньше способен в русской литературе. С точки зрения дальнейшего развития русской психологической прозы, однако, не столько богатство красок важно в искусстве Карамзина-пейзажиста, сколько лиризм его пейзажных зарисовок. В его произведениях природа существует не сама по себе, а только в восприятии переживающего ее

---

¹⁵ Н. М. Карамзин, Избранные сочинения. М.-Л., 1964, т. I.
/Далее: ИС I/, стр. 328. "Письма русского путешественника".

¹⁶ С. Э. Павлович, Пути развития русской сентиментальной прозы XVIII века. Изд. Саратовского университета, 1974, 97.

субъекта.

В "лирических пейзажах" Карамзина один единственный "кусочек" материального мира вызывает нередко целый ряд ассоциаций, воспоминаний, причем меняющиеся настроения героя становятся важнее, чем сам пейзаж: "Вчера ввечеру спустились мы в пространные равнины. Я почувствовал некоторую радость... Я вспомнил Россию, любезное Отечество, и мне казалось, что она уже недалеко. Так лежат поля наши, - думал я, передававшись сему мечтательному чувству, так лежат поля наши, когда весеннее солнце растопляет снежную одежду их и оживляет озими, надежду текущего года!" - "Вечер был прекрасный;... Но вдруг пришло мне на мысль, что друзей моих, может нет на свете - прощайте, все приятные чувства! Я желал возвратиться на горы и слушать шумы ветра". /ИС I, 336-37, "Письма..."/.

В стихотворении "К соловью" ночной пейзаж и песня соловья настраивают поэта на меланхолический лад и влекут за собой цепь воспоминаний и размышлений¹⁷, а в стихотворении "Волга" фантазия Карамзина воссоздает - "под шумом гордых волн" "реки священнойшей в мире" - картины древних времен: "тень густых лесов", "страшный рев зверей" и "стрелы Орды Златтйя", а затем автор вспоминает о первых порах своей жизни, проведенных на берегах Волги, подробно рассказывая об одной ужасной, бурной ночи. В конце стихотворения Карамзин превращает Волгу в пантеистический символ божества - в двойственном характере природного явления отражая дуализм божьего облика:

"О Волга! Яростна, ужасна,
Столь в благодости мила, прекрасна:
Ты образ божий в мире сем!"

/ПСС, стр. 118-120/

В то время как лирический герой Державина с "возрожденческой" жизнерадостностью открывает красоты и богатство материального мира, в пейзажных картинах Карамзина проявляется оптимистическая вера пантеиста-просветителя в органическую связь человека с природой: "Наконец благодетельная натура сжалилась над бедным страдальцем и сняла с головы моей свинцовую тягость... Мне казалось, что вся

¹⁷ Н. М. Карамзин, Полное собрание стихотворений. М.-Л., 1966.
/Далее: ПСС/, стр. 121.

природа радовалась со мною, - /ИС I, стр. 299-300, "Письма..."/. "Тут послушалось мне, что и лес и луга вздохнули или повторили глубокий вздох моего сердца..." /Там же, 319/, но в то же время - и его трагический опыт не полного совпадения человеческой натуры с желаемым идеалом: "Ах, Лиза, Лиза! Что с тобой сделалось? До сего времени, просыпаясь вместе с птичками, ты вместе с ними веселилась утром, и чистая, радостная душа светилась в глазах твоих, подобно как солнце светится в каплях росы небесной; но теперь ты задумчива, и общая радость природы чужда твоему сердцу" /Там же, 611, "Бедная Лиза"/. Читая дальше "Бедную Лизу" Карамзина, мы встречаем ряд антитез, наглядно выражающих полное уничтожение первоначальной гармонии между природой и человеком: "утренняя заря, как алое море", - "бледная, томная Лиза": "Вся натура пребывала в молчании", - "Лиза рыдала"; "воссияло солнце" - "Лиза, оставленная, лишилась чувств и памяти". /Там же, 618/.

Под влияние кровавых событий французской революции особенно сильно зазвучали меланхолические, скептические и трагические мотивы в произведениях Карамзина, наглядно демонстрирующие общий кризис русского Просвещения в годы радикализации революции. В стихотворении "Весеннее чувство" гармонии весенней природы противопоставляется физическое насилие:

"Любовь! везде твоя держава;
Везде твоя сияет слава;
Земля есть твой огромный храм...
Но кто дерзает мир священный,
Своею злобой нарушать?...
Бессмертный человек!... созданный
Собой натуру украшать!..
Он кровь себе подобных льет;"

/ПСС, стр. 115-116/

В данной цитате интересно проследить, как у Карамзина на месте эмпирического символа "солнце" появляется абстрактная аллегория "любовь" /любовь - как царица земли/, и как человек, освещенный ярким солнцем в изображении Ломоносова, Сумарокова или Державина, становится у Карамзина антиподом "сияющей любви".

В "Письмах русского путешественника" проблематика внутреннего

разлада человека /для передачи этого разлада Карамзин от начала до конца с неподражаемым искусством пользуется пейзажным зарисовками/ также часто связывается - особенно в письмах из Парижа - с событиями революции. После описания народного собрания в Париже Карамзин изображает характер французов: "Скажу: огонь, воздух - и характер французов описан! Я не знаю народа умнее, пламеннее и ветреннее вашего. По ветренности оставляет он доброе, избирает вредное; ... минуты его жара, исступления, ненависти могут иметь странные следствия, чему примером служит революция" /ИС I, 506/. Здесь высказывается впервые в открытой форме внушаемая контрастами более ранних писем мысль Карамзина о том, что дуализм человеческой души является причиной не только индивидуальных, но и общенациональных и общечеловеческих трагедий. Такое "психологическое" объяснение исторических событий безусловно придает взглядами Карамзина на историю слишком объективный характер, но в то же время в большой мере способствует дальнейшему развитию психологической прозы.

Данная работа не претендует на всестороннее освещение и решение затронутых проблем. Сосредоточивая внимание на различных формах и функциях изображения природы, мы имели целью указать лишь на некоторые своеобразные черты русской литературы XVIII века, а именно на то, что в ней отражается глубокий гуманизм русского Просвещения в интересном синтезе рационалистического и эмпирического миропониманий; что используя традиции, и в то же время вырабатывая новые поэтические и языково-стилистические средства и приемы, она создает предпосылки для дальнейшего развития русской литературы.

К ВОПРОСУ О ПОЭТИКЕ РОМАНА ПИЛЬНЯКА "ГОЛЫЙ ГОД"

И. Баги

В работах последнего времени все полнее восстанавливается сложная картина литературной жизни 20-ых годов. Одна из главных черт этого процесса - исследование наследия ранее незнакомых широким читательским кругам крупных писателей эпохи.

Борис Пильняк один из таких забытых писателей. Он долго оставался почти неизвестным современному читателю, ведь статьи, посвященные его произведениям, печатались главным образом в 20-ые годы. Лишь в последнее время оживился интерес современной критики к пильняковскому творчеству. Несмотря на то, что мнения исследователей не во всем сходятся, все они согласны в том, что новаторские открытия Пильняка оказали огромное влияние на развитие молодой советской прозы, и "творчество его, выпавшее на многие годы из читательского и литературоведческого оборота, заслуживает непредвзятого рассмотрения."¹

В настоящей статье нам хотелось бы раскрыть некоторые особенности творческого метода Пильняка, анализируя сходные тенденции, проявившиеся в его романе "Голый год" и в европейской литературе данного периода.

Поиски новых художественных форм характеризуют советскую литературу 20-ых годов. Начало XX-ого века - время экспериментов, новаторских поисков и в европейской литературе, ведущие тенденции которой отражаются и в произведениях советских писателей. Однако во многих критических работах на первый план выступает роль национальных традиций, которым придается решающее значение в формировании их творчества. В связи с Пильняком особенно часто отмечается влияние А. Белого

---

¹ В. Новиков. Творческий путь Бориса Пильняка. Вопросы литературы. 1975/6. стр. 186.

и Ремизова /авторы некоторых статей говорят даже об эпитонстве/. Но при анализе его прозы становится очевидным, что те формальные и композиционные средства, которые Пильняк заимствовал у этих писателей, органически входят в художественно-философскую систему его произведений.

Уже при поверхностном чтении романа "Голый год" обнаруживаются такие особенности, которые связывают его не только с собственно национальными традициями, но и с новыми тенденциями европейской литературы. Не случайно П. Палиевский в своей статье о Пильняке ставит его в один ряд с Джойсом и Гертрудой Стайн: "Его роман "Голый год" - произведение классическое в своем роде, вполне зрелое и выдержанное по законам новой техники - подписано автором так: "Коломна, Николаина-Посадях, 25 дек. ст. с. 1920 г." Иными словами оно явилось за два года до Джойсова "Улисса" и рядом с наиболее экстравагантными опытами Гертруды Стайн."²

Мы согласны с мнением автора, когда он утверждает, что Пильняк в определенном смысле опередил своих западных современников. В XX-ом веке самые значительные изменения происходят в области жанра романа. Художники ищут новые возможности изображения отношений между человеком и миром, выдвигая на первый план многозначность явлений. Писатель строит модель, в которой раскрывается многообразие явлений, поэтому он не признает возможность создания определенной, единообразной оценочной системы. Распадается целостная структура романа, в модели не дается суждений о мире, признается относительность всех явлений. Это новое миропонимание отражается и в новых художественных формах, нпр. метод "потока сознания", внутренний монолог, монтажная техника. Оно проявляет себя в

---

² П. Палиевский. Экспериментальная литература. Вопросы литературы. 1966/8. стр. 80.

стремлении писателей к стилизовому синтезу и гротескному изображению. Все многообразные феномены интерпретируются в разных планах, в результате чего изменяются и пространственные, и временные отношения в структуре произведений. Распад связей в современном мире проявляется и в "распаде" формы произведения. Отсюда - "Атомизация искусства: "кусовая композиция", "калейдоскопность", "телеграфность" стиля. Воссоздаются "осколки" мира, целостный же его облик восстанавливается лишь с помощью столь популярного в XX-ом веке мифологизма.

В романе "Голый год" обнаруживаются все эти черты. Писатель отказывается от воссоздания конкретно-исторического облика современности, не видя связей между явлением и сущностью вещей. Он передает хаос, "беспорядочность" мира, лишенного логических и причинных связей, строя модель, в которой единственным способом структурирования повествования делается миф. Изображение мира в сдвиге, в хаосе, в бешеном полете объясняет своеобразие структуры повествования, его фрагментарность, разорванность, нарушение логики сюжетного действия, отсутствие героев с развивающимися характерами и судьбами. С этой точки зрения могут быть объяснены разнообразнейшие художественные приемы, к которым прибегает автор в романе - используя почти все новейшие открытия в области прозы, такие как лейтмотивность, метод "потока сознания", внутренний монолог, монтажная техника, ритмическая организация повествования и т. д. Остановимся на этих приемах.

Функцию "потока сознания" на наш взгляд, выполняет так наз. "метельная композиция" произведения. "Метельность у Пильняка многими критиками трактуется как отражение стихийности, когда "... бунт революции" отождествляется с "бунтом метели", метельное движение революции - со стихией крестьянских восстаний прошлых веков".³ Однако такое романтическое осмысление стихии противоречит художественной концепции романа. Смысл образа "революция - метель" наполняется у Пиль-

---

³ Р. Гура. Роман и революция. "Советский писатель". М., 1973. стр. 92.

няка особым содержанием, ведь в романе была сделана "попытка передать полетом стиля ритм современной жизни, в каждой точке требовавшей нового напряжения и непредвиденных решений."⁴

"Метельность" стиля объясняется особым видением мира, распадающегося на отдельные элементы, отсутствием организующего их центра, определенной иерархии в множестве явлений; и в то же время - стремлением создать модель для адекватного выражения этого видения. Смещение самых разных временных пластов, пространственных плоскостей выполняет более сложную функцию, чем просто "возврат" к старой языческой Руси /"... мужики потому шли в революцию, и поддерживали ее, что разрушение буржуазного общества, городов, цивилизации как бы возвращало в 17 век, в близкие их бунтарскому духу времена повольничества, "скифства"./⁵ Цель автора - запечатление взорванного революцией мира, фиксирование момента, наполненного взаимодействием самых различных сил, времен, пространств. Усиливается интенсивность восприятия одного временного отрезка - с самых различных сторон показываются явления распавшегося при взрыве революции мира.

Независимые друг от друга фрагменты фабулы связываются посредством лейтмотивов, чередованием сюжетно-композиционных узлов. Повторяющиеся звуковые фигуры, употребление однородных словесных, синтаксических, ритмических рядов подчеркивает сгущенность, экспрессивность изображения. Одна из самых интересных черт романа - ритмическая организация повествования.

Важной двигательной пружиной повествования являются и внутренние монологи основных персонажей, связанные со словом автора или с диалогами. Некоторые эпизоды романа представляют собой исключительно точку зрения того или иного персо-

---

⁴ П. Палиевский. Указ. ст., стр. 81.

⁵ В. Бузник. Русская советская проза 20-ых годов. Изд. "Наука", Лен. отд. Л., 1975, стр. 104.

нажа. /Части третьей главы: "Глазами Андрея", "Глазами Натальи", "Глазами Ирины"/.

Кроме стремления автора запечатлеть облик эпохи в ее разорванной форме существует и другое: противопоставление этого мира более прочному, единому, мифологическому миру. Цель этого противопоставления в пробуждении ассоциаций, помогающих почувствовать скрытые связи между хаотичными явлениями и выявить вечные начала, скрывающиеся за ними. Таким образом, монтируются два пласта, в результате чего каждый момент произведения интерпретируется в двух планах. Элементы романа воспринимаются не только обособленно, но и на фоне других и с обнаружением связей между ними становится ясным их значение. Концепция мифологизирования помогает увидеть в беспорядке порядок, принять их совместное существование, не отдавая примущества ни тому, ни другому. В модели раскрывается широкая панорама явлений в их полном многообразии и обособленности, исключается возможность какого-либо синтеза.

Эта двуплановость характеризует и изображение персонажей в романе. Каждый эпизод имеет свою центральную фигуру, никогда не становящуюся настоящим героем. Автор создает условно аллегорические образы и в этих лишенных индивидуальности фигурах дает определенную модель восприятия мира. Цель писателя создать такие схематические типы, в которые вкладывается материал хаотичного, "беспорядочного" мира, но в то же время, которые сохраняют что-то из вечного, оригинально-народного. Большевики тоже условные фигуры, маски, как и другие. Но и в их изображении отчетливо и выразительно звучат отдельные мотивы, которые должны подчеркивать эту двойственность. В качестве примера приведем часть из первой главы романа: "В монастыре утром, в исполкоме, /тоже на оконцах здесь грелись бальзамины/ в исполкоме собирались - знамение времени - кожаные люди в кожаных куртках /большевики!/- каждый в статью, кожаный красавец, каждый крепок, и кудри кольцами под фуражкой на затылок, у каждого больше всего воли в обтянутых скулах, в складках у губ, в движении утюжных - и дерзании. Из русской рыхлой, кор-

явой народности - лучший отбор."⁶ В главе "Предпоследняя. Большевики" мы читаем об Архипе Архипове: "В кожаной куртке, с бородой, как у Пугачева."⁷ Фигуры большевиков воспринимаются как сама революция, и поэтому они сознательно схематизированы. Стремление автора подчеркивать отказ от исторического подхода и в создании характеров проявляется и в гротескном противопоставлении большевиков /людей "Энергично функционирующих"/ "историческим деятелям" прежних времен, в первую очередь "лишнему человеку" прошлого века.

Фигуры большевиков - как и другие - созданы автором с целью показать их как носителей определенных черт, а не как отдельные личности. С этой точки зрения важную роль играют некоторые части сюжетного действия: они как бы освещают те черты, которые подчеркиваются автором в определенных героях. В зависимости от этого в романе чередуются резко заостренные ситуации с художественным воплощением легенд, сказаний, ритуалов.

Отсутствием единого взгляда на мир объясняется многообразие стилового построения произведения. С изменением эпизодов изменяется и их стиль в зависимости от экспонированного персонажа. Подобно Джойсу автор передает повествование герою; не вводит его непосредственно в текст, а как бы говорит его голосом, воспроизводит его интонации, манеру речи. Кроме введения слова героя в текст многоплановость изображения достигается и другими средствами: введением цитат из старинных церковных книг, исторических документов, разных документов революции, и даже стилизацией повествования под язык давних времен.⁸

---

⁶ Б. Пильняк. Избранные произведения. "Художественная литература". М., 1976, стр. 54.

⁷ Там же, стр. 159.

⁸ Об этом см. работу Г. Белой в сборнике "Закономерности стилового развития советской прозы 20-ых годов". Изд. "Наука", М., 1977, стр. 111-117.

Мы коснулись в настоящей работе лишь некоторых проблем, возникающих при анализе романа Пильняка "Голый год". Однако, мы считаем эти проблемы характерными, выявляющими особенности творческого метода Пильняка и позволяющими говорить о его романе, как о явлении во многом сходном с новым типом романа европейской литературы 10-ых и 20-ых годов.

О ЯЗЫКЕ И СТИЛЕ РАССКАЗОВ ШУКШИНА

М. И. Ильяш /г. Одесса/

Творчество Василия Шукшина - явление необычайное. Актер, режиссер, сценарист, писатель - многогранным талантом щедро одарила природа этого человека. Упомянутые стороны его творческой личности настолько тесно связаны, переплетены и взаимобусловлены, что выделить их, отделить друг от друга, чтобы исследовать, можно лишь с большой осторожностью и оговорками. А такой анализ крайне необходим, ибо нельзя постигнуть целое, не разобравшись в составных частях его. Шукшин принадлежит советскому киноискусству, советской литературе, и пришло время дать настоящую оценку содеянного им на этом поприще. Впереди - глубокие научные исследования его творческого наследия, монографии о его работе в кинематографии, в литературе. Цель данной статьи - рассмотреть некоторые явления языка и стиля рассказов Шукшина.

Рассказы Шукшина - это, по словам критики, малоформатный эпос; "в литературе В. Шукшин остается именно создателем малого эпоса - малого не по значению, а по размерам его коротких рассказов. Рассказы эти короткие /одна-две странички/, но иной из них стоит романа. И не потому, что на этих страницах судьба уместилась, жизнь прожита, но и оттого, что эпос Шукшина - это эпос внутреннего возвышения и обновления."¹

Источником творчества и вдохновляющим началом для Шукшина была жизнь - во всех ее проявлениях, драматических и трагикомических ситуациях, со всеми радостями и огорчениями, без украшений и грима, - такая, какая она есть. Его герои - люди с трудными судьбами, ищущие, мятущиеся, заблуждающиеся,

---

¹ И. Золотусский. Познавание настоящего. - "Вопросы литературы", 1975, № 10, стр. 5-6.

готовые на все во имя торжества правды и справедливости; они могут поступать необдуманно, опрометчиво, даже вопреки закону и неписаным правилам, но искренне, честно, с открытым забралом. И в этом их сила и величие.

Под стать неприкрашенным героям, под стать трезвой, реальной действительности и язык рассказов Шукшина - правдивый, сильный, меткий, сочный, "живой как жизнь".

АВТОРСКАЯ РЕЧЬ. В речевой стихии рассказов Шукшина² можно выделить два потока - речь автора-рассказчика и речь персонажей. Многие рассказы характеризуются достоверностью, основаны на действительных фактах, свидетелем которых был автор и о которых он повествует, используя авторское "я"; таковы рассказы "Горе", "Дед Ермолай", "Рыжий", "Петя", "На кладбище", "Три грации" и другие. В большинстве же рассказов авторское "я" отсутствует, автор повествует, не "обнаруживая" себя. В том и другом случае авторское повествование представляет собой правильную литературную речь в ее устном варианте. Например:

"День стоял солнечный, ясный. Снег ослепительно блестел. В лесу тишина и нездешний покой. Ехать надо было далеко - верст двадцать: ближе рубить не разрешалось. ... Скоро, однако, любопытство прошло. И смешно тоже уже не было. Волки достигли дороги метрах в ста позади саней и, вытянувшись цепочкой, стали быстро нагонять. Иван крепко вцепился в передок саней и смотрел на волков." /"Волки"/

Стилистические оттенки повествования зависят, конечно, от темы и содержания рассказа, от целевой установки автора: то он сочувствует героям, сопричастен к их делам и помыслам /"Думы", "Обида", "Материнское сердце", "Степка", "На кладбище", "Одни", "Залетный", "Дед Ермолай"/, то рассказывает

---

² Нами анализируются рассказы, помещенные в "Избранных произведений в двух томах", т. I. М., "Молодая гвардия", 1975.

о них со снисходительной улыбкой или легкой иронией /"Ноль - ноль целых", "Миль пардон, мадам!", "Чудик", "Микроскоп", "Привет Сивому!", "Алеша Бесконвойный"/, то использует сатиру, сарказм /"Срезал", "Петя", "Три грации", "Беседы при ясной луне"/. В связи с этим в авторском повествовании Шукшин использует лексико-фразеологические и синтаксические элементы разговорной речи.

"И вот далеко в переулке начинала звенеть гармонь. И поднималась в душе хворь. Но странная какая-то хворь - желанная. Без нее чего-то не хватает. Еще вспоминались какие-то утра... Идешь по траве босиком. Она вся бусая от росы. И только след остается - ядовито-зеленый. И роса обжигает ноги. Даже теперь зябко ногам, как вспомнишь..

... Матвей плохо спал. Просыпался, курил... Ходил в сени пить квас. Выходил на крыльцо, садился на приступку и курил. Светло было в деревне. И ужасно тихо."
/"Думы"/

В таких случаях автор как бы сливается с персонажем, смотрит на мир его глазами, думает и чувствует, как персонаж. Подобного рода повествование приближается уже к несобственно-прямой речи. Этой фигурой поэтического /стилистического/ синтаксиса очень часто пользуется Шукшин, поэтому позволим себе рассмотреть ее подробнее.

Несобственно-прямая речь формально представляет собой авторскую речь, по смыслу же ее нельзя считать ни целиком речью автора, ни целиком речью персонажа. Она двузначна, т.е. "открывает возможности одновременно проводить высказывание героя и отношение автора к этому высказыванию, причем тенденция автора выступает в скрытом, завуалированном виде."³

---

³ И. И. Ковтунова. Несобственно-прямая речь в современном русском языке. - "Русский язык в школе", 1953, № 2, стр. 18.

На несобственно-прямую речь в тексте указывают лексико-фразеологические, грамматические и экспрессивно-эмоциональные средства, не характерные для автора, но используемые в авторском повествовании. Несобственно-прямая речь может состоять из отдельных слов и выражений и может представлять собой целые предложения и даже абзацы. В первом случае преобладают интонации автора, во втором - интонации героя.

Несобственно-прямая речь щедро рассыпана по рассказам Шукшина. Например, рассказ "Алеша Бесконвойный" /13 страниц!/ весь пронизан несобственно-прямой речью: "чистый" голос автора уступает место рассуждениям Алеши, иногда-его односельчан.

"Его и звали-то не Алеша, он был Костя Валиков, но все в деревне звали его Алешей Бесконвойным. А звали его так вот за что: за редкую в наши дни безответственность, неуправляемость. Впрочем, безответственность его не простирались беспрельдно: пять дней в неделе он был безотказный работник, больше того - старательный работник, умелый,... но наступала суббота, и тут все: Алеша выпрягался. Два дня он не работал в колхозе: субботу и воскресенье... Пробовали, конечно, повлиять на него, и не раз, но все без толку... Так и махнули на него рукой. А что сделаешь? Убеждай его, не убеждай - как об стенку горох. Хлопает глазами..."

Подчеркнутые во втором и третьем предложениях конструкции явно книжные, принадлежат автору, а три последних предложения - это уже "голос" односельчан.

А вот другой отрывок:

"Напевая негромко нечто неопределенное - без слов, голосом, Алеша слазил на потолок бани, выбрал там с жердочки веник поплотнее, потом насекал на дровосеке сосновых лап - поровней, без сучков, сложил кучкой в предбаннике. Так, это есть. Что еще? Фонарь!... Алеша нырнул опять под дым, вынес фонарь, поболтал - надо долить. Есть, но... чтоб уж потом ни о чем не думать, Алеша все напевал... Какой желанный покой на душе, господи! Ребятишки не болеют, ни с кем не ругался, даже денег взаймы взяли... Жизнь: когда же самое главное время ее? Может, когда воют?.. Как все же: надо жалеть свою

жизнь или нет? А вдруг да потом, в последний момент, как заорешь, что вовсе не так жил, не то делал? Или так не бывает? Помирают же другие - ничего: тихо, мирно. Ну, жалко, конечно, грустно: не так уж тут плохо..."

В подчеркнутой несобственно-прямой речи слышатся рассуждения Алеши, на что указывают характерные для его речи слова и словосочетания /"так, это есть", "вдруг да потом", "заорешь", "жалко"/, эмоционально-экспрессивные средства /риторические вопросы и восклицания, "господи", "ну" и т.п./.

А вот весь абзац - несобственно-прямая речь:

"Вот тут, на этих улицах, прошла жизнь. А давно ли?.. О господи! Ничего не понять. Давно ли еще была молодой. Вон там, недалеко, и теперь закоулочек сохранился: там Ванька Кандауров сказал ей, чтоб выходила за него... Еще бы раз все бы повторилось! Черт с ним, что угрюмый, он не виноват, такая жизнь была: работал мужик, не пил зряшно, не дрался - хороший. Квасов, тот побойчей был, зато попивал. Да нет, чего там? Ничего бы другого не надо бы. Еще бы разок все с самого начала..." /"Письмо"/

Местами несобственно-прямая речь переходит по сути во внутренний монолог героя, недостает лишь соответствующего пунктуационного оформления и замены личных форм глагола и личных местоимений /в последнем отрывке достаточно вместо "ей" употребить "мне"/.

Широко используется несобственно-прямая речь в рассказах "Думы", "Обида", "Упорный", "Осенью", "Беспалый", "Сураз", "Материнское сердце" и многих других.

РЕЧЬ ПЕРСОНАЖЕЙ. Ведущее место в рассказах Шукшина занимает не авторское повествование, а речь персонажей. В большинстве рассказов главной пружиной, движущей действие, является диалог. В авторской речи обычно дается экспозиция, выражаются дополнительные замечания, с ее помощью отдельные эпизоды соединяются в цельную картину. Основной же смысл и идея произведения заключены в диалогах, из них вырисовывается социальный и моральный облик героев, в них содержание достигает остроты и драматизма. В таких диалогах герои противостоят

друг другу.

"И оппонент у героя, как правило, умен, остер, хитер, ловок в споре, и взять его голыми руками не так просто... В этих молниеносно-кратких философских схватках и раскрывается герой Шукшина, и воплощается. Он именно разговором силен - заметьте, а не каким-нибудь богатырскими подвигами."⁴

/Подчеркнуто нами - М. И./

В диалогах обычно один из говорящих более активен, чем другой, один больше говорит, другой больше слушает, но в продолжение беседы они могут меняться ролями. У Шукшина немало рассказов, построенных на таких диалогах, реплики персонажей в них нередко превращаются в длинные повествования, например в рассказах "На кладбище", "Миль пардон, мадам!", "Беседы при ясной луне", "Горе" и других. В таких случаях между собеседниками нет спора, диалог лишен напряженности. И совсем иное дело, когда смысл рассказа заключается в столкновении мнений, мировоззрений собеседников. Тогда каждый из говорящих проявляет себя активно, диалог превращается в острую схватку двух противников. Это можно наблюдать в рассказах "Хозяин бани и огорода", "Космос, нервная система и шмат сала", "Непротивленец Макар Жеребцов", "Обида", "Привет Сивому!" и других. Диалог может быть стройным и законченным по содержанию, если он обдуман и преследует определенную цель хотя бы со стороны одного из собеседников, как например в рассказе "Срезал". Встречаются и "мирные" диалоги, в которых тоже раскрываются характеры персонажей. /Рассказы "Как помирал старик", "Петя" и др./

Поскольку диалоги у Шукшина приобретают такую большую идейно-смысловую нагрузку, репликам персонажей он уделяет исключительное внимание. Их речь, меткая, емкая, сочная, социально и индивидуально окрашенная, питается источниками живого, народного языка.

Герои Шукшина в основном "сельские жители", оттого в их речи много диалектных и просторечных элементов. В небольшой статье невозможно приводить многочисленные цитаты с теми или иными языково-стилистическими особенностями, поэтому мы позволим себе ограничиться выпиской из речи персонажей диалектной и просторечной лексики, хотя при этом лишаемся возможности почувствовать стилистическую роль таких элементов в контексте. Вот далеко не полный пе-

⁴ И. Золотусский, указ. статья, стр. 8.

речень лексических диалектизмов /Алтайского края и прилегающих к нему районов/, встречающихся в рассказах Шукшина: ЗАПОЛÓШНЫЙ /крикливый, беспокойный/, ЗАПОЛÓШНИЧАТЬ, ОГРАДА /двор/, ГЛЯНЕТСЯ /нравится/, РЯСНЫЙ /густой/, БУСАЯ /о росе, как бусы/, ОКЛЕМАТЬСЯ /выздороветь, окрепнуть/, РОБИТЬ /работать/, ЗАПЯТИТЬ /спрятать/, ЧАСОВАТЬ /жить последние часы, умирать/, ПОЧЁСТЬ /почти/, ГОДÓК /сверстник/, БЕСПРЕЧЬ /постоянно, без конца/, ПРОКÚДА /ловкий, пронырливый человек/, НАВÍЛЬНИК /вилы/, КОШЕНИ́НА /то, что скошено/, ПРИДУ́РКОВАТЫЙ /глуповатый, с придурью/, ВОРО́ТЧИКИ /ворота, калитка/, ШВЫ́РКНУТЬ /шмыгнуть носом/ и многие другие.

Встречаются диалектные и просторечные морфологические элементы, как-то: СТО́НАЮТ, ЛЮ́БЮТ, ЛАЗИ́ЮТ, ПЕКЧИ /печь/, СИЛÓВ нет, УБЕЖДЕ́НИЕВ, КОПЫ́ТЬЯМИ, КУ́РЯМ, в КРОВЕ́, ЦЫПЛЯ́ТЫ, ОРУ́ЖИЯ и ЖИВОТНА́Я /женский род вместо среднего/, ТЯ /вместо "тебя"/, у Е́Й, с ИМИ, ПОШТО́, СКО́ЛЬ и т.п., а также явления с фонетическими отклонениями от литературной нормы: ХОШЬ, РА́ЗИ /вместо "разве"/, ТАДА́, КАДА́, БА /вместо "бы"/, ДОЛЖО́Н, ЧИЖАЛО, ШЕШНА́ДЦАТЬ, АПОСЛ́Я /вместо "после"/, ИДЕ́ /вместо "где"/, ИШО́, РАБЁНОЧЕК, НАДЕ́ЖА /вместо "надежда"/, глагольное окончание -ССЯ /из - шься/, например ТОРО́ПИССЯ, и другие.

Эти диалектные и просторечные особенности неодинаково представлены в речи людей разного возраста. Так, их довольно много у представителей старшего поколения - стариков. Например:

" -- Вот гадаю, - продолжал дед Нечай, - куда приткнуться? Прям хошь петлю накидывай. А это вчера́шней ночью здремнул маленько, вижу: ты вроде идешь по ограде, яички в сите не-сешь. Я пригляделся, а это не яички, а цыплята живые, маленькие ишо. И ты вроде начала их по одному исть. Ешь да ишо прихваливаешь..." /"Горе"/

Другой пример:

"Она: "Мамаша, кто же так оладьи пекет?" - "Как кто? - говорю. - Все так пекут. А чего не так-то?" Дак она набралась совести и давай меня учить, как оладушки пекчи. Ты, говорит, масла побольше в сковородку-то, масла. Да сколько же тебе, матушка, тада масла-то надо? Полкило на день?"

/ "На кладбище" /

В речи людей среднего и тем более младшего поколений диалектных слов встречается меньше, хотя просторечные явления довольно распространены. Обращает на себя внимание лексика и фразеология, отражающая социальные сдвиги, происшедшие в деревне за годы советской власти. Характерным в этом плане является рассказ "Постскриптум", представляющий собой письмо деревенского жителя /кстати, обывателя/, который оказался в Ленинграде. Пишет он так, как думает, как говорит. Наряду с разговорно-бытовыми словами /хворь, заартачиться, увиваться, дребедень, шкелет, баба, лускать, смахивать, здорово, проесться и др./, автор письма использует и такие слова и выражения, как: люкс /номер в гостинице/, жалюзи, туалет, вестибюль, сувенир, постскриптум, к месту следования, принцип работы, входить в стоимость номера, колоссальное движение, проявлять вежливость, делать оргвыводы, сидеть по политической статье /в тюрьме/, обращают на себя внимание /о предметах/, многочисленные столовые и кафе, посещение драмтеатра, памятники архитектуры, и многие другие. Интересно сравнить это письмо с письмом матери-старушки /рассказ "Письмо"/. Она тоже пишет так, как говорит, с большим количеством диалектных и просторечных слов и выражений: када, поврозь, чижало, маленько, ослобони, давеча, ихный, шибко, внучатычки ненаглядный, глазыньки проглядела, у отца с матерей и т.п. Более новые слова и выражения отсутствуют в ее лексиконе.

А вот представитель совсем молодого поколения - восьмиклассник Юрка /рассказ "Космос, нервная система и шмат сала"/. Он тянется к знаниям, несмотря на материальные трудности, резко осуждает жизнь старика Наума Евстигнееча, невежды, пьянчужки и сквернословия. Они находятся на полярных идейных позициях, и это проявляется в их бесконечных беседах. Если речь старика изобилует просторечными и бранными словами, то речь Юрки наполнена книжными словами и выражениями, как-то: астрономия, атмосфера, формула, радиоволны, видеоприемник, крепостное право, отравление организма, освоение космоса, человекоподобные существа, космический корабль, соседи по Галактике, настроиться на определенную волну, нервная система, выработать условный рефлекс, время икс, располагать данными, медленный процесс, кулацкий уклон, в таком возрасте и т.п. Такие слова совсем не употребляет Наум Евстигнееч, а многие из них ему вовсе непонятны. Преклоняясь перед силой знаний и упорством Юрки,

старик бесплатно угощает его салом.

Шукшин - тонкий знаток народно-разговорной речи, ее синтаксической структуры в монологической и диалогической формах. Проф. А. Б. Шапиро указывает на основные признаки синтаксиса народно-разговорной речи:

"... очень большое количество предложений неполных, значительное преобладание паратаксиса над гипотаксисом, а также ряд других особенностей, как-то: дословное или видоизмененное повторение сказанного предложения или его части; преимущественное пользование формами прямой речи сравнительно с формами речи косвенной; смешение конструкций прямой и косвенной речи и вообще переход от одной синтаксической структуры к другой внутри одного предложения; частые вставки в середину предложения каких-либо замечаний, дополнений, пояснений в виде самостоятельных предложений, разрывающих ткань основного предложения; обилие вводных слов и вводных предложений; чрезвычайное распространение частиц с разнообразными значениями."⁵

Все эти особенности можно обнаружить в рассказах Шукшина.

Вот старуха пишет письмо дочери, у которой угрюмый муж:

"Любая животная любит ласку, а человек тем более. Ты, скажи, сам угрюмый ходишь, и, на тебя глядя, сын тоже станет задумыватца. Они, маленькие-то, все на отца глядят: как отец, так и они - походить стараютца. Да я и буду, скажи, с вами, с такими-то... Мне, мол, что, самой с собой, тада остаецца разговаривать? Да что уж это за мысли такие! - день-деньской думать и думать... Ты скажи, ослобони маленько голову-то для семьи... Я, скажи, не кривая, не горбатая - сидеть-то возле тебя. Я, мол, вон счас приоденусь да на

⁵ А. Б. Шапиро. Строение предложения в русских народных говорах. Доклады и сообщения Института русского языка АН СССР, вып. I. 1948, стр. 166-167.

танцы завьюсь, будешь знать. Да сударчика себе найду. Скажи, скажи ему так, скажи. А полезет с кулаками, ты - в милицию: ему сразу прижмут хвост. Это ничего, что он сам в милиции, ему тоже прижмут. С имя нынче не чикаютца, это не старое время. Это раньше, бывало... Тьфу! И писать-то про то неохота!" /"Письмо"/

В этом отрывке-монологе можно найти многие из перечисленных выше особенностей народно-разговорного синтаксиса: и неполные предложения /"Да я и буду, скажи, с вами, с такими-то", "Это раньше, бывало"/, и преимущественное употребление паратактических конструкций, и повторение слов и частей предложения /"скажи", "ему сразу прижмут хвост...", "ему тожу прижмут"/, и смешение форм прямой и косвенной речи, и употребление вводных слов и частиц /"мол", "бывало", "да", "-то"/, и т.д. Подобного рода структуры имеют место во всех рассказах, где есть монологическая речь или длинные реплики /"Раскас", "Горе", "На кладбище", "Миль пардон, мадам!", "Срезал" и др./

ПРИЕМЫ КОМИЧЕСКОГО. Большинство рассказов Шукшина пронизаны юмором, легкой иронией, сарказмом. Доверчиво и с сочувствием мы смеемся, читая рассказы "Сельские жители", "Одни", "Микроскоп", "Чудик", "Алеша Бесконвойный", "Письмо", "Раскас"; снисходительную или ироническую улыбку вызывают у нас герои рассказов "Миль пардон, мадам!", "Привет Сивому!", "Вянет, припадает", "Непротивленец Макар Жеребцов"; резко отрицательно относимся мы к персонажам рассказов "Петя", "Три грации", "Срезал", "Хозяин бани и огорода", "Беседы при ясной луне" и других. Той или иной реакции читателя на описываемое автор достигает не только поведением героев, их взаимоотношениями, ситуацией, но и специфическим отбором языково-стилистических средств и приемов.

Один из приемов создания комического эффекта - сочетание разностильных слов /в общем-то давно известный в художественной литературе прием/. Это вызывает улыбку читателя, настраивает его на "шутливый лад". Так, например, невежественный Наум Евстигнеев, злоупотребляющий спиртным, спрашивает у Юрки об учителях:

" -- А они, случайно, не знают, отчего человек с похмелья хворает?" - "Отравление организма: сивушное масло." - "Где масло? В водке?" - "Но." - Евстигнееву хоть тошно, но он невольно усмехается: "Доучились." - "Хочешь я тебе формулу

покажу? Сейчас я тебе наглядно докажу..."

/ "Космос, нервная система и шмат сала" /

Шурка /из рассказа "Сельские жители"/ просит в письме дядю Пашу убедить бабу Меланью лететь в гости на самолете:

"Так вот вы ей и скажите: как же это так, мама, сын у вас сам летчик, Герой Советского Союза, много раз награжденный, а вы боитесь летать на каком-то несчастном гражданском самолете! В то время, когда мы уже преодолели звуковой барьер."

В рассказе "Миль пардон, мадам!" Бронька Пупков вдохновенно рассказывает, как генерал разведки давал ему поручение:

"Партия и правительство поручают вам, товарищ Пупков, очень ответственное задание. Сюда, на передовую, приехал инкогнито Гитлер. У нас есть шанс хлопнуть его. Мы, говорит, взяли одного гада, который был послан к нам со специальным заданием. Задание-то он выполнил, но сам влопался. А должен был здесь перейти линию фронта и вручить очень важные документы самому Гитлеру. Лично. А Гитлер и вся его шантрапа знают того человека в лицо."

Здесь рядом с книжными выражениями "партия и правительство", "поручать ответственное задание", "инкогнито", "послать со специальным заданием", "вручить важные документы" употребляются просторечные и бранные слова: "есть шанс хлопнуть", "гад", "влопаться", "шантрапа".

Жена ругает Броньку за вранье: "Ведь тебя, дурака беспалого, засудят когда-нибудь! За искажение истории..." Муж отвечает: "Не имеют права: это не печатная работа. Понятно? Дай пожрать." А когда жена не унимается, Бронька веско добавляет: "Миль пардон, мадам... Счас ведь врежу!..." Здесь вежливая форма обращения к женщине /по-иному, впрочем, звучащая в устах Пупкова/ сочетается с вульгаризмом "врежу" /т.е. ударю/.

Обиженный уходом жены шофер Иван Петин пишет:

"Мы государству пользу приносим вот этими руками, которыми я счас пишу, а при встрече могу этими же самыми руками так засветить промеж глаз, что кое-кто с неделю хворать будет... И я давно бы уж был ударником коммунистического труда, но у меня есть одна слабость: как выпью, так начинаю материть всех... А за рулем меня никто ни разу выпимши не видал и никогда не увидит." / "Раскас" /

Комический эффект возникает также при искажении значения или формы иноязычного слова. Санька Журавлев /рассказ "Версия"/ хвастается перед односельчанами, как он, будучи в городе, трое суток блаженствовал с пышнотелой заведующей рестораном в ее трехкомнатной квартире. Все это, по мнению дружка Егорки, "версия", т.е. вранье. Шурка пишет дяде Паше: "А еще дядя Егор сказал, например, что пассажирам не даются парашюты. Это уже шантаж. Но бабонька верит." /"Сельские жители"/. Здесь слово "шантаж" тоже употреблено в значении "неправда, ложь". Старушка из рассказа "На кладбище" осуждает некоторых современных женщин: "Вертихвостки вы, а не образованные... Прокломации! Только подолом трясти умеют." Ей кажется, что слово "прокламация" выражает резко отрицательное, бранное значение.

В устах героев /старшего поколения/ иногда употребляются заимствованные слова в искаженной форме: ироплан, автомобиль, портвейный, лаборанка, шифонер, жалюзей и другие.

Авторской речи Шукшина присущи ирония и сарказм. О парне, который устроил "пьяный дебош", читаем: "Попало и Витьке: кто-то сзади тяпнул бутылкой по голове, но вскользь - Витька устоял. Оскорбленная душа его возликовала и обрела устойчивый покой." /"Материнское сердце"/. Вот портрет самодовольного мещанина Пети: "маленький, толстенький, грудь колесом, ушки топориком, нижняя челюсть вперед", у него "загривок" /не затылок!/, "пузцо... этакая аккуратная мозоль"; он "демонстративно свесил пузцо с ремня - пусть все видят, что человек живет в довольстве." /"Петя"/. Или вот, например, описание одной из "трех граций" /название-то какое!/, трех сплетниц и завистниц, каждое утро собирающихся во дворе, на скамейке:

"Вон идет Рыжая. Лапочка моя! Ой-ой - в новом свитере!.. А походка!.. Вся движение, порыв. Наполеон на Аркольском мосту. Глаза горят. Наверно, какой-нибудь из ее начальников полетел за аморалку. Или кто-нибудь где-нибудь отступил. Она утопичка: ей кажется, что никто никогда не должен уступать. Ммх, лапочка!.." /"Три грации"/

В описании этих "граций", в передаче их разговора Шукшин достигает предельного сарказма.

Поистине необычайно богата всевозможными цветами и их оттенками

языково-стилистическая палитра писателя Василия Шукшина. Можно с уверенностью сказать, имея в виду литературное творчество Шукшина, что исследователям - литературоведам и языковедам-стилистам - есть чем заняться, а молодым, начинающим писателям есть чему поучиться.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТИПЫ И СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ СОСТОЯНИЯ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С ВЕНГЕРСКИМ

И. Пете

1. Общая характеристика отношений состояния

Отношения состояния мы относим к так называемым к в а л и -
ф и к а т и в н ы м отношениям, которые характеризуют предметы
речи, называя их качественные, относительные, притяжательные, коли-
чественные признаки или их состояние.

Отношения с о с т о я н и я выражают временное, внутреннее,
внешнее или общественное положение предметов, являющихся носителями
состояния. Н о с и т е л я м и состояния могут быть: 1/ живые
существа /люди и животные/: Собака спит, 2/ природные явления:
Сегодня потеплело, 3/ созданные человеком административно-полити-
ческие единицы, общественные системы, экономика, наука, искусство,
деловые сферы: Эти страны экономически слабо развиты, многие из
них длительное время находились в колониальной зависимости¹.

Существительные, обозначающие носителей состояния, выступают
в предложении обычно в функции подлежащего или дополнения, реже
определения и обстоятельства². /Венгерскому обстоятельству в русском
языке обычно соответствует дополнение/. Ср., напр.:

Иван лежит дома больной.

- Iván betegen fekszik otthon.

Я застал Ивана дома больным.

- Ivánt betegen találtam otthon.

В лесу нашли Ивана мертвым.

- Ivánra halva találtak rá az
erdőben.

Я сочувствую Ивану в его
горе/горю Ивана.

- Ivánnal vagyok bánatában.

Детей больного Ивана поддер-
живают дедушка и бабушка.

- A betegen fekvő Iván gyermekeit
támogatják a nagyszülők.

¹ См.: Л. И. Сахарчук, Семантическая характеристика предложений
состояния в совр. немецком языке. Сб. "Исследования по романской
и германской филологии", Киев, 1977, 97.

² A mai magyar nyelv rendszere./MMNyR/. Leiró nyelvtan. II. kötet.
Mondattan. Bp., 1962, 227.

С. Н. Цейтлин указывает, что в русском языке часто наблюдается опущение носителя /субъекта/ состояния, когда контекст или речевая ситуация восполняет предложение. Напр.: Ему нездорово жить в деревне. Т о с к у е т /Чехов/. Субъект состояния может быть опущен, если он совпадает с субъектом речи. Напр.: Как грустно, как хорошо, - сказала Даша /Л. Толст./. В вопросительных и побудительных предложениях также может быть опущено указание на субъект состояния, если он совпадает с адресатом речи. Напр.: Почему грустная, а? /Горьк./ = 'Почему ты грустная, а?'³. Русским бессубъективным моделям в венгерском языке часто соответствуют субъективные модели. Ср.: Было сыро, грязно, неуютно... /Чехов, Крыжовник/ 'Minden nyirkos volt, sáros, barátságatlan... /Szöllősy Klára ford./.

Встречаются и так наз. с и н е к д о х и ч е с к и е способы обозначения субъекта состояния. В этом случае состояние приписывается не субъекту в целом, а его части, обозначенной существительными душа, лицо, вид, сердце, взгляд, взор, голова, нога, дух, походка, характер, настроение и т. п. В синекдохических моделях существительные, обозначающие часть субъекта, могут выполнять функцию подлежащего, обстоятельства места или образа действия. Способ оформления синекдохических моделей в русском и венгерском языках может различаться, синекдохическим моделям в одном языке могут соответствовать не синекдохические в другом.

Ср.:

Лицо у него было серьезное,
строгое, глядел он на воду
сердито /Чехов, Степь/

- Komoly, szigorú arccal, haragosan bámulta a vizet.
/Szöllősy Klára ford./

На душе было скверно, еще
хуже, чем перед началом
спектакля /Ф. Кнорре, Далекий зов/

- Rosszabb hangulatban voltam, mint az előadás kezdete előtt.

Настроение духа у обоих было
прекрасное /Чехов, Степь/

- Mindketten pompás hangulatban voltak /Szöllősy K./

³ См. С. Н. Цейтлин, Синтаксические модели со значением психического состояния. Сб. "Синтаксис и стилистика", М., 1976, 171.

Все же в сердце каждого было
смутно и тревожно /Федин,
Необыкн. лето/

- Mégis mindenki nyugtalan volt
és félt.

Легко становится на сердце,
если мы хорошо, от души по-
сеемся /Неделя, 1964/41, 18/

- Megkönnyebülünk, ha szivből,
jól kinevetjük magunkat.

В слезящих глазах его выраже-
ние тоски и ужаса /Чехов, Ха-
мелеон/

- Könnyező szeme csupa félelem
és rémület /Sárváry Elek ford./

По лицу ее разлито умиление
/Чехов, Детвора/

- Ilyenkor ellágyulás sugárzik
az arcán /Leszev Irén ford./

На лице выражение чувства долга
и приятности /Чехов, Хирургия/

- Arcáról sugárzik a kötelesség-
tudás, a kedvesség /Peterdi
István ford./

Лицо его исказилось, будто он
наступил на колючку /пер.
А. Красновой/

- ... s olyan arccal nézett rá,
mint akinek túske szurja a
talpát /Gárdonyi, Egri cs./

Есть у меня к вам, Яков Василь-
евич, некоторая просьбица, -
начал он каким-то несмелым
голосом /Писемский/

- Van egy kérésem Önhöz, Jakov
Vasziljevics, kezdte mondani
félénken.

2. Семантические типы состояния

1. Отношения в н у т р е н н е г о состояния выражают пси-
хическое, физиологическое и физическое положение предметов речи.

а/ Отношения п с и х и ч е с к о г о состояния отражают
душевный мир, эмоции и чувства одушевленных предметов. Они могут
выражать: 1/ боязнь - Ему было страшно на утесе 'Nagyon félt a
sziklán', 2/ беспокойство - Родители беспокоились о детях 'A szülők
nyugtalanokdtak a gyerekek miatt', 3/ недовольство - Я недоволен
ею 'Elégedetlen vagyok vele', 4/ печаль - У нас страшное уныние
и тоскливость 'Vigasztalanok és szomoruk vagyunk', 5/ отвращение

- Он мне отвратителен 'Számomra undorító', 6/ презрение - Он пре-
небрегает черной работой 'Megveti a segéd munkát', 7/ издеватель-
ство - Она при посторонних иногда издевалась над ним, девала ему
обидные прозвища... /Бунин, Дело корнета Елагина/ 'Idegenek előtt
néha kigunyolta...', 8/ рассеянность - Он слушал ее рассеянно
'Szórakozottan hallgatta', 9/ удивление - Я уже ничему не удивляюсь
'Már semmin sem csodálkozem', 10/ безразличие - Ей было безраз-
лично, нахожусь ли я в числе гостей или нет /Серафимович, Наденька/
'Közömbös volt neki, hogy ott vagyok-e a vendégek között vagy nem',
11/ смелость - Он не осмелится отрицать это 'Ezt nem meri majd le-
tagadni', 12/ спокойствие - На душе спокойно 'Nyugodt a lelkem',
13/ удовлетворение - Я доволен ею 'Elégedett vagyok vele', 14/ ра-
дость - Я рад за тебя 'Örülök sikereidnek', 15/ наслаждение - Я
наслаждаюсь тишиной 'Élvezem a csendet', 16/ уважение - Мы уважаем
старших 'Tiszteljük az öregeket', 17/ сосредоточенность - Нам надо
сосредоточиться на самом главном 'A legfontosabbra kell összponto-
sítani figyelmünket', 18/ заинтересованность - Однажды, делая за-
интересованный вид, спросил: - Каковы ваши планы? /Добровольский/
'Egyszer érdeklődést mutatva kérdezte: - Mik a terveid?', 19/ рас-
каяние - Я тотчас же раскаялся, что напугал ее 'Nyomban megbántam,
hogy megijesztettem', 20/ любовь - Она влюблена в него по уши
'Fülig szerelmes belé', 21/ ненависть - Я бы тебя должна ненавидеть
/Лерм./ 'Gyűlöltnöm kellene tégedet'.

б/ Отношения ф и з и о л о г и ч е с к о г о состояния
связаны с здоровьем и потребностями одушевленных предметов. Напр.:
Он болен. Он проголодался 'Megéhezett' .

в/ Отношения ф и з и ч е с к о г о состояния выражают
температуру и твердое, жидкое и газообразное агрегатное состояние
/halmazállapot/ предметов речи. Напр.: Если воздух охлаждать, то
сначала он превратится в жидкость, а затем затвердеет.

2. Отношения в н е ш н е г о состояния могут выражать:

а/ Форму б ы т и я , существования предметов речи. Напр.:
Она жива/осталась в живых. Кот проглотил рыбу живьем/живой.

б/ П о в е д е н и е одушевленных предметов речи. Напр.:
Он бездельничает.

в/ Вертикальное или горизонтальное положение предметов речи в пространстве. Напр.: Пальто висит на вешалке.
Ребенок лежит в кровати.

г/ Состояние поверхности предметов речи. Напр.:
Ее дети ходят чистые 'Gyerekei tisztán járnak'.

3. Отношения общественного состояния могут выражать:

а/ общественную функцию предметов речи. Напр.: Он пошел в солдаты. Он работает инженером;

б/ замещение предметов речи в какой-л. общественной функции. Напр.: Он расписался за брата. Он работал там в качестве переводчика/как переводчик.

4. Отношения состояния временны, т.е. они могут выражать возникновение, наличие или прекращение состояния у предметов речи. На основании этого признака состояния мы различаем трансгрессивное /лат. transgressio 'переход'//, статичное и отделительное состояние. Трансгрессивные и отделительные виды состояния динамичны: они обозначают смену одного состояния другим. Ср.: Он заснул - Он спит - Он проснулся; Он заболел - Он болен/Он больной/Он болеет - Он выздоровел, Она упала в обморок - Она лежит в обмороке - Она пришла в себя, Его назначили директором - Он директор - Его сняли с должности директора, Молоко вскипятили/вскипело - Молоко кипит - Молоко перестало кипеть.

Надо отметить, что между трансгрессивными, статичными и отделительными типами состояний нет резкой границы. Возникновение нового состояния, с одной стороны, предполагает его отделение от старого состояния, с другой стороны, оно связано с наличием нового состояния. Из этого следует, что одно состояние иногда можно рассматривать так трансгрессивное и отделительное или как трансгрессивное и статичное. Предложение 'Молоко вскипело', напр., выражает не только переход из одного состояния в другое,, но и то, что 'Молоко кипит', т.е. Оно уже кипяченое. Предложение 'Он пришел в чувство' может означать прекращение состояния обморока и возникновение нового

состояния. Эта связь разных типов состояния способствует разным возможностям их оценки при переводе с одного языка на другой.

Ср., напр.:

Подозрений на него было много...

/Лерм., Герой.../

- Sokszor tette gyanussá
magát /Áprily L. ford./

Наделал он мне хлопот... /Там же/

- Annyi bajlódáson volt vele.

Однако и эта угроза не произвела
на Дери никакого впечатления /Пере-
вод О. Громовой и Г. Лейбушиной/

- Dőryt még ez sem vette ki
a flegmájából /Mikszáth,
Különös házasság/

... на прелестном крутом лбу вы-
ступили капельки холодного по-
та /Там же/

- ... kedves, szögletes homlo-
kán halálos verejtek gyön-
gyözött /Mikszáth, K. h./

В венгерских грамматиках языковые средства обстоятельственного характера, выражающие состояние, называются конечным обстоятельством /véghatározó - К. Е. Майтинская, 186/, обстоятельством результата, или конечного состояния /eredményhatározó - Й. Балашша, 319/, обстоятельством состояния, или разными видами обстоятельства состояния /állapothatározó, állapotféle határozók/ и обстоятельством исходного состояния /Й. Балашша, 319/, или обстоятельством происхождения /eredethatározó - К. Е. Майтинская, 185/⁴. В русских грамматиках эти термины, как правило, не употребляются. /С термином обстоятельство состояния мы встречались только в работе В. М. Никитина. По его определению обстоятельство состояния обозначает "состояние субъекта или объекта, так или иначе могущее отразиться на качестве действия"/⁵.

⁴ См. К. Е. Майтинская, Венгерский язык. ч. III, М., 1960, Й. Балашша, Венгерский язык. М., 1960. A mai magyar nyelv rendszere. II. Bp., 1962, 227-249, Szabó Dénes, A mai magyar nyelv. II. Kézirat, Bp., 1955, 309-317. В Академической грамматике венгерского языка обстоятельства состояния делятся на 1/ чистые обстоятельства /valóságos állapothatározó/, 2/ обстоятельства обстановки /körülményhatározó/, 3/ обстоятельства ограничения /tekintethatározó/. MNyR, 228-242.

⁵ В. М. Никитин, Обстоятельство как второстепенный член предложения в русском языке в его противопоставлении дополнению. "Ученые записки Рязанского пед. ин-та, 1961, т. XXVII, 44.

Разные семантические разновидности трансгрессивного, отделительного и статичного состояния в известной нам научной литературе не устанавливаются. Основная цель данной статьи - обратить внимание читателей на целосообразность классификации языкового материала, во-первых, по средствам выражения трансгрессивного, отделительного и статичного состояния, во-вторых, по видам внутреннего, внешнего и общественного состояния на основании семантико-синтаксического поля состояния⁶. Вторая цель нашей работы - доказать, что несмотря на то, что "функция и значение в синтаксисе стремятся к сближению", есть все основания на современном этапе развития лингвистики для противопоставления структурной функции языковых единиц и значения функции⁷.

Разграничение разных семантических разновидностей отношений состояния затрудняет то обстоятельство, что формальная /грамматическая/ и семантическая структура предложений со значением состояния не находятся во взаимно однозначных отношениях ни в одном из сопоставляемых языков. Одинаковые модели предложений, обозначающие разные семантические разновидности внутреннего, внешнего и общественного состояния, затрудняют установление семантических разновидностей статичного, трансгрессивного и отделительного состояния и дают широкую возможность субъективному толкованию этих отношений. /М. Л. Крючкова выделяет, напр., 9 семантических групп статичного психического состояния⁸, Л. И. Сахарчук же - 29 групп⁹/. Объем

---

⁶ Само понятие "поле" имеет слишком много определений и названий. См.: "A Feld különbszű elméletekben különbszű meghatározásokat kap", Zsilka János, A jelentés szerkezete. Bp., 1975, 18. Г. С. Илуп, Теория поля в лингвистике. М., 1974, 1-253. Наше понимание семантико-синтаксических полей сходно с концепцией Е. В. Гулыги. /См. Е. В. Гулыга, Е. И. Шендельс, Грамматико-лексические поля в совр. немецком языке. М., 1969/.

⁷ Проф. Р. А. Будагов считает, что некоторые несовпадения функции и значения "не дают основания для противопоставления функции и значения функции", К теории синт. отношений, ВЯ, 1973/1, 10.

⁸ См. М. Л. Крючкова, О некоторых свойствах семантико-синтаксических классов слов глаголов эмоционального состояния и отношения. Сб. "Русский язык для студентов-иностранцев", № 16, М., 1976, 44-61.

⁹ Л. И. Сахарчук, Указ. статья, стр. 97.

разных семантико-синтаксических полей состояния определяется разными учеными неодинаково. Надо отметить также, что между отдельными моделями в сопоставляемых языках часто нет структурного соответствия. Ср., напр., Она упала в обморок 'Elájult', Заскирдовали со- лому 'Kazalba rakták a szalmát'. Имея в виду, что мы исследуем систему русского языка, русские структурные модели выражения состояния определяют дальнейшее строение нашей статьи.

3. Модели предложений, обозначающие состояния

Разные семантические разновидности состояния могут обозначаться двухкомпонентными и трехкомпонентными моделями простых предложений, фразеологическими сочетаниями и редко придаточной частью сложно-подчиненных предложений.

1. В д в у х к о м п о н е н т н ы х моделях один компонент в функции подлежащего или дополнения /реже определения или обстоятельства/ обозначает н о с и т е л я состояния, другой в функции сказуемого - 1/ транспрессивность, статичность или отдели- тельность состояния, 2/ внутренний, внешний или общественный се- мантический вид состояния, 3/ положительную или отрицательную обще- ственную оценку состояния. Двухкомпонентные модели являются г л а- г о л ь н ы м и. Напр.: Его усыпили - Он спит - Его разбудили, Он заболел - Он болеет - Он выздоровел, Он сел за стол - Он сидит за столом - Он встал из-за стола.

Синтаксическая сочетаемость глаголов состояния и их морфологи- ческая структура может способствовать разграничению разных семанти- ческих разновидностей отношений состояния. Так, напр., глаголы бес- покойства управляют словесной формой 'за + вин. пад.', глаголы удивления - дательным падежом, глаголы издевательства - словесной формой 'над + твор. пад.', глаголы заинтересованности - твор. паде- жом и т.д.¹⁰. Транспрессивное состояние часто выражается непереход- ными глаголами, которые образованы от существительных и прилагатель- ных с помощью суффиксов -е, -ну, -а. Напр.: У него худеет и слабеет /слабнут/ ноги. На таких обедах совсем о т о щ а е ш ь /Ожегов/. П. С. Сигалов обращает наше внимание на сходство таких инхоативных глаголов с формами сравнительной степени прилагательных. И те и

¹⁰ См. М. Л. Крюкова, Указ. раб., 47-49.

другие обозначают накопление какого-л. качества, усиление какого-л. признака, но формы сравнительной степени передают это статически, а инхоативы - в виде процесса¹¹, т.е. прилагательные передают значение инхоативных глаголов в форме сравнительной степени в сочетании с начинательными глаголами. Ср.: Молодой баронессе скоро полегчало ... /Миксат/ 'A bárókisasszony csakhamar j o b b a n l e t t ... /Mikszáth, K. h./

В глагольных моделях носители состояния при выражении одного и того же состояния иногда могут обозначаться подлежащим или дополнением /прямым и косвенным/. Ср.:

<u>Зрители восхищались игрой молодого актера</u>	- <u>Зрителей восхищала игра молодого актера</u>
<u>Я очень обрадовалась его приглашению</u>	- <u>Меня очень обрадовало его приглашение</u>
<u>Мы поразились /удивились/ величине города</u>	- <u>Нас поразила /удивила/ величина города</u>
<u>Мы боялись сильных морозов</u>	- <u>Нас пугали сильные морозы</u>

2. В трехкомпонентных моделях трансгрессивная, статичная или отделительная характеристика состояния обозначается связкой, вспомогательным глаголом, семантический вид и общественная оценка состояния - третьим компонентом в функции части сказуемого /Дед заметно хмелел, Володе с т а н о в и л о с ь с к у ч н о /Ю. Герман/, предикативного определения /Он сидит с е р д и т ы й/, обстоятельства состояния /Дети ходят б о с и - ком, Они переоделись р а з б о й н и к а м и, Он пошел в с о л - д а т ы/, дополнения /Она испытывала в о л н е н и е за детей/, обстоятельства образа действия, когда состояние предмета речи характеризуется через действие /Гляжу на будущее с б о я з н ь ю.. /Лерм./, За дверь т р е в о ж н о залаяла собака /Чехов/.

В зависимости от средства выражения третьего компонента трехкомпонентные модели могут быть:

¹¹ См. П. С. Сигалов, Русские инхоативные глаголы. Л., 1963, АКД, 9.

а/ инфинитивными. Напр.: Но тетке было скучно, грустно и хотелось плакать /Чехов, Каштанка/ 'De Tyotka mégis rosszkedvű, bánatos lett és sirhatnékja támadt'.

б/ предикативно-наречными, в которых употребляются так наз. предикативы с дат. падежом слов, обозначающих носителя состояния¹². Напр.: Лицо его улыбалось и морщилось, как будто ему было щекоотно, больно и смешно /Чехов, Степь/ 'Arca mosolygott és úgy huzódott össze, mintha valaki csiklandozná, s ettől egyszerre támadna sirhatnékja és nevet-hetnékje'.

в/ причастными и деепричастными, в которых употребляются причастия и деепричастия, образованные от глаголов со значением разных видов состояния. Напр.: Гм! Хорошо.. - говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями /Чехов, Хамелеон/ 'Hm, jól van - szólal meg szigorú hangon Ocsu-melov, köhécselve és felvonva szemöldökét'.
Тетка ... догадалась, что он был взволнован, оза-бочен и, кажется, сердит /Чехов, Каштанка/ 'Tyotka... kitalál-ta, hogy most izgatott, gondterhelt, sőt még haragos is'.

г/ адъективными, в которых употребляются прилага-тельные в полной и краткой форме, в формах степеней качества в функции определения, именной части сказуемого или так наз. предика-тивного определения. Напр.: Настроение у тебя неважное 'Hangulatod nem a legjobb', Ноги его были босы /Чехов, Степь/ 'Mezitláb járt', Никогда раньше старый кот не был так угрюм и мрачен, как теперь /Чехов, Каштанка/ 'Még sohasem volt a vén kandur ilyen komorva, mint ebben a pillanatban', В этот вечер Казбич был уг-рюмее, чем когда-н. 'Ezen az estén Kazbics a szokottnál is ko-morabb volt', Сегодня он был грубее обычного 'A szokottnál is komorabbnak látszott' /Mikszáth, K. h./, Он человек тре-звый, положительный /О./, Он весь мокрый. В наш нервный век мы рабы своих нервов /Чехов/.

¹² См.: А. Н. Тихонов, Категория состояния в совр. русском языке. Самарканд, 1960, АКД, Н. С. Поспелов, В защиту категории со-стояния. ВЯ, 1965/2, Е. М. Галкина-Федорук, О категории состояния врусском языке. РЯШ, 1957/4, 6-17 и др.

Прилагательные, обозначающие временное состояние одушевленных предметов в функции сказуемого, как правило, употребляются в краткой форме, при обозначении характерного состояния краткая форма более экспрессивна. Напр.: Очень он был впечатлителен, нервен, мнителен /Тург./, Сам Вася был неспокоен:... /Дост./. При обозначении состояния неодушевленных предметов прилагательные чаще употребляются в полной форме /если они не имеют при себе зависимых слов/. Напр.: Вода в озере сегодня холодная. Погода сегодня жаркая. Мать набрала воды из ручья в кружку и дала мне напиться. Вода была т а к а я х о л о д н а я, что кружка тотчас покрылась потом /Симонов/.

С сопоставительной точки зрения особо следует говорить о прилагательных и причастиях, обозначающих состояние в функции так наз. предикативного определения¹³. В венгерском языке этим прилагательным и причастиям соответствуют наречия с суффиксами -n -ul/ül или деепричастия с суффиксом -va/ve в функции обстоятельства состояния, которое логически относится к подлежащему или дополнению предложения, грамматически /по форме/ - к глаголу-сказуемому. Прилагательные в русском языке в функции предикативного определения относятся как логически, так и по форме к подлежащему или дополнению предложения, с которыми они согласуются в роде, числе и падеже в форме им. и вин. падежа или только в роде и числе в форме твор. падежа. Ср.: Его дети ходят чистые/чистыми 'Gyerekei tisztán járnak', Он сидит спокойный 'Nyugodtan ül', /обозначается состояние подлежащего/ - Он сидит спокойно 'Nyugodtan ül' /обозначается образ действия/.

¹³ Этому типу синтаксических конструкций в лингвистической литературе посвящено несколько статей и диссертаций. Напр.: Л. Д. Чеснокова, Конструкции с предикативным определением и структура предложения. Ростов-на-Дону, 1972, АКД, Л. А. Кулюкина, Сочетания слов, возникающие в строе предложения совр. русск. лит. языка. /На материале конструкций типа ходил веселый, стоял задумчивый/. М., 1974, АКД, З. А. Силкина, Опосредствованная синт. связь именных форм с подлежащим и прямым дополнением /именное тяготение/. Воронеж, 1973, АКД, Н. Б. Агаева, Глагольно-адъективные сочетания в совр. русском языке. Баку, 1971, АКД, Л. А. Шеронова, Некоторые особенности структуры конструкций типа 'стоял гордый', 'сидел задумчивый' в совр. р. лит. языке. "Уч. зап. МГПИ им. Ленина", М., 1968, № 296, 175, А. С. Попов, Прилагательные, связанные с подлежащим и сказуемым в совр. р. яз. "Уч. зап. Курского пед. ин-та", т. 17, 1963. Helena Křížková, Предикативное определение и структура предложения в совр. р. языке. "SLAVIA", 1969, č. 1, 1-35.

Предикативные определения встречаются при обозначении почти всех семантических типов состояния. Глагольный компонент таких моделей может обозначать: 1/ положение предметов в пространстве - Он стоит растерянный, 2/ состояние - Они живут счастливые, Расти большой, братец! 'Nagyra nőj, őcsém!', 3/ движение - Он вошел в комнату беспокойный и чем-то встревоженный /Чехов/, 4/ восприятие - Я уви-дела его озабоченным. М. А. Глазман отмечает, что эти глаголы в различной степени теряют, ослабляют или изменяют свое основное лексическое значение. Это особенно часто наблюдается, когда в функции подлежащего употребляются неодушевленные существительные. Ср.: Лето стояло жаркое - Лето было жаркое¹⁴. В таких конструкциях субъекты и объекты состояния чаще всего выражены личными местоимениями или именами собственными. Напр.: Бледная как смерть Маришка неподвижно лежала на диване /Миксат/ 'Mariska/ bágyadtan, halotthalványan feküdt a diványon' /Mikszáth/, Домой Остафий Долгополов вернулся словно пьяный /Шишков, Емельян Пугачев/, Швабрин, совсем уничтоженный, стоял как остоленелый /Пушкин, Кап. д./, Измученные, грязные мы достигли, наконец, берега /Тург., Льгов/, Возвращались мы вечером исцарапанные шиповником, усталые, сожженные солнцем /Пауст./.

Конструкции с предикативным определением делятся на несколько групп с точки зрения согласования прилагательных, причастий, числительных и местоимений со словом, обозначающим носителя состояния:

1/ Числительное один всегда согласуется полностью с существительным, обозначающим носителя состояния. Напр.: Она сидела одна. Иван вернулся один. Он хочет побыть один. Она не хочет долго одна оставаться. Собака была выпущена на улицу одна. Она выпустила собаку на улицу одну. ... его минут на пять оставили одного с девочками /Чехов, Мальчики/, Иван может прийти один - Ивану хочется прийти одному, Я велел ему прийти одному, Я велел, чтобы он пришел один. Я оставила их одних/ее одну/его одного. Порядок слов может влиять на значение таких предложений. Ср.: Я сидел там один 'Egyedül ültem ott', Один я сидел там 'Egyedül csak én ültem ott'.

¹⁴ М. А. Глазман, О глаголах движения и состояния, выступающих в функции связок в совр. р. языке. "Материалы к языковедческим курсам", Вып. II. Вопросы синт. р. языка, Алма-Ата, 1961, Казах. пед. ин-тут, 85.

Местоимение в е с ь также полностью согласуется с носителем состояния. Напр.: Они все мокрые, Нет, весь я не умру /Пушк./.

Прилагательные употребляются в им. падеже при обозначении состояния п р и р о д ы. Напр.: Зима в этом году стояла теплая /Пауст./, Дни стояли солнечные, устойчивые, сухие /Пауст./, Морозы стояли трескучие /Аксаков/, Ночь выдалась темная.

Прилагательные и причастия употребляются также в им. падеже, если в конструкции имеются сравнительные союзы. Напр.: Он стоит как ошеломленный. Деревья стоят точно замученные. Она к вечеру ходила уже как сонная. Старик пляшет как молодой.

2/ Прилагательные употребляются только в твор. падеже, если в конструкции имеются глаголы, управляющие твор. падежом. В венгерских эквивалентах таких конструкций прилагательные обычно употребляются с прилепой -nak/nek. Напр.: Он притворился спокойным 'Nyugodt-nak tettette magát', Он остался последним. Должник признал себя несостоятельным. Она чувствовала себя опытой /разбитой, слабой/. Матрос зарекомендовал себя старательным. Члены коллектива осознают себя ответственными. Январь ожидается неустойчивым. День запомнился мне пасмурным.

3/ Прилагательные и причастия употребляются обычно в им. падеже, если в конструкции употребляются бесприставочные глаголы движения и глаголы состояния. Напр.: Парень сидел уничтоженный /Николаева, Битва в пути/, Даша сидела пораженная, ошарашенная /Там же/, Веками пустыня лежала нетронутая /Пауст./, Каждый стоит задумчивый, собранный, как перед смертельно опасным врагом /Гончар, Знаменосцы/, Отец однажды вернулся со службы серьезный и озабоченный /Короленко/, Что ты ходишь мрачный?, Он шел тихий, задумчивый, с блуждающим взглядом, погруженный глубоко в себя /Гончаров, Обрыв/, Дядя лежал накрытый простыней /Пауст./, Он сидит прижатый к задней стенке грузовика. Он сидит/стоит блдный /серьезный, угрюмый, спокойный, готовый, растерянный, пораженный, уничтоженный, измученный, усталый, неподвижный/. Она лежала /мертвая, голая, скучная, засыпанная снегом/, Поезд шел пустой. Сонная, измороженная зноем, поднимает она голову и глядит на встречных /Чехов, Степь/ 'Álmosan, a hőségtől elbágyadva emeli fel fejét s a szembejövőkre tekint'.

Употребление прилагательных в форме твор. падежа в этих конструкциях возможно, но ограничено. Напр.: Иван Горлан стоял голым перед людьми в белых халатах /Неделя, 1966/11/, Лифт стоял на этаже не-раскрытым. Лопата стояла воткнутой в снег.

4/ Если в этой модели употребляются приставочные глаголы движения, то прилагательные и причастия чаще употребляются в им. падеже, в книжном стиле редко в твор. падеже. Однако, прилагательные, которые склонны к субстантивации, обычно употребляются в твор. падеже. Напр.: Он пришел домой усталый и голодный /усталым и голодным/. Татьяна доползла до дому уставшая и вспотевшая /Спасский, Два романа/, Они входили неуверенные, сердитые, хмурые /Ажаев, Далеко.../, Она пришла домой растроенная, но не павшая духом /Николаева, Битва в пути/, Однажды он даже ворвался пьяный в ее квартиру /Вересаев/, Он уехал унылый. Он возвращался домой недовольный /пьяным, раненым/.

5/ Если в этой модели употребляются глаголы, обозначающие переход из одного состояния в другое, то прилагательные могут стоять в им. или в твор. падеже. Напр.: Он проснулся разбитый и мрачный/ разбитым и мрачным, отдохнувший и свежий/отдохнувшим и свежим, Просыпался он после таких слов неизменно грустным, иногда даже злым /Шолохов/, Он заснул усталый/усталым. Она вышла замуж молодая/молодой. Он рос здоровый и сильный/здоровым и сильным. Андрей рос тихим и добродушным, но сильным и прилежным/Бубенов, Бел. бер./, Он сел хмурый и недовольный. Он прилег одетый/одетым. Ефим Фомич Перекладин.. лег спать обиженный и даже оскорбленный /Чехов, Воскл. знак/.

6/ Местоимения такой, какой и порядковые числительные в подавляющем большинстве случаев употребляются в твор. падеже. Напр.: Он пришел к финишу первым.

7/ При обозначении состояния о б ъ е к т а речи прилагательные и причастия в совр. русском языке обычно употребляются в форме твор. падежа, в литературе XIX века в таких случаях они чаще встречаются в вин. падеже. Напр.: - Погодите, - сказал я майору, - я его возьму живого /Лерм./, Казак мой был очень удивлен,

когда проснувшись, увидел меня совсем одетого.../Лерм./, - Левин застал жену грустною и скучающею /Л. Толст./, Мать встречала сына грустным. Я увидела его озабоченным. Она вернула книгу испорченной. Я застал его грустным. Она видела его постаревшим. Нашли его замерзшим/замерзшего/ когда он замерз. Они строят башни круглыми /= Они строят круглые башни/, Предъявляйте пропуск развернутым.

8/ Краткая форма прилагательных в роли предикативного определения в совр. русском языке не употребляется. В литературе XIX века встречается и краткая форма прилагательных в этой функции. Напр.: Я возвратился к Зурину грустен и молчалив /Пушк./. Краткие формы прилагательных, однако, употребляются в функции предикативного определения в фразеологизмах. Напр.: Он вышел из огня невредим. Она сидела ни жива, ни мертва. Он остался цел и невредим.

д/ наречными, в которых употребляются наречия с суффиксом -о/-е, связанные по словообразовательной структуре с прилагательными, причастиями и глаголами, имеющими значение состояния. Такие наречия обычно обозначают внутреннее состояние предмета речи через действие в функции обстоятельства образа действия. Напр.: Спокойные слова Павла и Андрея прозвучали.... безбоязненно... /Горьк./, Разве я разбойник? - говорил он гневно /Пушкин/. Ванюша сердито бросил к порогу железное ведро /Л. Толст./, Володя, томный, пухлый, как укушенный пчелой, угрюмо ходил по комнатам /Чехов, Мальчики/ 'Vologya bágyadtan, duzzadt arccal, mintha még csipte volna meg, k o m o r a n j á r k á l t egyik szobából a másikba'.

Другая группа наречий в наречных моделях предложений употребляется в функции обстоятельства состояния или сказуемого. Напр.: Я бегала б о с и к о м по крапиве и пасла телят и гусей /Пауст./, Все лето Петя пробегал почти н а г и ш о м /Катаев, Белеет.../, Не уходите на работу н а т о щ а к . Он держал гранату н а г о т о в е /Серг.-Ц./, Вообще брать загнанную лису ж и в ь е м надобно осторожно /С. Аксаков/. Все пошло насмарку 'Minden füstbe ment', Она замужем за инженером. Пленников держали взаперти. Гости разошлись навеселе. Яйца сварились вкрутую/всмятку.

е/ с у б с т а н т и в н ы м и, в которых употребляются имена существительные без предлога в функции подлежащего, сказуемого, прямого или косвенного дополнения, обстоятельства состояния. Напр.: У нее т о с к а . Лицо ее сердито и в глазах острый г н е в . Будет в его жизни г о р е , у всех людей есть г о р е /Л. Андреев/, Всех придавило тяжелое у н ы н и е... /Авдеев/, Мной овладевает... какая-то тоскливая о з л о б л е н н о с т ь /Куприн/, В доме вдруг... поднялась т р е в о г а.. /С.-Щ./, Глубокое в о л н е н и е охватило нас, когда наступила минута прощания /Фадеев/, - Официант вздернул брови, сделал с к о р б н о е л и ц о и ушел /Ю. Герман/, Но вместо ужаса эта неслыханная дерзость заронила в душе Бутлера луч надежды /Миксат/ - De ahelyett, hogy Buttler elrémült volna, - éppen e hihetetlen vakmerőség költött föl benne ... egy reménysugárt /Mikszáth, Különös h./, Последнее время я часто замечаю, что лицо ее вдруг покрывается б л е д н о с т ь ю /Там же/ 'Azóta is gyakran látom, hogy egyszerre e l h a l v á n y o d i k... /Mikszáth, K. h./ Он переоделся слугой. Он работает инженером.

ж/ п р е д л о ж н о - п а д е ж н ы м и, в которых употребляются имена существительные с разными предлогами, как правило, в функции обстоятельства состояния.

1/ Существительные в форме вин. падежа с предлогом В при выражении трансгрессивного состояния. В венгерских эквивалентах существительные употребляются с прилепами -ba/be, -va/ve, -ra/re, -nak/nek. Напр.: ... столяр вытянулся во фронт... /Чехов/ '... az asztalos haptákba vágta magát', Холмы сливаются в возвышенность /Чехов, Степь/, 'A halmok egyetlen magaslattá olvadnak össze', Маленькая речка расплзлась в лужицу /Чехов, Степь/ 'A kis patak folyóvá szélesedett', Червяк превратился в бабочку 'A hernyóból leperke lett', Девки и молодые ребята становятся в две шеренги, одна против другой 'A leányok és a legények felállnak egymással szembe két sorba', Убрать хлеб в копны, Окраска волос во все цвета. ... теперь ложась спать, он весь обратился в негодование и злобу /Чехов, Воскл. знак/, по/красить волосы в черный цвет 'feketére festi a haját', завертывать-заворачивать/завернуть книгу в бумагу /ребенка в одеяло/, Они /собаки/.... готовы были изорвать в клочья

и лошадей, и бричку и людей /Чехов, Степь/ ... 'készek darabokra szaggatni a lovakat, a bricskát és a benne ülőket', Забрать волосы в узел. Народности развились в нации. Война 1914 года переросла в мировую. Рожь смололи в муку. Растереть краски в порошок. Переодеть больного в чистое белье. ... она... переделалась в мальчика /Михалков/, выйти в люди, пойти в солдаты, произвести кого-н. в офицеры, Она годится тебе в матери, записаться в добровольцы, постричься в монахи, готовить кого-н. в директора, перевести кого-н. в доярки, пригласить кого-н. в свидетели, баллотироваться в депутаты, выйти /подать/ в отставку.

2/ Существительные в форме вин. падежа с предлогом НА также выражают трансгрессивное состояние. Напр.: настраивать/настроить приемник на короткие волны, переключать/переключить завод на новое производство, Птицы растащат его на клочки, Разрезать колбасу на куски, Его зачислили на службу, Его выдвинули на руководящую работу, Он вышел /ушел/ на пенсию, взять кого-н. на свое иждивение, взять кого-н. на учет. Он идет на примирение с кем-н.

3/ Существительные с предлогом К также могут выражать трансгрессивное состояние. Напр.: вернуть кого-н. к жизни 'életre kelt vkit', Не принимай этого так близко к сердцу, призывать/призвать кого-н. к бдительности/к спокойствию, к повиновению кому-н., к оружию/.

4/ Трансгрессивное состояние редко выражается существительным в форме вин. падежа с предлогом ПОД. Напр.: попадать/попасть под власть кого-л., /под подозрение кого-л., под влияние кого-л./.

4/ Существительные в предл. падеже с предлогом В обозначают статичное состояние. Напр.: Сегодня я не в голосе. Раненый лежал в обмороке /в полузабытии, в бесчувствии, в беспамятстве, в удовлетворительном, /плохом, тяжелом, бессознательном, безнадежном, бесчувственном/, состоянии. В момент совершения преступления виновный находился в состоянии опьянения, Больной уже в сознании, Сегодня он не в духе, Он был в этот день в хорошем /отличном, веселом, бодром, подавленном, мрачном, плохом/ настроении, Его прическа всегда в беспорядке /но: В его комнате всегда беспорядок/, Этот фасон уже

не в моде, Оставьте меня в покое, Я с ней в ссоре, Приказ остается в силе, Книга еще в печати, Наш мотоцикл сейчас в ремонте. Весь вечер прошел в разговорах. Все его время проходит в чтении. Он едва остался в живых. Все лицо мальчика было в веснушках. У него вся одежда в грязи. Он был в новых сапогах /= На нем были новые сапоги/.

4/ Статичное состояние предметов речи может быть обозначено и формой предл. падежа имен с предлогом НА. Напр.: Город был объявлен на осадном положении 'A városban bevezették az ostromállapotot', Он на бюллетене 'Betegszabadságon van', Девочка живет у дяди на его иждивении. Несколько месяцев он был на излечении.

5/ Существительные в форме твор. падежа с предлогом ПОД или ЗА также могут выражать статичное состояние. Напр.: Он был под арестом. Болгария 500 лет находилась под игом /под гнетом/ турок, Он был под надзором милиции. Арестованные были под следствием. За разговорами незаметно прошло время.

6/ Предложно-падежные модели с предлогом БЕЗ выражают статичное состояние. Напр.: Раненый был без сознания /без чувств, без памяти, без признаков жизни/, остаться без места /без поддержки/, оставить детей без призора, сидеть без дела, Он уже ходит без очков. Сегодня дождь, а я без плаща.

7/ Предлоги в качестве, в роли выражают общественное статичное положение. Напр.: Мне пришлось выступать в качестве /в роли/ переводчика.

8/ Отделительное состояние может выражаться предложно-падежными моделями с предлогом БЕЗ или ОТ. выбраться из затруднения /из бедности, из долгов, из затруднительного положения, Он излечился от своих привычек, оправляться/оправиться от болезни, очнуться от задумчивости, освободиться от опеки.

9/ Существительные в форме твор. падежа с предлогом С выражают состояние предмета речи через действие в функции обстоятельства образа действия. Такие сочетания часто синонимичны с наречными моделями. Напр.: Разведчики с осторожностью /осторожно/ проби-

рались по лесу. Пленные со смущением /смущенно/ оглядывались по сторонам. Все с волнением /взволнованно/ слушали последние известия с фронта.

з/ Трансгрессивное, реже отделительное и еще реже статичное состояние выражается у с т о й ч и в ы м и с о ч е т а н и я м и в функции сказуемого¹⁵. Устойчивые модели с переходными глаголами ПРИВОДИТЬ/ПРИВЕСТИ, ПРИЗЫВАТЬ/ПРИЗВАТЬ, ВГОНЯТЬ/ВОГНАТЬ, ВСЕЛЯТЬ/ВСЕЛИТЬ, ВНУШАТЬ/ВНУШИТЬ, ВОЗБУЖДАТЬ/ВОЗБУДИТЬ, ВЫЗЫВАТЬ/ВЫЗВАТЬ, ПОДВЕРГАТЬ/ПОДВЕРГНУТЬ, ПОДАВЛЯТЬ/ПОДАВИТЬ, ОТВОДИТЬ/ОТВЕСТИ обычно выражают каузацию предмета состояния¹⁶. Напр.: ВЫЗЫВАТЬ/ВЫЗВАТЬ гнев /протест, возмущение, ужас, тревогу, бешенство, ярость, смущение, растерянность, замешательство, ненависть, подозрение, радость, слезы, волнение, восторг, восхищение, гнев, жалость, недо-вольство, недоверие, омерзение, опасение, подозрение, презрение, раздражение, разочарование, ревность, скорбь, сожаление, тоску, удивление, удовлетворение / у кого-н. В устойчивых моделях чаще всего встречаются непереходные глаголы ПРИХОДИТЬ/ПРИЙТИ, ВХОДИТЬ/ВОЙТИ, ПОПАДАТЬ/ПОПАСТЬ, ВПАДАТЬ/ВПАСТЬ, ВЫХОДИТЬ/ВЫЙТИ. Напр.: ПРИХОДИТЬ/ПРИЙТИ в отличное расположение духа /в бешенство, в волнение, в замешательство, в недоумение, в смущение/. Статичное состояние может выражаться моделями, в которых употребляются устойчи-вые сочетания с глаголами ИСПЫТЫВАТЬ/ИСПЫТАТЬ /усталость, энту-зиазм, успокоение, удовлетворение, угрызения совести, страдания, наслаждение, негодование, горе, восторг, боль от чего-н., ревность к кому- к чему-н., разочарование в чем-н./, ПО/ЧУВСТВОВАТЬ /голод, жажду, недомогание, неловкость, неудобство, облегчение от чего-н., раскаяние за что, угрызения совести от чего-н./.

3. Ф р а з е о л о г и ч е с к и е сочетания могут выражать почти все типы трансгрессивного, статичного и отделительного со-

¹⁵ См.: В. М. Дерибас, Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка. М., 1975.

¹⁶ См.: Перевезенцева, Устойчивые словосочетания с каузативными глаголами в совр. р. лит. яз. М., 1972, АКД, А. В. Филлипов, К вопросу о каузативных и некаузативных глаголах. РЯШ, 1978/1, 90.

стояния¹⁷. Напр.: Мне не до смеха. Не лезьте на стену, ведь вы не выслушали нас. Что это с тобой? С левой ноги встал или плохие сны снились? Отпустила прислугу, и теперь рвет на себе волосы - кто будет убирать, готовить, стирать? А ты не лезь в бутылку, браток, - примирительно попросил шофер /Ю. Герман/. Фразеологические сочетания, обозначающие состояние, в русском и венгерском языках могут полностью, частично совпадать или иметь эквиваленты не фразеологического характера.

4. Придаточные предложения состояния выделяются в Академической грамматике венгерского языка. /См. т. II, стр. 384/. Таким венгерским придаточным предложениям состояния в русском языке редко соответствуют придаточные предложения. Ср.:

A monostor mellett ott találta a kis török fiut, amint az ereszet szárazán játszott /Gárdonyi, Egri cs./

- Возле монастыря Гергея увидел маленького турчонка, игравшего под водостоком. /перевод Л. Красновой/

Ugy álltam fel az asztaltól, hogy szívesen előlről keztem volna az ebédet. /MMNyR, II, 384/

- Я встал из-за стола так, что пообедал бы охотно заново

Inge ujjával elfödte orrát, mintha szégyenkezne.

- Он прикрыл нос рукавом, точно застыдившись /Чехов, Степь/

Разные модели, обозначающие то же самое состояние, часто различаются по сфере употребления, по сочетаемости и эмоционально-стилистической окраске. Ср., напр.: Он отчаялся - Он впал в отчаяние

¹⁷ См.: В. Г. Бондаренко, Предикативные фразеологические единицы с грамматическим значением состояния в совр. р. языке. Калинин, 1975, АКЛ, Э. Н. Покровская, Фразеологические единицы со значением психического состояния человека в русском языке. Киев, 1977, АКЛ, Р. И. Яранцев, Справочник по русской фразеологии для иностранцев. /выражение эмоций/. МГУ, 1976.

- Он пришел в отчаяние - Его охватило отчаяние - Он повесил голову /неодобр./ - Он повесил нос /пренебр./. Ю. Д. Апресян указывает, что в устойчивых сочетаниях глаголы приводить, приходить сочетаются в первую очередь с существительными, обозначающими наиболее интенсивные эмоции¹⁸. С. Н. Цейтлин отмечает, что глагольные, наречно-предикативные, адъективные модели лексически свободные, т.е. не проявляют избирательности по отношению к лексике. Субстантивные, предложно-падежные, причастные, синекдохические, устойчивые и фразеологические модели лексически связанные, так как можно назвать большое число существительных, которые обозначают состояние и не могут быть употреблены в составе этих моделей. Обычными являются, напр., сочетания Я в беспокойстве. Я в волнении. У меня беспокойство. У меня тоска. У меня отчаяние. Меня томит предчувствие беды. Меня томит беспокойство. Меня берет досада. Я взволнован, но нельзя сказать ⁺Я в грусти. ⁺У меня волнение. ⁺Меня томит волнение. ⁺Меня берет гнев¹⁹.

4. Способы выражения боязни

В заключение нам хотелось бы показать сложность и перспективность описания изучаемой нами темы на примере одного семантического подтипа внутреннего психического состояния, а именно на основе способов обозначения б о я з н и .

Отношения боязни выражают значение 'испытывать боязнь перед кем-, чем-л. неприятным, нежелательным'.

1/ С т а т и ч н а я боязнь может обозначаться:

а/ г л а г о л ь н ы м и моделями, в которых глаголы в функции сказуемого обозначают разные степени проявления этого чувства. Общим синтаксическим признаком глаголов боязни в русском языке является их способность управлять род. падежом имени, обозначающего объект боязни, инфинитивом, придаточным предложением без союза или с союзом что. /Некоторые глаголы боязни управляют твор. падежом

¹⁸ См. Ю. Д. Апресян, Экспериментальное исследование семантики русского глагола. М., 1967, 41-42.

¹⁹ См. С. Н. Цейтлин, Указ. раб., 163-164.

с предлогом ПЕРЕД/. Венгерские глаголы боязни управляют формой имени с прилепой -tól/től, /иногда с послелогом előtt/, инфинитивом, придаточным предложением с союзом hogu. Ср., напр.: бояться волков /молнии, простудиться, что он заблудится, купаться/ 'fél a farkastól /villámlástól, hogy megfázik, hogy eltéved, fél megfürdeni/'.

К глаголам боязни в русском языке относятся: опасаться кого-чего-л., остерегаться/остеречься кого-чего-л., беречься простуды, /но уберечься от простуды/, оберегать/оберечь /ребенка от разных опасностей/, остерегаться/остеречься воров /бить чужих мальчишек/, чуждаться людей, новых впечатлений, женщин, дичиться /разг./ всех, посторонних, чураться /разг./, людей, сторониться старых знакомых, избегать/избежать-избегнуть встречи с кем-л., наказания, неприятных разговоров, смотреть в глаза кому-л., по/совеститься людей, просить денег, стесняться публики, говорить по-русски, стыдиться окружающих, попросить что-н., у/страшиться смерти, наказания, своей собственной тени, болезни, неизвестности - употр. преимущ. по отношению к более отвлеченным понятиям/, о/робеть перед женщинами, перед танком /кого-чего-н. - уст./, хороводы водить, с/трусить перед опасностью /перед отцом/, трепетать перед учителем /и уст. учителя/, дрожать перед самодуром, с/дрейфить /шутл.-ирон./, осторожничать /разг./, смалодушничать /разг./
/последние глаголы обычно употребляются без дополнения/

б/ предикативно-наречными моделями, в которых предикативы стыдно, совестно, опасно, страшно, боязно /прост./, позорно, неловко, стеснительно в функции сказуемого обозначают разные степени боязни. В венгерских эквивалентах этих предложений употребляются глаголы или прилагательные. Ср.: Ему было страшно на утесе 'Nagyon félt a sziklán', В лес идти ночью боязно 'Éjjel erdőbe menni félelmetes dolog' - Как вам не стыдно/не совестно! В горах зимой опасно. Показывать страдание стыдно /позорно, совестно, неловко/. Егорушке было совестно развлекаться при старухе /Чехов/, Мне было стыдно, что я его огорчил /Герцен/, Мне было стыдно сознаться, что я такой растяпа /В. Беляев/, Мне было стыдно за беспорядок в комнате.

в/ а д ъ е к т и в н ы м и моделями, в которых употребляются прилагательные осторожный, осмотрительный, опасливый, боязливый, пугливый, трусливый, трусоватый /разг./, робкий, несмелый, малодушный, застенчивый, позорный в функции определения или сказуемого.

1/ Прилагательные выступают в предложении в функции определения /препозитивного или постпозитивного/. Напр.: Осторожный Мазепа советовал итти берегом Днепра../А. Толст./, Он осторожный человек. Он боязливый, Он старик хитрый, осмотрительный.../Гладков/, Осторожный вы народ, опасливый /Мальцев/, У нее трусливый характер. У нее трусливый вид /Влас/, мужичок смиренный, боязливый /Салт.-Щ./.

2/ Прилагательные употребляются в функции сказуемого в краткой или полной форме и в сравнительной степени. Напр.: Он, как девка, малодушен. Я был очень застенчив и робел перед женщинами /Короленко/, /Бэла/... пуглива, как дикая серна /Лерм./, Блудлив, как кот, а труслив, как заяц /посл./, Трусоват был Ваня бедный /Пушк./, Чем более мы холодны, расчетливы, осмотрительны, тем менее подвергаемся нападениям насмешки /Пушк./, А за столом был такой несмелый да стеснительный /Бабаевский/.

в/ п р е д л о ж н о - п а д е ж н ы м и моделями, в которых употребляются формы предл. падежа с предлогом В в функции сказуемого, обстоятельства состояния или причины и формы твор. падежа с предлогом С или без предлога с прилагательными боязни в функции обстоятельства образа действия. В венгерских эквивалентах употребляются формы имени с прилепами -ban/-ben, -val/-vel, или наречия боязни с суффиксом -en/-on. Напр.: Он держит всю семью в страхе/в трепетe 'Rémületben tartja családját', Она вскрикнула в ужасе 'Rémületen kiáltott fel', Отечество в опасности. Никита в испуге шарахнулся назад /Игишев, Шахтеры/, Гляжу на будущность с боязнью... /Лерм./ 'Félelemmel nézek jövőre...', Мать моего друга с опасностью жизни посещала отца своего ... /Греч/, Зверь приближался с опаской /разг./ /Ушаков/, Уйти с позором /У./, рассказывать о чем-л. , с трепетом /с ужасом, со страхом/, Журочкин вел себя с удивительным хладнокровием и осмотрительностью /В. Кожевников/, Есть у меня

к вам, Яков Васильевич, некоторая просьбица, - начал он каким-то несмелым голосом /Писёмский/.

г/ наречными моделями, в которых наречия в функции обстоятельства образа действия характеризуют состояние действующего лица через действие. Напр.: Он оглянулся осторожно. А коньяку и вам бы не пить, - опасливо посоветовал он... /Достоевский/, Солдаты позорно бежали.

д/ субстантивными моделями, в которых существительные, образованные от глаголов боязни, употребляются в функции именной части сказуемого. Напр.: Лань отличается необыкновенной пугливостью /Уш./, У меня боязнь пространства. Ведь это позор. Я не страдал ни застенчивостью, ни робостью... /Горький/.

е/ устойчивыми сочетаниями. Напр.: натерпеться страху /У./, испытывать/испытать боязнь в чем-н. /ужас от чего-н., очень сильное чувство стыда перед кем-н./, чувствовать страх перед кем-л. /угрызения совести от чего-л./, Перед залеганием в берлогу.. медведь проявляет большую осторожность /ССРЛЯ, т. 8/, ... в лесу... находились немецкие танки и ... там следовало поэтому соблюдать особенную осторожность /Березко/.

ж/ фразеологическими сочетаниями. Напр.:

<u>Труса празднуешь перед этой</u>	- Félsz ettől a leánytól?
<u>девушкой?</u>	
<u>Он пикнуть /дохнуть/ не смеет</u>	- Meg se mer mukkanni jelenlété-
<u>при ней</u>	ben
<u>Не боюсь, - пришептала де-</u>	- Nem félek, - nyöszörögte és
<u>вушка, дрожа как осиновый лист</u>	reszketett, mint a nyárfa
<u>/Миксат, Станный брак/</u>	/Mikszáth, Különös h./

2. Отношения трансгрессивной боязни могут быть обозначены:

а/ прямо-переходными глаголами со значением каузации состояния объекта речи и непереходными глаголами, имеющими начинательное значение. Напр.: Как ты меня напугал/испугал!
/перепугивать/перепугать кого-н. 'сильно испугать кого-н.', запугать кого-н. 'постоянными угрозами сделать кого-н. пугливым, робким', отпугивать/отпугнуть воробьев 'отогнать кого-н., испугав его', спугивать/спугнуть птиц, животное 'испугав, согнать откуда-л., устрашать/устрашить кого-л., - ис/пугаться, на/пугаться собаки, Он насмерть /до смерти/ перепугался, у/страшиться смерти, ответственности, Увидев приехавшего с Ефановым незнакомого офицера, женщина застеснялась и ... отступила вглубь комнаты /А. Гончаров/.

б/ начинательными вспомогательными глаголами в сочетании с прилагательными боязни. Напр.: Я стал гораздо осторожнее в своих суждениях.. /Тург./, Его постоянные угрозы сделали ее робкой.

в/ устойчивыми словосочетаниями. Напр.: внушать/внушить страх /опасения, ужас, трепет/ перед кем-чем-л., наводить/навести страх /ужас, трепет/ на кого-л., нагонять/нагнать страх /ужас, трепет/ на кого-л., вызывать/вызвать страх /ужас, опасение, испуг/ у кого-л., приводить/привести в страх /в ужас, в трепет/ кого-л., развить застенчивость в ком-л., вселять/вселить страх /ужас/ в кого-л., почувствовать испуг /страх, боязнь, стеснение/, приходить/прийти в ужас, впадать/впасть в панику/в малодушие, в страх/, - Стихийные силы природы наводили страх на первобытного человека. Партизанские отряды, действовавшие в 1812 году в тылу армии Наполеона, вселяли страх во врага. Это движение придавало ее лицу пугливость /Федин/, Уединенная деревенская жизнь развила во мне застенчивость.. /Юрьев/, Страх внушает несомненно робость /Григорьевич/, Страх обнял души насильников /Горьк./, Жуткое ощущение опасности ударило в сердце /Горьк./.

г/ фразеологическими сочетаниями: Душа ушла в пятки у него/Он наложил в штаны /груб./, когда узнал правду о деньгах. Меня бросает в дрожь при одной мысли об этом.

3. Отношения отдельной боязни выражаются сочетаниями слов разного характера. Напр.: Он уже не боится больше ее. Он перестал бояться учителя. Она теряла пугливость. Его страх прошел. Он забыл страх. Забыли робость и печали, а совесть отогнали прочь /Пушк./. Она задавила страх перед ним. Опасность миновала. Больной вне опасности.

Отметим, наконец, что отрицательные семантические типы состояния обладают более богатыми средствами выражения, чем положительные. Во всех семантических типах состояния отделительный тип располагает наиболее скудными средствами своего обозначения.

СООТНОШЕНИЕ ТРЕХ ОСНОВНЫХ СЕМАНТИЧЕСКИХ КОМПОНЕНТОВ ГЛАГОЛОВ
СОВЕРШЕННОГО ВИДА В ЗНАЧЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ ФИНИТИВНЫХ
ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКОЙ ОТ-

Й. Крекич

Противоречивые толкования финитивных глаголов, исследованных до сих пор главным образом на материале словарей, обратили наше внимание на их функциональное изучение. Функциональный подход к анализу лексических и грамматических значений глаголов, предполагает исследование всех внутренних и внешних факторов, влияющих на значение глаголов, исследование 1/ аспектуального контекста, охватывающего все языковые средства выражения рассматриваемых отношений, средства морфологические, синтаксические и лексические, влияющие на функционирование видов, исследование 2/ аспектуальной ситуации, т.е. изучение характера протекания комплекса действий в экстралингвистическом плане.¹

Мы придерживаемся мнения Ю. С. Маслова, по которому "морфология не может служить достаточной опорой для семантического исследования, и должен быть найден другой, синтаксический критерий. Повидимому, таким критерием должно явиться именно различие между глаголами по их способности вступать в определенные словосочетания, т.е. различные "валентности изученных глаголов".²

Такое мнение поддерживается и А. Б. Аникиной, которая, обращая внимание на контекстуальное исследование глаголов, говорит, что часто один и тот же глагол в живом употреблении может приобретать различные

---

¹ См.: А. В. Бондарко, О некоторых аспектах функционального анализа грамматических явлений. - Сборник научных трудов Гос. Пед. Института им. А. И. Герцена, Л., 1973, стр. 20.

² Ю. С. Маслов, Вид и лексическое значение глагола в русском языке. - Известия Академии наук СССР, т. VII, вып. IV, М., 1948, стр. 305.

значения "способа действия" в зависимости от контекста, лексического значения слов, вступающих в словосочетание с данным глаголом.³

Недавно нами был выдвинут вопрос о трех основных семантических компонентах, обнаруживающихся в значении русских глаголов совершенного вида. На наш взгляд, в значении глаголов совершенного вида разбиваются три важных фактора: 1/ время, 2/ действие и 3/ аспектуальный предмет.⁴ Под аспектуальным предметом мы понимаем любой участвующий в действии и претерпевающий часто изменение предмет, выполняющий в предложении синтаксическую функцию либо субъекта, либо объекта, характеризующий - по С. Д. Кацнельсону - глагол "изнутри", непосредственно замешанный в обозначаемом им действии.⁵ Соотношение этих трех семантических компонентов /времени, действия и аспектуального предмета/ решающим образом влияет на всю семантику и механизм видовой системы: способствует образованию видовых пар или тормозит его. Потенциально в значении каждого русского перфективного глагола присутствуют эти три семантических компонента. При исследовании финитивных глаголов мы рассмотрели, который из этих трех компонентов играет важнейшую роль, который из них выступает на первый план.

Финитивные глаголы были исследованы немногими лингвистами. При исследовании финитивных глаголов сталкиваются два противоположных взгляда, один, представленный Е. А. Земской, А. В. Исаченко и А. В. Бондарко; другой, представленный М. А. Шелякиным и Н. С. Авиловой. Е. А. Земская, А. В. Исаченко и А. В. Бондарко придают финитивным глаголам результативное значение. На продуктивность финитивных глаголов обращает наше внимание Е. А. Земская, по которой они обозначают "полную законченность процесса с оттенком отработанности".⁶

³ А. Б. Аникина, Сочетаемость глаголов совершенного и несовершенного вида с наречиями и другими лексическими единицами, характеризующими способ действия. - Фил. Науки, 1964, № 3, стр. 166.

⁴ Й. Крекич, Семантическое влияние внутренних и внешних факторов на лексическое и грамматическое значение начинательных глаголов с приставками за- и по-. *Acta Universitatis Szegediensis de Attila József nominatae. Dissertationes Slavicae. Szeged, 1977, стр. 125-126.*

⁵ С. Д. Кацнельсон, Типология языка и речевое мышление. - Изд. "Наука" Л., 1972, стр. 44.

⁶ Е. А. Земская, Типы одновидовых глаголов в современном русском языке. Сб.: Исследования по грамматике русского литературного языка. Изд. Акад. Наук СССР, М., 1955, стр. 14.

А. В. Исаченко относит финитивные глаголы к группировке глаголов "результативной совершаемости".⁷ А. В. Бондарко, придерживаясь своей ранней точки зрения⁸, настаивает еще в настоящее время на том, что "результативность является общим элементом значений группировки так называемых специально-результативных способов действия, в которую входят, например, глаголы финитивного способа действия /отгреть, отцвести - отцветать и т.п./".⁹ В противоположность им М. А. Шелякин и вслед за ним Н. С. Авилова относят финитивные глаголы к так называемым временно-терминативным глаголам, образованным от неопределенных исходных глаголов, действие которых может достигнуть лишь своего временного /внешнего/ предела.^{10, 11} Н. С. Авилова отмечает, что отсутствие указания на достижение результата лишает глаголы финитивного способа действия значений, находимых исследователями "отработанности".¹²

Нам предстоит доказать, что эти противостоящие взгляды на значение финитивных глаголов в зависимости от соотношения трех основных компонентов глаголов совершенного вида, на основе функционального анализа, не исключают, а дополняют друг друга.

А. В. Исаченко, помещая финитивные глаголы в число глаголов "результативной совершаемости", одновременно подчеркивает, что "финитивный оттенок результативной совершаемости является как бы антонимом" к начинательной совершаемости".¹³ /Разрядка наша. -

И. К./. Положение А. В. Исаченко должно быть уточнено тем, что только те финитивные глаголы составляют соответствующие антонимичные

---

⁷ А. В. Исаченко, Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. II, Братислава, 1960, стр. 246.

⁸ А. В. Бондарко, Л. Л. Буланин, Русский глагол. Изд. "Просвещение", Л., 1967, стр. 18.

⁹ А. В. Бондарко, О видах русского глагола. РЯЗР, 1975/5, стр. 64.

¹⁰ М. А. Шелякин, Функции и образование финитивных глаголов в русском языке. Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Potsdam, Jahrgang 15, Heft 2, 1971, стр. 290.

¹¹ Н. С. Авилова, Вид глагола и семантика глагольного слова. Изд. "Наука", М., 1976, стр. 286.

¹² Н. С. Авилова, Там же. стр. 286.

¹³ А. В. Исаченко, Указ. работа. стр. 245.

пары к начинательным глаголам, которые образованы от неопределенных простых глаголов, как например:

"Кандидаты засмеялись. Глеб терпеливо ждал, когда кандидаты отсмеются" /В. Шукшин, Срезал, 175/. "Снова заговорила Айно, покуривая папиросу, сидя в свободной позе" /М. Горький, Жизнь Клима Самгина, II, 166/. "Он стоял возле телефона, и ждал, пока я отговорю" /К. Будычев, Выбор. Спутник, 1974, № 10, стр. 164/.

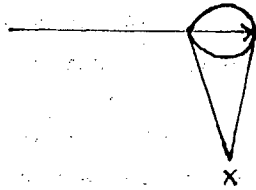
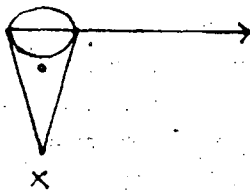
Соотносительные по производящему лексематически неопределенному глаголу антонимичные пары могут образоваться 1/ от глаголов существования: зажить - отжить; 2/ от глаголов, обозначающих процессы, происходящие вне субъекта /процессы природы/: загреметь - отгреметь, зацвести - отцвести, закипеть - откипеть; 3/ от глаголов, обозначающих быть занятым чем-либо, удовлетворением физиологических потребностей: запить - отпить, засосать - отсосать, захаркать - отхаркать; 4/ от глаголов, называющих внешнее проявление чувств, которое выражается в каких-то действиях, процессах: засмеяться - отсмеяться, заплакать - отплакать; 5/ от глаголов, означающих перемещение в пространстве: зашагать - отшагать, заплясать - отплясать, запрыгать - отпрыгать; 6/ от глаголов неоднаправленного движения: заходить - отходить, забегать - отбегать; 7/ от глаголов звучания и говорения: завывать - отвыть, загудеть - отгудеть, зазвонить - отзвонить, зазвенеть - отзвенеть, зазвучать - отзвучать, запеть - отпеть, зареветь - отреветь, зашуметь - отшуметь; 8/ от глаголов со значением "испускать свет": заблестеть - отблестеть, заблестать - отблестать, засверкать - отсверкать; 9/ от глаголов, имеющих значение психологических процессов: загоревать - отгоревать, загрустить - отгрустить; 10/ от глаголов, называющих эмоциональное отношение субъекта к кому-чему-либо; чувство, которое испытывает субъект к кому-чему-либо: полюбить - отлюбить.

Такие собственно начинательные /ингрессивные/ и собственно финитивные /эгрессивные/ глаголы образуются от лексематически неопределенных простых глаголов, обозначающих ненаправленность действия к достижению внутреннего /качественного/ предела. В семантике ингрессивных и эгрессивных¹⁴ глаголов на первый план выступает время.

¹⁴ Эгрессивное название собственно финитивных глаголов предлагается В. Бекон. См. его статью: W. Boeck. Die Aktionsarten des russischen Verbs. Russischunterricht, 1956, Heft 7/8. S. 319.

Перфективные глаголы, образованные от лексематически неопределённых глаголов, обозначают достижение внешнего /временного или количественного/ предела. У собственно начинательных /ингрессивных/ глаголов внешний /временной/ предел достигается в самом начале действия, в моменте наступления продолжающегося действия; у собственно финитивных /эгрессивных/ глаголов в самом конце действия, в моменте прекращения процесса действия. Выявляется, что ингрессивные и эгрессивные глаголы состоят из двух фаз: ингрессивные из фазы наступления и из фазы продолжения процесса действия; эгрессивные из фазы предшествующего конечному моменту процесса и из фазы момента прекращения этого процесса действия. Инвариантное, общее грамматическое значение глаголов совершенного вида, целостность, концентрированность проявления действия обнаруживается в семантике ингрессивных глаголов в самом моменте наступления действия, в значении собственно финитивных /эгрессивных/ глаголов в самом моменте прекращения предшествующего ему процесса:

Собственно финитивное, т.е. эгрессивное значение развивают в сочетании с префиксом от- и производящие простые глаголы, ведущие себя нейтрально по отношению к категории предельности/непредельности.¹⁵ В абсолютном употреблении, т.е. без объекта, они имеют неопределённое значение. И. Г. Долонина отмечает, что в русском языке на вопрос типа что делать? можно ответить: читать, писать, паять, чертить, шить и т.п. Несмотря на переходность приведенных глаголов, они не требуют обязательного указания на объект действия по сравнению с префиксированными предельными глаголами, у которых наличие дополнения является необходимым.¹⁶ Пока у префиксированных предель-

¹⁵ Ю. С. Маслов, Роль так называемой перфективации и имперфективации в процессе возникновения славянского глагольного вида. Изд. Акад. Наук СССР, М., 1958, стр. 30-32.

¹⁶ И. Г. Долонина, Взаимоотношение категории предельности и вида в русском языке. Черновицы, 1952, стр. 18.

ных глаголов /типа прочитать/прочитывать/ наличие дополнения является необходимым, /они содержат в себе морфологически выраженное значение переходности/, простые глаголы, означающие профессиональные и непрофессиональные занятия, работу, в абсолютном употреблении выражают действие, не стремящееся к достижению внутреннего предела. Такие глаголы в абсолютном употреблении называет С. Г. Андерссон рекционально-непредельными, в сочетании с объектом рекционально-предельными: "Die Grenzbezogenheit bzw. Nichtgrenzbezogenheit bei lexematisch neutralen Verben nenne ich rektionell. Sie ist von der Rektion des Verbs, von der unmittelbar ans Verb angeschlossenen Ergänzung abhängig. Bei absolutem Gebrauch liegt Null - Rektion vor".¹⁷ /Разрядка наша. - Й. К./. При их употреблении в непредельном значении /т.е. без объекта/, они способны образовать собственно финитивные глаголы: открасить, отмолотить, отпахать, отписать, отстрогать, отковать, отсеять и т.п. Их действие остается в сфере субъекта, недаром используются они чаще всего как возвратные глаголы с частицей -ся: отсеяться, отмолотиться, отко- ситься, отпахаться, отписаться, отстреляться, отстрогаться, от- строиться, отдоиться и т.п. Ю. С. Маслов замечает, что бесприставоч- ный, т.е. "от природы" непредельный глагол писать в сочетании с конкретным объектом получает предельное значение¹⁸. Такие рекцио- нально-предельные глаголы в сочетании с финитивной приставкой от-, на наш взгляд, развивают результативно-финитивное значение, как например: отчитать лекцию, отписать доклад, отстроить дом, отпить чай, отсеять овес, отмахать письмо /разг./, отработать долг, от- работать пять смен и т.п.

Собственно финитивные глаголы мы тоже считаем временно-предель- ными, так как они несут в себе /подобно ингрессивным, делимитатив- ным и пердуративным глаголам/ значение внешнего, т.е. временного предела. Собственно финитивные, т.е. эгрессивные глаголы сосредото- чивают наше внимание на целостном, т.е. ограниченном во времени, моменте прекращения предшествующего ему либо длительного, либо не- длительного процесса действия. На временной характер собственно

¹⁷ S.-G. Andersson, Aktionalität im Deutschen. /Eine Untersuchung unter Vergleich mit dem russischen Aspektsystem./ - Uppsala, 1972, S. 41.

¹⁸ Ю. С. Маслов, Роль так называемой перфективации...., стр. 16.

финитивных глаголов указывают и примыкающие к ним акциональные показатели, детерминативы, составляющие их глубокую дистрибуцию, выражающие временные отношения. Наиболее употребительны наречия и слова, стоящие, как правило, подобно детерминативам ингрессивных глаголов¹⁹, непосредственно перед глаголом, указывающие на законченность, прекращение действия или на срок завершения процесса действия: уже, давно уже, уже... окончательно, наконец, только что и т.п., как например:

"Уже отсеклись. Только кое-где еще на пашнях маячили одинокие фигуры крестьян" /В. Шукшин, Любавины, 249/. Колхоз уже откосился, уборку начинать еще рано" /В. Распутин, Василий и Василиса, 231/. "Были когда-то и в его жизни события решающие, менявшие самую судьбу, но все они давно уже отшумели" /Д. Фекете, Смерть врача, 119. Перевод Е. Малыхиной/. "Только что отписался, как надо теперь отвечать на иные в этот срок прибывшие письма" /Ф. Достоевский, Письмо брату 1 ноября 1876/. "Поняв, что он уже отвоевался окончательно и с наивной откровенностью радуясь этому, он охотно сообщил все, что знает" /Э. Казакевич, Весна на Одере/.

Предуративная фаза действия в нашем сознании уступает первенство времени, т. е. целостному моменту прекращения этого действия. На эту предшествующую фазу часто указывает глагол предыдущего предложения, стоящий в сильной частной видовой позиции конкретного процесса разового недлительного действия:

"Лялька смеется, как сухие бобы по полу сыплет, - мелко, часто и не смешно. Отсмеялась и еще раз напоминает:..." /В. Шукшин, Петя, 160/. "Старичок уткнулся в ладони и хохотал. Отсмеялся и снова потянулся к уху удивленного соседа" /В. Шукшин, Хмырь, 242/.

Пластично выражается длительность предшествующего процесса причастной формой производящего глагола несовершенного вида: "Отзвенел давно звеневший сад" /С. Есенин, Золото холодное луны, 75/.

Производящие неопределенные глаголы в силу своих лексических значений не способны довести действие до своего внутреннего предела, так как при выполнении этих действий, ничто не меняется, кроме самого прекращения действия. Неопределенные глаголы в сочетании с приставкой от- не создают никакого нового качества в аспектуальном

¹⁹ См. нашу упомянутую статью, стр. 131.

предмете /как раз в субъекте действия/, который после 1/ времени и 2/ действия, в нашем сознании отодвигается на последнее место. Действие после прекращения могло бы и продолжаться, как например:

"С ней сегодня никто не шутил, потому что перед вечером у ней помер ребенок. Она уже отплакала над ним, и хотелось еще поплакать" /И. Шмелев, Стена/.

Финитивные глаголы, сочетаясь с акциональными показателями пердуративного способа действия, легко развивают длительно-ограничительное значение, причем все внимание фиксируется на правой границе лимитированного определенным и сравнительно длительным промежутком времени действия или состояния. Н. С. Авилова включает глагол отдуть в следующем предложении в число собственно финитивных глаголов: "Ветер не уляжется, пока трое суток не отдует /Новый мир, 1972, № 1/²⁰. Такие глаголы отнесены М. А. Шелякиным к пердуративному способу действия²¹. На наш взгляд, в их значении совмещаются два временно-предельных значения - пердуративное и финитивное; не случайно выступают иногда валентные показатели пердуративных глаголов совместно с показателями собственно финитивных глаголов:

"Человеку тридцать пять лет, и того еще нет, шесть лет из них он уже отсидел в тюрьме" /Ф. Шанта, 20 часов, 282. Перевод Е. Малыхиной/. "До пятнадцатого я отработаю, ну, а там... ухажу" /А. Арбузов, Таня, 51/. "Так средним шажком отшагал шестьдесят три годочка, и был таков" /В. Шукшин, Беседы при ясной луне, 294/. "... за Ромку всю войну отвоевала его молодая супруга Анфиса Григорьевна..." /Н. Евдокимов, Необходимый человек, 156/. "Двадцать семь годов - все "отжила" /В. Распутин, Живи и помни, 53/.

В аспектуальном контексте у финитивных глаголов время может иногда уступать первенство действию. По Е. А. Земской и А. В. Исаченко финитивные глаголы в сочетании со словом "свое" обозначают "меру действия"^{22, 23}. Измеряется в первую очередь действие, а не

²⁰ См. Н. С. Авилова, Указ. соч., стр. 313.

²¹ См. М. А. Шелякин, Функции и словообразовательные связи детерминативно-временных приставок в русском языке. Фил. Науки, 1969, № 1, стр. 67.

²² Е. А. Земская, Указ. соч., стр. 15.

²³ А. В. Исаченко, Указ. раб., стр. 244.

время. Общее, инвариантное грамматическое значение глаголов совершенного вида, целостность всегда предполагает определенность /в корне со словом предел/ действия. Е. А. Земской и А. В. Исаченко не уточняется, какая мера, какое количество действия имеется в виду. В противоположность собственно финитивным глаголам, у количественно-финитивных глаголов целостным является не момент прекращения предшествующего /имперфективного/ процесса, а целое количественно ограниченное действие. Количественно-финитивные глаголы, выступающие в сочетании с акциональным показателем "свое", выражают, на наш взгляд, большое количество действия: "Словом, он свое отработал, уж этого у него не отнимешь!" /Ф. Шанта, 20 часов, 305. Перевод Е. Малыхиной/. Количественное значение подтверждается текстом венгерского подлинника: "Szóval, megdolgozta a magáét, ezt aztán nem lehet letagadni" /Sánta Ferenc, Husz óra, 95/. В финитивном значении /"закончились мои сны"/ объединяются глаголы с количественным /"отоспал свое"/ и с длительно-ограничительным значением /"полжизни отсопел"/: "Отоспал я свое, доченька... Полжизни отсопел. Закончились мои сны... /Н. Евдокимов, Сказание о Нюрке - городской жительнице, 47/.

М. А. Шелякин противоречит самому себе, когда приведенным им количественно-финитивным глаголам /"отлюбить свое", "отработать свое" и пр./ присваивает пердуративное значение и вместе с тем утверждает, что не каждый финитивный глагол может переходить в группу пердуративных глаголов, между прочим, финитивные глаголы, образованные от глаголов: "любить, греметь, блестеть, грустить, смеяться и др"²⁴. Последнее постановление М. А. Шелякина не согласуется с прежним, и только подтверждает наше положение насчет количественного /не временного/ значения валентного показателя "свое" при финитивных глаголах.

Представляют интерес глаголы, отнесенные Е. В. Красильниковой и Л. А. Капанадзе²⁵ к финитивным, в которых количественная и

²⁴ М. А. Шелякин, Указ. раб., 1971, стр. 292.

²⁵ Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова, Об актуализации морфемной членимости слов в речи /употребление префиксальных глаголов в устной речи/, Развитие современного русского языка, Изд. "Наука", 1972, стр. 119.

результативная стороны /т.е. действие и аспектуальный предмет/ в одинаковой мере выступают на первый план, отодвигая "время", темпоративное значение на второе место:

"Дима. Мы с тобой пол-Москвы обошли... Километров двадцать отшагали. Устала?" /В. Розов, Страница жизни, 240/. "Да он приехал-то трезвый. Ему, поди-ка здесь уж на радостях подали. - Мне зря наговаривать на человека. Шутка ли - двадцать верст отмахал" /В. Распутин, Живи и помни, 149/.

Изменением количества действия меняется и местоположение аспектуального предмета /в данном случае субъекта действия/, но вместе с тем наше внимание фиксируется на правой границе, на конце действия. Такое распределение семантических компонентов в значении глаголов количественно-результативно-финитивного способа действия не позволяет им образовать видовые пары; они не в состоянии в сочетании с этими количественными ограничителями процессуализироваться. /Нельзя сказать: отшагиваю 20 километров/.

Финитивные глаголы, в значении которых аспектуальный предмет отодвинут на задний план, не способны образовать видовую пару, поэтому собственно финитивные, пердуративно-финитивные и количественно-финитивные глаголы бывают всегда одновидовыми. По-другому обстоит дело у тех финитивных глаголов, у которых аспектуальный предмет, выступая один на первый план, претерпевает в результате действия изменение, несмотря на то, является ли он по своей синтаксической функции объектом (отшить/отшивать костюм) или субъектом действия (картофель отцвел/отцветает):

"Отстроил второй дом, поменьше, правда" /В. Шукшин, Любавины, 187/. "Отсеяли овес; нужно было сажать подсолнух, картофель" /Е. Милицына, Веревка/. "С тех пор, как отстроили дом, его так и не удалось заманить сюда" /Л. Немец, Эстер Эгете, 293. Перевод Т. Воронкиной/. "Цензор вряд ли завтра, т.е. в пятницу, все отчитает, а затем все-таки третья корректура, просмотр, печатание" /Ф. Достоевский, Письмо жене 7 июля 1877/. "Чай уже отпили. Катя ждала меня перед потухшим самоваром и вязала что-то крючком" /В. Вересаев, Порыв/.

Результативно-финитивные глаголы, производные от простых лексически предельных глаголов со значением действия, направленного

на разрушение, полное изменение объекта, развивают и значение интенсивности проявления действия²⁶:

"Немцы, отбомбив центр обороны, бросали на него главные силы" /М. Бубеннов, Белая береза/.

Глаголы результативно-финитивного способа действия в силу своего лексического значения могут быть представлены в формах двух видов /кроме случаев, когда фоно-эстетические причины этого не допускают/; они способны процессуализироваться, т.е. выступать в сильной частной видовой позиции конкретного процесса разового действия, имеющего местоположение /"Zeitstellenwert"/ во времени, происходящего одновременно с главным действием предложения. "Когда в доме у него отпивали чай, нам приносили вновь долитый самовар" /А. Куприн, Как я был актером/.

Исходные глаголы, обозначающие динамичные процессы в живой и неживой природе, и глаголы со значением физиологического состояния одушевленного субъекта с приставкой от- легко развивают кроме эгрессивного значения и наслаивающееся на них инхоативное /результативное/ значение, выражая постепенный переход из одного состояния в другое. Это привело к возможности образования от них видовой пары, как например, отцвести// отцветать, отгореть// отгорать, откипеть// откипать, отболеть// отболевать, отхворать// отхварывать и т.п. Аспектуальный предмет /в данном случае субъект действия/, претерпевающий изменение, выдвинут на первое место. Инхоативно-финитивные глаголы, "выражая достижение внутреннего предела действия, могут процессуализироваться, т.е. выступать в конкретно-процессном значении разового действия, стремящегося к достижению этого качественного предела: "За окнами стало отбеливать; языки свечей поблекли - отцвели" /В. Шукшин, Я пришел вам дать волю, 550/. "Он сеял много картофеля, и картофель его, который Левин видел, подъезжая уже отцветал и завязывался, тогда как у Левина только зацветал" /Л. Толстой, Анна Каренина, 355/.

²⁶ См. М. Д. Фетискина, К проблеме связи способов действия и видовой соотносительности /Группировки способов действия со значением интенсивности/. Функциональный анализ грамматических категорий. Сб. научных трудов, Л., 1973, стр. 72.

Л. А. Капанадзе и Е. В. Красильникова относят финитивные глаголы к так называемым экспрессивным словообразовательным классам²⁷.

У собственно финитивных глаголов фиксируется все внимание на целостном моменте прекращения, на последней фазе предшествующего процесса, у несобственно финитивных на правой границе, на самом конце целостного действия, делая этим экспрессивнее речь:

Хотя финитивные глаголы наблюдаются обычно в разговорной речи, писатели и поэты часто используют их в своих стилистических целях. Значение законченности подчеркивается ими двое- или тоекратным соседством приставки от-²⁸:

"В тот вечер все вдруг отшумело, отмелькало... Куда-то все подевались" /В. Шукшин, Беспалый, 317/.

"Характер всех любимых одинаков! / Веселые, они загрустят, Отревновав, отмучившись, отплакав / Они угомонятся и простят".

/Е. Винокуров, Любимые, 65/.

Часто значение законченности, прекращения действия оттеняется /особенно у финитивных глаголов с частицей -ся/ и сопровождается значением удовлетворенности, успокоения, состояния легкости, чувств: освобождения от самого действия. Плюшкин с облегчением сообщает Чичикову, что он уже давно отобедал, и поэтому он как раз не в состоянии его обедом угостить:

"Я давно уже отобедал, а кухня у меня низкая, прескверная, и труба-то совсем развалилась, начнешь топить, еще пожару наделаешь" /Н. Гоголь, Мертвые души, глава IV, стр. 385/. "Кто бы не почувствовал облегчение "отработав свой долг" или "отсидев в тюрьме 7 лет" и т.п. Этот сативный оттенок подчеркивается часто и аспектуальным контекстом:

²⁷ Л. А. Капанадзе, Е. В. Красильникова, указ. соч., стр. 115.

²⁸ Л. П. Черкасова, Наблюдения над экспрессивной функцией морфемы в поэтическом языке. Развитие современного русского языка, Изд. "Наука", М., 1975, стр. 143.

"Почти сутки он не приходил в себя. А когда очнулся и поверил, что будет жить, утешился: все, отвоевался. Теперь пусть воюют другие. С него хватит, он свою долю прошел сполна" /В. Распутин, Живи и помни, 20/. "Собирайся - потребовала она, когда я подошел - Хватит, отучился, поедем домой" /В. Распутин, Уроки французского, 245/. "Чего такая бестолковая-то? Ты не прыгай, отпрыгалась уж, хватит" /В. Распутин, Живи и помни, 128/.

Ю. С. Маслов отмечает, что способы действия важны не сами по себе, а своим взаимодействием с категорией вида²⁹. Что понимается под взаимодействием способов действия с категорией вида, было выяснено недавно А. В. Бондарко, по мнению которого взаимодействие способов действия и видов отражается либо в возможности/невозможности образования видовых пар, либо в наборе частных видовых значений, присущих глаголам тех или иных способов глагольного действия³⁰.

I. Общее, инвариантное видовое значение целостности проявляется у финитивных глаголов в подавляющем большинстве случаев в частной видовой позиции конкретно-фактического значения в формах прошедшего и реже в формах будущего времени. Э. Бенвенист, исследуя времена во французском языке, различает два плана в процессе высказывания: план речи /"discours"/ и план повествования /"récit"/³¹.

---

²⁹ Ю. С. Маслов, Вопросы глагольного вида в современном зарубежном языкознании. Сб. "Вопросы глагольного вида", М., 1962, стр. 12.

³⁰ А. В. Бондарко, О видах русского глагола /из проблематики соотношения значений вида и способов действия/. РЯЗР, 1975/5, стр. 63.

³¹ См. краткое изложение Э. Бенвениста о двух планах высказывания: "Par le choix des temps du verbe, le discours se distingue nettement du récit historique. Le discours emploie librement toutes les formes personnelles du verbe, aussi bien je/tu que il. Explicite ou non, la relation de personne est présente partout. De ce fait, la "3-e personne" n'a pas la même valeur que dans le récit historique. Dans celui-ci, le narrateur n'intervenant pas, la 3-e personne ne s'oppose à aucune autre, elle est au vrai une absence de personne. Mais dans le discours un locuteur oppose une non-personne il à une personne je/tu". In: E. Benveniste, Les relations de temps dans le verbe français. BSLP, LIV, I. 1959, p. 74.

В плане речи /discours/ конкретный факт, представленный финитивным глаголом, осуществляется чаще всего в перфектном значении. Не можем согласиться с М. А. Шелякиным, который настаивает на том, что глаголы финитивного способа действия в несоотносительном /т.е. в изолированном/ употреблении имеют обязательную дистрибуцию³². В плане речи /в 1-ом и 2-ом лице/ в перфектном значении без "обязательных" валентных показателей употреблены финитивные глаголы в следующих примерах:

"Марья под каким-то предлогом вышла из избы: - Отстроился? - спросил Федя. - Отстроился, ответил Егор" /В. Шукшин, Любавины, 138/. "Борис. - Со школой, все, конец. Костя. - Какой конец? Борис. - Отмучился. Ну ее к черту" /В. Розов, Страница жизни, 251/. " - Зачем мне это надо было - мучился он. - Отпахался? Отпахался." /В. Шукшин, Любавины, 250/.

В плане речи глагол может употребляться - по Э. Бенвенисту - хотя и реже, в третьем лице:

" - Наши как? - Ничего тоже. У Кондрата жена померла. - Царство небесное. Отмучился Кондрат" /В. Шукшин, Любавины, 173/. "Макар зажег спичку, склонился к мертвому лицу... Потом поднялся и сказал печально: - Отпрыгался... Кирилл Закревский. Жалко все-таки" /В. Шукшин, Любавины, 125/.

В плане речи используются акциональные показатели реже, чем в плане повествования. Финитивные глаголы могут выступать в позиции конкретного факта в перфектном значении; действие глагола не разобщается с моментом речи: "Только что отписался, как надо теперь отвечать на иные в этот срок прибывшие письма" /Ф. Достоевский, Письмо брату 1 ноября 1876/.

В плане речи в позиции конкретного факта в аористическом значении действие финитивного глагола отрешено от момента речи:

" - Отпахались? Давно уж" /В. Шукшин, Любавины, 298/. "У нас дома уж, небось, давно и отпахались и отсеялись" /Б. Горбатов, Большая вода/.

В плане повествования /récit/ финитивные глаголы в сильной частной видовой позиции конкретно-фактического значения могут выступать как в изолированном, так и в соотносительном /коррелятивном/ положении. В плане повествования детерминативы, составляющие глубоко-

³² М. А. Шелякин, Указ. раб., 1971, стр. 291.

кую дистрибуцию финитивных глаголов, используются факультативно как в изолированном, так и в соотносительном положении. В изолированном положении:

"Софья отговорила. Василий Васильевич встал и благодарил за милостивые слова" /А. Н. Толстой, Петр I/. "Вернулся Кузьма в Баклань по весне. Уже отсеялись. Только кое-где еще на пашнях маячили одинокие фигуры крестьян" /В. Шукшин, Любашины, 249/.

Рассматривая действия в экстралингвистическом плане, с точки зрения "аспектуальной ситуации", т.е. с точки зрения временного отношения "данного факта к другому в комплексе фактов", называемом Э. Кошмидером "ситуацией"^{33, 34}, мы различаем при употреблении финитивных глаголов три основных типа внеязыковых ситуаций:

1. Глаголы финитивного способа действия при их соотносительном употреблении часто наблюдаются в аспектуальном ситуационном типе цепи, в плане повествования: выражается наступление сменяющих друг друга действий /"Eintritt": "Eintritt": "Eintritt" /:

"За это время он только один раз приехал к нам в Москву на рождество, отгостил и уехал" /М. П. Чехов, Антон Чехов на каникулах/. "Призналась нежданно подруге своей, когда отдоилась, молоко увезли..." /В. Шукшин, Калина красная, 453/.

В плане речи редко встречается этот аспектуальный ситуационный тип: " - А чем вы дорогие мои друзья, встретите своих отцов, когда они отвоюются и вернутся домой" /А. Мусатов, Стожары/.

2. Второй аспектуальный ситуационный тип в плане повествования: наступление конкретного факта: процессность /"Eintritt": "Währen"/: "Сергей Иванович давно уже отобедал и пил воду с лимоном и льдом в своей комнате..." /Л. Толстой, Анга Каренина, 279/.

³³ Э. Кошмидер, Очерк науки о видах польского глагола. Опыт синтеза. Сб. "Вопросы глагольного вида", М., 1962, стр. 139. При изучении ситуационных типов мы использовали и оригинальную книгу Э. Кошмидера, в конце которой дается рекапитуляция /Zusammenfassung/ на немецком языке.

³⁴ E. Koschmieder, Nauka o aspektach czasownika polskiego w zarysie. Proba syntezy. Wilna, 1934, str. 235.

3. Третий аспектуальный ситуационный тип: одновременность конкретных фактов, выраженных финитивными глаголами. Подобно всем остальным временно-предельным глаголам, собственно финитивные /эгрессивные/ глаголы в позиции конкретного факта, своим двое- и троекратным появлением часто выражают приуроченные к одному соотносимо-му моменту или периоду действия, составляя в аористическом значении - по названию А. В. Бондарко - "пучок" действий³⁵.

а/ В плане речи:

"Ох, да на кого же ты нас покинул?! Эх, да отлетал ты, голу-бочек сизый, отмахал ты крылушками!" /В. Шукшин, Любавины, 199/.

б/ В плане повествования:

"Отцвела моя белая липа,
Отзвенел соловьиный рассвет"

/С. Есенин, Этой грусти теперь не рассыпать, 62/.

"Но только птички отпели,

Цветы отцвели,

Лучи побледнели,

Зефиры ушли"

/Ф. Тютчев, Листья, 53/.

"Настанет день - печальный говорят!

Отцарствуют, отплачут, отгорят,

Остужены чужими пятаками

Мои глаза, подвижные, как пламя"

/М. Цветаева, Настанет день..., 80/

II. Реже наблюдаются глаголы финитивного способа бействия в частной видовой позиции наглядно-примерного значения. Ситуация обобщается на одном примере. На повторяемость, на политемпоральный характер фиктивно-конкретных, не имеющих местоположение во времени действий, указывается аспектуальным контекстом. Глаголы собственно финитивного способа действия выражены формами простого будущего, реже прошедшего времени:

"В свободное время, после того как он окончит уборку, отготовит и приберет на диво кухню, он то и дело что-нибудь чистил или вытирал" /К. Станюкович, Крушение Матвея Ивановича/.

³⁵ А. В. Бондарко, Вид и время русского глагола. Изд. "Просвещение", М., 1971, стр. 98.

"Прежняя учительница как отзанимается с ребятами - так и домой. А эта с утра до ночи в школе" /Г. Николаева, Жатва/.

"Выходной день - мы напились. Протрезвились, отработали неделю - опять напились..." /В. Шукшин, Штрихи к портрету, 382/.

III. В позициях суммарного и потенциального значений финитивные глаголы в силу своей лексической семантики не встречаются.

Итак, подведем итоги:

1. Финитивные глаголы с приставкой от- могут образоваться от неопределенных, от нейтральных по отношению к категории предельности/неопределенности и реже от предельных исходных глаголов.

2. Зависимо от соотношения трех основных семантических компонентов глаголов совершенного вида, значения финитивных глаголов могут смешиваться, т.е. накладываться друг на друга, могут перекрещиваться между собой, выдвигая какое-то общее лексическое значение /либо временно-терминативное, либо количественно-терминативное или результативно-терминативное/ на первый план. Сильным лексическим значением финитивных приставок мы считаем их эгрессивное значение. Где аспектуальный контекст выдвигает не временно-предельное общее лексическое значение на первый план, там финитивное значение приставки от- ослабляется. Кроме эгрессивного значения финитивные глаголы могут развивать еще пердуративно-финитивное и количественно-финитивное значения, причем их действие может достигнуть лишь своего внешнего /временного или количественного/ предела. Финитивные глаголы, в значении которых выступает на первый план аспектуальный предмет, легко развивают количественно-результативно-финитивное, результативно-финитивное и инхоативно-финитивное значения.

3. Выдвижение аспектуального предмета на первый план у финитивных глаголов приводит к возможности образования от них видовой пары, за исключением тех глаголов, у которых фоно-эстетические причины этого не допускают.

4. Финитивные глаголы используются чаще всего в плане речи изолированно, в перфектном значении в частной видовой позиции конкретного факта. Рассматривая их употребление в экстралингвистическом аспекте с точки зрения "аспектуальной ситуации", они употребляются и в плане повествования для обозначения последовательных действий в аористическом значении в сильной видовой позиции конкретного факта и реже в слабой грамматической позиции наглядно-примерного значения.

5. Собственно-финитивные /эгрессивные/ глаголы подобно собственно-начинательным /ингрессивным/ глаголам³⁶, способны передавать одновременные действия, приуроченные к одному соотносимому моменту, периоду в аористическом значении в грамматической видовой позиции конкретного факта.

6. Финитивные глаголы в силу своего лексического значения не в состоянии выступать в синтагматических видовых позициях суммарного и потенциального значений.

7. Финитивные глаголы относятся к так называемым экспрессивным словообразовательным классам глаголов; не случайно наблюдаются они в разговорной речи и в художественной литературе, особенно в поэзии.

8. Взаимодействие видов и способов действия, на наш взгляд, проявляется не только в возможности/невозможности образования видовых пар и в наборе частных грамматических значений, присущих глаголам тех или иных способов действия, как это отмечается А. В. Бондарко³⁷, но и в отражении и осуществлении общих лексических значений /временно-терминативного, количественно-терминативного и результативно-терминативного/ в частных лексических, морфологически характеризованных группировках глаголов. Итак, с точки зрения функционального анализа должно рассматриваться не только, как отражается частное в общем и целом, а и наоборот, как отражается общее и целое /вся видовая система/ в частном, т.е. в частных лексических и частных грамматических явлениях языка.

---

³⁶ См. нашу указанную статью, стр. 143.

³⁷ А. В. Бондарко, О видах русского глагола /из проблематики соотношения значений вида и способов действия/. - РЯЗР, 1975/5, стр. 63.

MONUMENTA LINGUAE RUSSICAE VETUSTAE

REDIGENDA A KOLISOVETI, H. TOH

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

REDIGENDA A KOLISOVETI, H. TOH

ИЗДАНИЕ ТЕКСТА ДРЕВНЕРУССКОГО ПЕРЕВОДА

"КНИГИ ЕСФИРЬ"

Н. А. Мещерский /Ленинград/

Предисловие

Вниманию читателей предлагается текст древнерусского перевода ветхозаветной канонической книги Есфирь, выполненного в Киевский период /в XI-XII вв./ непосредственно с древнееврейского оригинала. Древнейший пергаменный список перевода /XIV - начала XV вв./, ныне хранящийся в ГБЛ, в Москве /б. собрание Троицкое № 2 /2207/, - положен в основу издания. Разночтения приведены по следующим спискам: ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде /XIV в./ № Q 1, 2 /сокращенно - П/; БАН, № 45.13.4 /XV-XVI в. - сокр. А/; ГБЛ - собрание Волоколамское № 9 /XVI в./ - /сокращенно - В/; ГБЛ, собр. Ундольского, № 1 /XV в./ - /сокр. -У/.

Текст дается без раскрытия титл, с некоторыми графическими заменами: У и Я = у; А и Я = я и др. В графе "примечания" даются необходимые сведения о написаниях в издаваемой рукописи. В графе "разночтения" - приводятся важнейшие варианты по вышеназванным спискам.

Исследование перевода нами было выполнено в кандидатской диссертации, защищенной в ИВАН 25 октября 1946 г., и в статье: "К вопросу об изучении переводной письменности Киевского периода" в Ученых записках Карело-Финского педагогического института, т. II, вып. 1, Петрозаводск, 1956, стр. 198-219.

Л. 120 об. КНИГЫ ДЕСЯТЫЯ ЕСФИРИ. А

1. 1. БЫ^С въ дни Ахасъверосовы. иже цртоваше от Одоу даже и до Хусъ. седмью и двѣмдесятьма и Р-мь властїи.
2. Въ дни ты. егда съде црь Ахасъверосъ. на столѣ цртва.¹ иже въ Соусанѣ градѣ в лѣт /Г/^Б цртвїя своего.
3. И створи пїрь велможам своимъ и рабомъ своимъ. силѣ фарѣсѣстѣ² и мадѣстѣи. странамъ и болярамъ земнымъ. и иже ихъ о немъ.
4. Егда же показа богатство и чьсти³ цртва своего. и честь красоты и величїя своего дньми многими. П и Р-мь днии.
5. Егда же исполняше дни ты. створи црь всѣмъ людемъ елико же ихъ обрѣте въ Соусанѣ градѣ от велика. даж⁴ и до мала.
6. БЫ^С же пиръ по⁵ 3 дновъ⁵ въ дворѣ града оутренего⁶ ца

Примечания: А. Заглавия в различных списках даются по-разному: П: Книги Иесифли /так!/. В списке А и др.: Естири мудрая и црь. Заглавие настоящего списка связано с перечислением ветхозаветных книг в предшествующих частях Хронографа: пять книг Моисея; шестая - Исуca Наввина; седьмая - Судей; осьмая - Руфь; девятая - Тетровасилион Б. В лѣто Г /третье/ восстанавливается по смыслу подлинника. Во всех списках порча текста, вероятно, возводимая к протографу.

Разночтения. 1 - доб. своего А. 2. прѣстѣи. А. Доб. велможамъ У. 3. чть А. 4. даже. А. 5. по седмь днїи А. 6. оутреняг/о/. у.

- Л.121. 6. рѣства бобромъ⁷ и оутриномъ и червемъ. сниманъ но⁸
вервьми шьлковыми и лептугъ на главахъ сребреныхъ⁹
и столпи мраморяни ложа злата и сребрена на блиску¹⁰
каменія драгаго стѣны и оустѣя.¹¹
7. И пѣху въ съсудѣхъ златыхъ и съсудъ суду не оуподоб-
ленъ. но все разноличъ.
8. И вино црѣско много яко же сила црѣва. а питва яко вол-
на^В безъ нужда. ибо бѣше такъ^Г оуставъ црѣвъ. на всѣхъ
старѣшинахъ до/моу/Д своего створити волю моужевѣ му-
жю.
9. И пакы Вастия црѣя створи пиръ женѣскыи в дому црѣвъ.
иже црѣ Ахасъверосъ.
10. Въ днь ѣ въньгда ся оудобряше мысль црѣва въ винѣ и рече
Емуума/нови/^Е и Визъсану и Варнунанови и Вигъфану и Ваах-
ра-

Примечания. В. В рук. испр.: акы волна. Г. В рук. испр.: тако.
Д. Исправл. по смыслу подлинника. Во всех списках
текст испорчен: до... Е. Испр. по смыслу подлинника.
Во всех списках порча.

---

7. добромъ испр. на: бобромъ Т. 8. нь П. 9.сребренах А. Сребряных У.
10. на близу. А. на близку. В. 11. стѣны юстія. П. оустѣа. А.

- л. 121. об. 10. -ну и Зѣвихфару и Варкохасу. седми старость иже
11. служаху предъ црѣмъ Ахасъверосомъ¹². прѣвести Вас-
тию црцю предъ цря в вѣнцѣ црѣвѣ показати люде^м и
велможамъ и красоту ея. и еже добрыи възоръ ея.
12. И абие не въскогѣ црца Вастия. прѣити по рѣчѣ¹⁴
црѣвѣ иже по руках старость.
13. И разгнѣвася црѣ велми зѣло. и гнѣвъ его ражѣся
в нем. и рече црѣ мудрыце^м иже¹⁵ познаяху¹⁵ години.
иже рѣчѣ црѣва предъ всѣми иже познаяху¹⁶ законъ и
судъ.
14. А иже ближнии ему Карсона¹⁷. Сефаръ¹⁸. Адамафана.
Тиртсъ. Мересь. Марсона. Мумуханъ. Э боляръ фарисѣи-
скы^х и мадѣискихъ¹⁹ иже видѣху²⁰ лице цре-
-
-

Разночтения. 12. Ахасъверосьмъ П. 13. добръ. А. 14. рѣчи. П.А.
15. Иже их познаяху. П. 16. познаху. А. 17. Каррона. А.
18. Софаръ А. 19. медеискихъ. В. 20. видяху. П.

- Л. 122. 14. -во иже сѣдяху наипервѣ²¹ въ црѣствѣ.
15. Яко по закону что створити²² црци. Вастии²². иже не створі повелѣнія црева. Ахасъвероса. иже по рукахъ старость.
16. И рече Мумуханъ предъ цремъ и боляры. Не црю единому съкривила Вастии²³ цря. Ж. аще не на вся бояры и на вся языки. иже въ всѣхъ³. цря Ахасъвероса.
17. Яко вниде глѣ црцинь на в'ся жены. яко не оуврѣдити мужъ своихъ и не въ послухъ предъ нимі иже рекоша. црь Ахасъверосъ. рече привести Вастию предъ нь²⁴. она же не рачи прити.
18. И въ днѣшнии днѣ рекоша болярынь²⁵ фариискыѣ И. и ма-дѣискыѣ. яже оуслышаша глѣ црцинь. всѣмъ^М боляромъ црвом а довлѣеть срамоты и гнѣва.
19. Аще цревѣ оулюбѣе. К аще изидеть рѣчь

Примечания. Ж. В рук. испр.: црци, как в П. И. В рук. описки. Должно читать фариискыѣ, как в остальных списках. К. В рук. описки, вместе оулюбѣте, как в П. З. В рук. описки. Должно читать: въ всѣхъ.

Разночтения. 21. наипрѣвѣ. П. наперѣвѣ. А. 22. Вастии црци А. Вастии црца П. 23. Вастии П. 24. предъ онъ А. 25. болярыни. А. болярыне В

- Л. 122 об. 19. црѣская от него. И въпишетъ въ кнѣгахъ фарисѣискахъ
и маѣискахъ²⁶. а не преступи²⁷ яко не пришла Вастіа
црѣя предъ црѣ Ахасъверось. яко да црѣво ея предасть
подрузѣ ея лучши ея.
20. И будетъ послушание²⁸ рѣчь црѣва²⁹. иже створи во всемъ³⁰
црѣстви/и/ его. иже силна есть. и вся жены възложить
срамоту на мужъ свои. от велика и до мала.
21. И добра бы^с рѣчь предъ црѣмъ и боляры. и створи црѣ
якоже рече Мухань³¹.
22. И посла книги къ всѣмъ властемъ³² црѣ къ власти и
власти. яко писание ихъ. и къ людемъ^м кждо³³. яко же
языкъ его. оутвердити всякому мужю власть в дому сво-
емъ. и глѣ яко же языкъ людий кждо ихъ.^л
- Гл. II. 1. И по рѣчьхъ тѣхъ яко оуставися гнѣвъ црѣвъ. Ахасъверо-
совъ.³⁴

Примечания. В списке В и Г здесь начинается гл. II с пометой на полях:
Глав В.

Разночтения. 26. фарисѣиских и маѣиских. А. 27. преступити. А.
28. послушальная. А. и бысть послушаніе. В. 29. пророчьская. В.
31. Мумухань. П. ему Мухань. В. 32. властелемъ А. 33. кого ждо их.
АВ. 34. црѣ Ахасъвероса. А.

- л.123.1. /въ/спомяну Васти³⁴ и створение ея. и еже осуди на ню.
2. И рѣша отроци црѣви слугы его. доискали³⁵ быхомъ црѣви
двѣхъ двѣцъ добровзорныхъ.
3. Да приставилъ³⁶ црѣ приставники во всѣхъ властехъ³⁷ сво-
ихъ. и власти цртва своего. да быша събрали всякую дѣву³⁸
и двѣцъ. добровзорную. къ³⁹ Сусану граду. въ домъ женъскыи.
по руцѣ Егаевѣ. иже бѣ тивунъ црѣвъ хранитель женъскыи.
дая имъ пристрою ихъ.
4. И дву юже оулюбяше⁴⁰ црѣ и црѣ звати/начнетъ/⁴¹ начнетъ^М
въ Вастии мѣсто. и оулюбѣ^Н рѣчъ црѣви. и створи тако.⁰
5. Моужь иудѣискыи бяше⁴² въ Сусанѣ градѣ⁴³ имя ему Марда-
хаи. снѣ. Лировѣ. снѣ Симаина. сна Кисова мужъ Вениами-
новъ.
6. Еже полоненъ бяше изъ Ерлма посломъ иже полони съ Охо-
ниемъ црѣмъ иуди/номъ/

Примечания. М. в рукописи диттография. Н. В рукописи описки. Следу-
ет читать: И оулюбѣ. П; и оулюби. А. О. В рукописи с этого места
начинается новый абзац. В списках В и Г рубрика сохраняется, несмот-
ря на то, что начало главы отмечено раньше. П. В рукописи описки.
Следует читать: с полономъ. съ польнѣ. П; съ плѣномъ. А.

Разночтения. 34. Вастии. Л. 35. да поискали. П.А.В. 36. да бы при-
ставилъ. П.А.В. 37. властѣхъ. П. 38. двую. П. дѣву дѣвицю. А.
39. въ Сусану граду. А. 40. оулюбяше. П. 41. прити начнетъ. А.
42. бѣяше. А. 43. граду. А.

- Л. 123. об. /Июди/номъ. иже полони⁴² Навъходоносрь црь Вавулонь-
скни.
7. И бѣна пѣстужа домочадицу сироту. бѣше⁴³ Есфирь дщи
стрыя⁴⁴ ея⁴⁵. Еи же не оца⁴⁶ ни мѣре. двѣ соущи добро-
творна и добровзорна. Да егда оумре оца еи. и мѣи еи. и
прятъ ю Мардохан въ дщере⁴⁷ собѣ иудѣи. Р
8. И⁴⁸ въньгда оуслышанъ бы^С глѣ црѣвъ и законъ его. и яго
же собра дѣця многы в Сусанѣ градѣ⁴⁹. по руцѣ Егаевѣ.
и бы^С поята⁵⁰ Есфирь в домъ црѣвъ на руцѣ Егаевѣ иже
бѣше хранитель женьскыи.
9. И оулюби двѣ црѣ очима своима⁵¹ и възнесе мѣтъ пред
нею. и оуборзи пристою еи. и дары^{Еи} даяти еи. и. и
3 дѣцѣ иже стояху⁵² дати еи из дому црѣва и пристрою⁵³
дѣца ея оудобрѣла⁵⁴ в дому женьскѣмъ.
10. И не вѣда^С Есфирь люди/и/

Примечания. Р. Иудѣи - лишнее против оригинала слово, сохранившееся во всех списках и, следовательно, читавшееся в протографе. С. следует читать не повѣда, как в списке А. В старших списках описка.

Разночтения. 42. плѣни. А. В. в списке У. полони исправлено на плѣни. 43. И бѣше. П. бѣаше. АВ. 44. строя его. В. 45. стрѣи его А. 46. не бѣше оца ни мѣре. П. 47. в дщери мѣсто собѣ АВ. 48. И бысть А. 50. поята А. 49. въ Сусанѣ градѣ. А. 51. Нет. П. 52. иже достояше. А. 53. и пристрои ю. А. 54. оудобрить. А.

10. /люди/и своих ни роду своего. люб/о б/яше⁵⁵ Мардохай заповѣдалъ ей. а бы не повѣдала.
11. И на всякъ днь и Мардохай въсхожаше противу двору⁵⁶ дому⁵⁶ женьскому оувѣдати⁵⁷ мирь Есфири. и что быша створили ей.
12. И яко же придыше знамение⁵⁸ двѣя двѣ прити къ црѣю Ажасьверосу. по нем же бы^с ей. яко⁵⁹ же законъ женьскыи. и въ ВІ мѣць не бо⁶⁰ так напълняхуся⁶¹ днѣе пристроя ея мѣць въ кандилѣхъ^т и въ пристрояхъ женьскыхъ.
13. И въ томъ двѣя двѣ придыша къ црви. и все еже аще⁶² речаше. дадыше ей.⁶³ прити с нею из дому женьскаго. даже и⁶⁴ до дому црева.
14. И на вечеръ та бѣ приходящи. и заоутра бѣ възвращающися⁶⁴ къ дому женьскому другому по руцѣ Саазѣ газовѣ⁶⁵ тивуна црева. хранитель ложнІ/ца/

Примечания. Т. Вместо этого, в списке А и др., более поздних, читается: "мѣць ы маслѣ маститѣ. а въ мѣць в кандилѣхъ и въ примтрояхъ женьскихъ". Таким образом восполняется пропуск, допущенный более ранними списками, по сравнению с еврейским оригиналом.

Разночтения. 55. В рукоп. любяше. Ошибка восполняется по всем остальным спискам. 56. противу двору. А. противу дому дому женьскому. В. 57. оувидити А. 58. знамению. В. 59. акы А. 60. не бо не тако. А. 61. напълняхуся. П. 62. нет. А. 63. Доб. и. П. 64. Нет и. П. 65. Саарьгазовѣ. А.

- Л. 124. /ложнІ/ца. и не прихожаше⁶⁵ лапъ къ црѣви. не⁶⁶ егда будяше
воля црѣва на неи и тѣгда позваше ю именемъ.
15. Вънегда доступихребии Есфиринъ. дѣдере Авихаиловы.
строя⁶⁷ Мардохаива⁶⁸ иже поялъ ю⁶⁸ бѣше собѣ въ дѣдере мѣсто.
прити къ црѣви. не проси рѣчи но яко же речаше еи Егаи
тивунъ⁶⁹ хранитель женъскыи. и бы^с Есфирь обнесена мѣтию
предъ всѣми слугами своими.
16. и бы^с поята Есфирь къ црю Ахасъверосу. въ домъ цртѣва
своего.⁷⁰ въ мѣцѣ І глюишиися Тевефъ⁷¹ по жидовъскому. а по
гречьску декабрь.⁷² в лѣтѣ^т ѿ цртѣва его.
17. и облюбѣ⁷³ црѣ Есфирь. паче всѣхъ женъ и обнесена бы^с
мѣтѣю. и любовью предъ ним. паче всѣхъ дѣвѣихъ дѣвѣцъ.
и възложи вѣнецъ црѣскыи на главу еи⁷⁴ створи ю црцю
въ Ма/стѣбъ/^у

Примечания. У. В рук. и в П, где текст обрывается после слов
"на главу ея", - порча текста. Следует читать по спискам А, В и
др.: въ Вастии мѣсто.

Разночтения. 65. прихожааше. А. приложаше. В. 66. нѣ П. и вънег-
да. А В. П. 67. стрѣя. А. 68. юже поялъ ю себѣ. А. 69. староста.
А. 70. его. А. моего. В. 71. Теветь. А. Тевеѡ. В. 72. декабрь.
А. 73. и възлюби. А. 74. ея. П.А.

л. 125. /Ма/стѣѣ мѣсто.

18. И створи црѣ пирѣ великѣ всѣмъ велможамъ своимъ и ра-
бомъ своимъ. и тѣ⁷⁵ пирѣ звашеся пирѣ Есфиринѣ и створи
оутѣхоу землямъ. и дасть дары яко же бѣ сила црѣва.
19. И яко же събраше⁷⁶ двю дѣцю въ другѣя. Мардохай же⁷⁷
сѣдѣше въ вратѣхъ црѣ.
20. И не бѣше Есфирь повѣдающи⁷⁸ рода своего нѣ люди своиѣхъ.
яко же заповѣдалъ ей бѣше Мардохай. и повелѣнѣе Мардохай-
ево Есфирь творѣше. яко же бѣше оутвердила ся⁷⁹ с нимъ.
21. Во дни ты и Мардохай сѣдѣше въ вратѣхъ црѣ. и гнѣбаяся
бѣше⁸⁰ Бѣхванъ и Вафесъ⁸⁰ два тивуна⁸¹ црѣва. иже стрѣ-
жаста⁸² вратѣ его. и оумылиста^{82а} задѣти руцѣ црѣ⁸³ Ахасъ-
веросъ⁸⁴.
22. И бы^с вѣсть Мардохайеви, и повѣда Есфири црѣи. И повѣда
Есфирь ца/реви/

Примечания.

Разночтения. 75. тои. В. 76. собираше. А. 77. нет же. П. 78.
повѣющи. А. повѣдающе. П. 79. нет ся. А. 80. Бихванъ и Терешъ.
А. Бихванъ Терешъ и Вафесъ. К. 81. старостѣ. А.К. 82. стрѣжаа-
шета. В. 82а. оумыслима. П. 83. црю. А. 84. Ахазверосоу. А. Ахазъ-
вероса. В.

Л. 125 об.. /царе/ви имя Мардахаево.

23. И възискана бы^с рѣчь и въображена. и повѣшена быста древѣ оба и написа въ книгахъ памятныхъ предъ црѣмь.
- Гл. III. 1. И по глании тѣхъ всѣхъ възнесе црѣ Ахасъверосъ^ф сна Амьдафина Агаги и възнесе его⁸⁵. и постави⁸⁵ столъ его превъши всѣхъ боляръ своихъ.
2. И вси раби црѣви иже въ вратѣхъ црѣ. припадающе покланяху^сся Амонови.⁸⁶ яко тако имъ бѣше заповѣдь црѣва.
3. Мардохай⁸⁷ же не прикляну⁸⁸ и не поклани ся. И рѣша раби црѣви. еже во⁸⁹ вратѣхъ црѣ. чѣто ради ты преступаеши заповѣдь црѣву.
4. И бы^с егда глахуть ему днѣ днѣ и не послушаше^{89а} ихъ. и повѣдаша Амонови^х и не повѣда имъ яко то⁹⁰ бѣ иудѣи.
5. И видѣ Амонъ. яко не бы^с Мардохай ни приклякая. ни

Примечания. Ф. Во всех списках пропущено в первый раз упоминаемое имя Амана, врага Мардохея. Х. Во всех списках пропуск, восполняемый лишь по смыслу еврейского оригинала: "Они донесли Аману, чтобы посмотреть, устоит ли в славе своей Мардохей, ибо он сообщил им, что он иудей⁴.

Разночтения. 85. Нет и постави. П. 86. Добавлено сына ВелдехИина Агаги. А. сна Велдафиина. В. 87. Мардѣхай. П. 88. приклякну. П. 88. не приклякну ни поклони ся. А. 89. въ В. 89а. оуслѣдааше. А. послуша. В. 90. тои. В.

Л. 126. припадая ему. и исполни ся Амонъ мысли гнѣвныя.

6. И не⁹¹ врѣдъ очима его бы^с. задѣти руцѣ Мардохая единому. иже повѣдаша ему люди Мардохаеты. и воля бы^с Амонова⁹².

погубити вся иудѣя. иже во всемъ црѣвѣ Ахасѣверосовѣ. людие Мардохаеты.

7. Мѣца А-го Нисанъ глѣущи ся апрѣль въ лѣтѣ ВІ црѣ Ахасѣверосу. и възверже вражду и жребии предѣ Амономъ отъ дни къ дни. отъ мѣца къ мѣцю. ВІ иже естъ Адаръ. рекомы мартъ.

8. И рече Аманъ къ црѣ Ахасѣверосу се суть людие разбѣянии.⁹⁵ разбѣлнии межю^{95а} людѣми по всей земли црѣва твоего. и законы ихъ⁹⁶ изряднѣе паче всѣхъ людие и закона црева. они не суть творящи. а цреви бы не право поустити ихъ.

Примечанія.

Разночтенія. 91. И въ не врѣдъ. П. И не въ вредъ. А. 92. Аммонова. А. 93. Амонѣмъ. П. 94. отъ дниІ къ дни. В. 95. разбѣянии. А. 95а. между. В. 96. иже. А.

- л. 126. об. 9. и аще ⁹⁷црѣви бы оудоволно было ⁹⁷. а бы написать погубити и. и ^Ѹ капии сребра навѣшу къ строю дѣла твоего. и принести ⁹⁹къ полатамъ ^{црѣ}.
 10. и съня ^{црѣ} пертьнь ^{п1}свои с руки своея. и да Амоно-
 11. ви ^{сн}у Амѣдафину /Агаги мучителю иудѣискому/^ц.
 И рече црѣ Амонови срѣбро буди на ²тобѣ. и людие. створити волю очю твою.
 12. И призвани была писци ^{црѣ}ви. мѣць ^Ѧ ^{ГІ} днѣ написа-
 но. еже заповѣдаше Амонъ къ тивуномъ ³црѣвомъ ⁴и
 къ приставу иже ⁵по земли и по земли ^ч. и къ боляр-
 ромъ людии. и людии. земля и земля. як писмя ея и
 людие люди яко языкъ ихъ имя ^{црѣ} Ахасъвероса. на-
 писахуть и запечатаху перстьньмъ ⁶црѣвомъ ⁷.
 13. и посылаху книги погоньцѣ ⁸по все/и/

Примечания. Ц. Конец стиха и рукописи опущен и восстанавливает-
 ся по всем остальным спискам, кроме П, и по оригиналу. Ч. В ру-
 коп. описка, вм. по земли.

Разночтения. 97. оубо довольно бы было. П. бы оубо довольно было.
 А. 98. я. П. 99. принесе. А. 100 сънять. В. П. 1. Пърстьнь. П.
 прьсьнь. А. перстень В. 2. дано. П, А, В. тебе. А. В. 3. тивунамъ.
 П. црѣвымъ. А. 5. их П. 6. пърстьньмъ. П. 7. црѣвымъ. П. 8. по-
 гонници. А.

- Л. 127. 13. /все/и земли ^ѿрѣвѣ растворити и избавити^{III} вся⁹ иудѣя от дѣтѣ и до старого.¹⁰ младенца и жены въ днь единъ ГІ днь мца ВІ то есть Адаръ рекомыи мартъ. добытокъ ихъ къ располону.
14. Глѣть печать грамотная. дати¹¹ законъ¹¹ по всѣмъ землямъ и землямъ и открыти всѣмъ людемъ быти оуготованым/на/ на днь сии.
15. Погонци¹² же вынидоша¹³ въскорѣ по глѣ ^ѿцря. и законъ данъ бы^C въ Сусанѣ градѣ в ^ѿцрь и Амонъ сѣдоста пити. а градъ Сусанъ в'сплака ся.^{II}
- Гл. IV. 1. Мардаханъ бѣ видая^B все еже творяше ^ѿцрь. и раздра. Мардоханъ ризы своя. и облече ся въ власяницу¹⁴ и сукно. и выниде посреде града. и възъпи вопемъ великомъ и горекомъ¹⁵
2. И приде¹⁶ до вратѣ ^ѿцря. а то бяше не право прити къ врато^M

Примечания. Ш. В рукоп. и в П. явная описка. В прочих списках, как и по смыслу оригинала: избивати. III. Здесь во всех списках рубрика, и начинается новая глава. ъ. В рукоп. явная ошибка. Исправляется по всем спискам: вѣдая.

Разночтения. 9. избавити ся. П. 10. старого. В. 11. законъ данъ быс. ПА. 12. погонници. А,В. 13. внидоша. АВ. 14. власяницу. В. 14. а. вниде А,В. 15. горькомъ. П. горкымъ А. горкым В. 16. приде В. 17. къ вратомъ. В.

Л. 127. об. ^{црѣвомь}¹⁸ въ одежи сукнянѣ.

3. И всяка земля и земля. иде же рѣчь ^{црѣва}. и законъ его доидяше. желя велика иудеомъ бѣше. и говѣнне¹⁹ и плаче^ы и нарѣкание. и власяницѣ и сукна постилаху старѣшинамъ.

4. И придоша ^{дѣ} двѣ Есфирины и тивоуни²¹ ея и повѣдаша еи и оужасе ся ^{црѣ} црѣя велми²² збѣло и посла ризы облеши Мардохая и сняти²³ сукно с него²³. и не въсхотѣ прияти.

5. И возва²⁴ Есфирь Афанъ от тивунъ ^{црѣвѣ} црѣвѣ иже стояше пред нею. и заповѣда емоу оуне²⁵ Мардѣхая. оувѣдати²⁶ чему то е^с и про что е^с.²⁷

6. И вниде Афанъ къ Мардахеви. на оулицю града прямо вратъ ^{црѣвѣ} црѣвѣ.

7. И исповѣда Мардохай^{27а} Афану вся ключѣшая ся²⁸ ему. и расповѣдание сре/бра/

Примечания. Ы. Так и в рукописи, в П: пла^ч. Поздние списки дают обычное написание: плачь.

Разночтения. 18. црѣвѣмъ. Л. црѣвымъ. А. 19. говѣние. П. 20. власяници. А. 21. и тивоуни П, В. 22. вельми. П. 23. сукно его. А, В. 24. възва. П. 25. Оу Мардахая оувѣдати. А, В. 26. оувѣдати. П. 27. Нет есть. П. 27а. Мардохай и. В. 28. Нет ся. П.

- Л. 128. /сре/бра. еже рече Аманъ^{29б} да вѣсити^б къ полатѣ цря на июдѣихъ погубити я.
8. И печатьникомъ³⁰ законнымъ иже бы^с в Сусанѣ градѣ дана растворити^э е де³¹ ему^э показати Есфири и повѣдати еи и заповѣдати еи прити къ црю³² молити его³². и оумлрдити ся пред ним о людехъ³³ своихъ.
9. И приде Афахъ³⁴ и повѣда Есфири рѣчи Мардохаяевы.
10. И рече Есфирь къ Афахови³⁵ и заповѣда емоу оуне Мардохая^{36 ю}
11. И вси раби цреви³⁷ и людие власти цревы вѣдають. яко всякъ мужъ и жена яко аще придетъ къ цреви³⁸ къ двору днѣшнему³⁹ донде же не званъ будетъ. единъ токмо законъ его еже ко оубою. кромѣ ему же простреть црь пругъ^я златъ. а азъ не звана⁴⁰ быхъ прити къ

Примечания. Ъ-Ь. Очевидно, следует читать повѣсити. Ср. III, 9. Порча текста во всех списках. Э-Э. Вероятно, следует читать по смыслу подлинника: дана растворити е. да ему показати Есфири. Ю. Вероятно, следует читать: Мардохай /вин. пад./, как в П. Я. Очевидно, в рук. описки. Во всех списках читается: пруть /скипетр/.

Разночтения. 29. Аммону. А. 30. печатникомъ. П. 31. и да ему. П. 32-32. нет молити его. П. 33. о людѣх. П. 34. Афонъ. А. 35. к Афонови. В. 36. оуне Мардохая. А, В. 37. цря. П. 38. цреву П. 39. днешнему. П. внѣшнему А, В. 40. възвана. В.

- Л. 128 об. црѣви. се оуже ꙗ днии.
12. Повѣдаша Мардохаеви⁴¹. рѣчи Есфирины.
13. И рече Мардохаи вратяся къ Есфирии. не мни си въ мыс-
ли свои изъбудучи ся в дому црѣ паче всѣхъ иудѣи.
14. Аще⁴² молчиши молчачи⁴² в годину сию^А простыи⁴³ из-
бавление^А встанеть иудѣомъ от мѣста иного. а ты и
домъ оца твоего погыбнеть. да кто вѣсть аще въ годѣ-
ну сию доступиши⁴⁴ ли ты црѣва⁴⁵.
15. И отвѣща Есфирь къ Мардохаеви.⁴⁷
16. Иди събери⁴⁸ вся иудѣя. еже ихъ обрящещи въ Сусанѣ
градѣ. и говѣи⁴⁹ мене ради. и не ядите ни пиите
по три дни. днь и ношъ. и пакы азъ сама и^{49а} и двѣ
двѣ^{49а} моя говѣти начнуть со мною. а⁵⁰ по томъ пои-
ду къ црѣви. аще си и не по закону. да аще погыбну
да погыбну.
17. И приде Ма/рдахаи/

Примечания. А-А. Вероятно, в протографе читалось: Простѣрь и
избавление встанеть иудѣомъ /свобода и избавление придут иуде-
ям/.

Разночтения. 41. Мардѣхаеви. П. Мардахаю. А. 42. Мълчиши мълча-
чи. П. молчиши моля ся. А. молчиши молча ся. В. 43. простерыи.
П. 44 доб ся, А. 45. црѣ. А. 46. Нет и. П. 47. къ Мардохаю. А.
48. сбири. П. 49. Доб. рече. А. 49а, дѣвы дѣвыя моя. В. 50. и.
А.

Л. 129. /Ма/рдохан и створи яко же заповѣда ему Есфирь. ^Б

- Гл. У. 1. И бы^С въ днѣ Г и облече ся въ ризы црскыи Есфирь и ста оу домоу црва дому днѣшнього⁵¹ противу дому црву. а црь съѣдше на столѣ цртва своего въ полать своей прямо дверемъ полаты. и бы^С яко оузрѣ црь Есфирь въ дворѣ. и бы^С Есфирь обнесена мѣтию предъ очима его.
2. И простре црь пруть златыи Есфирии иже имѣше⁵² въ руку свою и приближи ся Есфирь. и ятъ за конецъ прута.
3. И рече ей црь. что ти⁵³ Есфири црце. и что мыслиши просити цртва моего. будетъ ти дажъ⁵⁴ и до полуцртва моего.
4. И рече Есфирь. аще оу^В ся⁵⁵ оудобрити црви⁵⁵. да бы пришелъ црь съ Аманомъ⁵⁶ дне^С на питву еже быхъ⁵⁷ створи^{ла} ему.
5. И рече црь оуборзите⁵⁸ по Амана и створи

Примечания. Б. Во всех списках здесь рубрика. Начало новой главы. В списке В. Гл. :-ая. В. очевидно, следует читать: аще оудобря оудобрить црви. Текст испорчен во всех списках и может быть исправлен по смыслу подлинника.

Разночтения. 51. днешнего. П. днешняго. В. 52. имяше. П. 53. Доб. есть П. 54. дать. П. 55. аще бы ся црви оудобрити. П. А, В. 56. Аманъмь. П. 57. бы. В. 58. оуборзити. П.

- л. 129 об. /створи/те⁵⁹ рѣчь Есфирину и придоста црь и Аманъ на пиръ иже⁶⁰ створи Есфирь.
6. И рече црь Есфири. въ препоиѣхъ винныхъ.⁶¹ что еже прошение твое. и дамъ ти. и что есть мысль просьбы^{61а} твоя. дамъ ти и до полуцртви моего. и⁶² створимъ то-бѣ.
7. И да отвѣтъ Есфирь. и рече просьба моя и мысль моя млтѣ от цря.
8. И аще бы црева тако оудобрило.⁶³ то дати мнѣ просьбу мою^Г /и створити мысль мою/. да бы пришелъ црь и Аманъ на пиръ иже створю⁶⁴ паки има. а заоутра створю яко же будетъ рѣчь црева.
9. И выниде^{64а} Аманъ въ днь весель и охвотномъ⁶⁵ срдцемъ. яко же оузрѣ Аманъ Мардохая^Д не подвигнуша⁶⁶ ся ни приклякнуша предъ нимъ. наполни⁶⁷ ся Аманъ на Мардохая гнѣва.
10. И въздѣхнувъ⁶⁹ Аманъ приде къ

Примечания. Г. В рукописи пропуск четырех слов, читаемых во всех остальных списках и восстанавливаемых по смыслу оригинала. Д. Во всех списках здесь пропуск двух слов: у врат царя, восстанавливаемых по оригиналу.

Разночтения. 59. и створите. А. 60. еже. А. 61. винных. П. 62. Нет и. П. 63. оудобрѣла. П. 64. створи. А. створих. В. 65. ох-вотънѣ, П. 64а, вниде. А,В. 66. подвигнувша. П. 67. приклякну-щася. А. 68. и напълни ся. П. 69. въздохнувъ. П.

Л. 130. дому своему и пославъ приведе прїязнь свою. и Зересь⁷⁰
жену свою и расповѣда има Аманъ чѣсть⁷¹ богатства сво-
его. и множество сновъ своихъ

11. И иже възвеличи его црь. и како възнесе и надъ всѣми
вельможами своими и рабы цревы.

12. И рече Аманъ. и паки не приведе ли мя Есфирь црця съ⁷²
цремь на пирь⁷². иже створила бѣ. аще не мене. и паки
на оутрия азъ званъ есмь к ней съ цремь.

13. И всего⁷³ не вредно ли есть мнѣ. во⁷⁴ всяку годину^{74а}
еже азъ вижу⁷⁵ Мардохая⁷⁶ иудѣя сѣдѣща въ вратѣхъ цря.

14. И реч ему Зересь жена своя. и вси прїязни его сѣбла-
юще⁷⁸ будѣте древо възвыше⁷⁹ И локоть и заоутра рече-
ши црви. ать повѣситъ⁸⁰ Мардохая на не^М. и пришед съ
цремь на пирь. весель. и оудобри ся рѣчь пред Амоно^М.⁸¹
и створи древо.^{32Е}

Гл. УІ. 1. И въ ту ночь смяте ся.

Примечения. Е. Конец главы. Рубрика, означающая начало шестой
главы, так надписанной в списке В.

Разночтения. 70. Зересь. А. 71. часть. П, В. 72-72. на пирь с
цремь. А, В. 73. Все. П, В. 74. въ П. къ А. 74а всякому. А. 75.
вижду. В. 76. Мардохая. П, А, В. 77. прїязни. П. 78. сѣдѣлающе.
П. 79. възвыше. П. 80. повѣсѣть. П. 81. Аманъмъ. П. 82. дрѣ-
во. П.

- л. 130. об. црь в снѣ⁸³ и повелѣ принести книги памятные. и была прочтены пред цремь.
2. И избобрѣте в них написано иже повѣда Мардохай на Вигъ-хлана^{83а} и Вавероса^{83а} в тивуна црева⁸⁴ дверника. иже оумыслиста задѣти руцѣ. црю Ахасъверосу.
3. И реч црь. что створено е⁸⁵ чьсти и величья⁸⁶ Мардохе-ви⁸⁷ за то. и рекоша отроци црви слугы его на створено ему ничто же за то.
4. И реч црь Никто^ж е^с на дворѣ. и тогда⁸⁸ Амонь⁸⁹ приде къ двору дому црва внѣшняго.⁹⁰ рещи црви повѣсити Мардахая⁹¹ на древѣ.⁹² еже створи ему.
5. И рекоша отроци цревѣ к нему. се Амонь стои^т на дворѣ. и реч црь да приде^т сѣмо.
6. И приде Амонь и рече црь что створити мужю иже⁹³ волю цря чтити его. И помысли Амонь в мысли своей. кому хотѣлъ бы црь створити чть⁹⁴ болѣ мене.
7. И реч Амонь къ цреви. Мужь иже црь хочет чьстити⁹⁵

Примечания. Ж. В рукописи описка. Она может быть исправлена на основании всех остальных списков и оригинала: кто е^с на дворѣ.

Разночтения. 83. въ снѣ П. 84. дворника. П. 85 е^с П, А, В. 86. величия. П. 87. Мардѣхаеви. П. 88. тѣгда. П. 89. Амань. П. 90. внѣшняго. П. внѣшнаго. В. 91. Мардѣхая. П. 92. древе. П. 93-93. цря волю. П, А, В. 94. болѣ А, В. 95. чьстити его. П. чтитъ А, В.

л.131. его.

8. да принесу^т порты⁹⁶ црѣвы⁹⁷ в ня же⁹⁷ црѣ облачит ся.
и конь на немъ же црѣ бзди^т внегда же възложенъ вѣнецъ
црѣвѣ⁹⁹ на главу его.
9. И дати порты⁹⁹ и конь на руцѣ мужю боярину црѣву судии.
и да облече^м мужа его же црѣ хоче^т чьстити. и провести
по оулицам града.³ рекуче тако се створити¹⁰⁰ мужеви
его же^{п,і} хоче^т црѣ^{п,і} чьстити.
10. И реч црѣ Амонови. борзо² возми³ свиту и конь яко же
гѣлалъ еси. и створи тако Мардохая⁴ издѣю сѣдѣше на вратѣ^х
црѣ. и не оуими⁵ рѣчи всего же еси гѣлалъ.
11. И взя Амонъ ризы и конь. и облече Мардохая⁶. и створи
пояздити⁷ ему по оулицам града. и бѣ клича пред ним.
такое створи мужеви его же црѣ оулюби чьстити его.
12. И взврати ся Мардохай къ врато^м црѣ. и Амонъ иде в дом
свои желень. и повѣсивъ⁸ главу свою.
13. Исповѣда Амонъ Зереси женѣ своей и всѣм рабом своим.
вся ключѣшая ся ему. и рѣша ему мудрѣи свои. и Зересѣ
жена

Примечания. 3. В списке А и подобных ему отсутствуют слова: и
провести по оулицам града.

Разночтения. 96. пѣрты. П. 97-97. я ж црѣ. 98-98. на нь же. П.
99. црѣвѣ. А. 100. створите. А, В. П, І - П, І. црѣ хочетъ чьсти-
ти. А. 2. бѣрзо. П. ³възми. П. 4. Мардѣхай. П. 5. умѣ. В. 6. Мар-
дѣхай. П. 7. поѣздити. А, В. 8. повѣси. А, В. 9. Зересѣ. А.

Л.131, об. 13. его. аше е^с племени¹⁰ иудѣискаго. Мардохай.¹¹
яко почаль еси падати пред ни^м. не можеш оуже¹²
с ним быти. аше пада^я пада/е/ши пред ним.^и

14. Еще глшмъ имъ с нѣм. и се тивуни црѣви присту-
пиша и оуборзиша¹⁴ привести Амона къ питвѣ иже
оустроила бѣше Есфирь.

Гл. VII. И приде црѣ и Амонъ питъ. къ Есфирѣ црѣи.

2. И рече црѣ Есфири и паки в днь ѿ в питии виннѣмъ.¹⁵
что просьбы твоя Есфирии црѣ. и дадим тобѣ. и
что воля твоя и дамъ дажъ и до полуцрѣства моего.
и створим ти волю твою.

3. Отвѣща Есфирь црѣи и реч. аше обряку^{15а} млть пред
очима твоима /црѣи/¹⁶ К. аше црѣви оудобру^{16а}. и
створиши мысль мою в просьбѣ моеи.

4. Иже препродана¹⁷ ѿ быхъ азъ и людие мои раствори-
ти и оубити и погубити. аше бы быхомъ къ рабомъ и
къ рабы/нямъ

Примечания. И. В рукописи после этих слов - начальные слова стиха 14, затем вычеркнутые. К. Слова: аше пада^я падаеши пред ним - отсутствуют во всех списках, кроме нашей рукописи. Однако эта фраза точно соответствует еврейскому подлиннику.

Разночтения. 10. племени. П. 11. Мардохай. П. 12. еще. П. 13. и еще. П. 14. оуборзиша. П. 15. виннѣмъ. П. 15а. обряку А. обрящу. А. 16. црѣи. П. 16а. оудобно. А,В. 17. проповѣдана. А,В.

- Л.132. /рабы/ням препродани. молчала¹⁸ бых не бо^Л не тѣсноты в
дому црѣвѣ.
5. И реч Ахасъвересь¹⁹ црѣ. Есфири црци.²⁰ кто то²⁰ и отку-
ду е^С. иже такое помыслѣ и тако створи.
6. И реч Есфирь црця мужъ вражьбъныи и неприязнивыи²¹ Амонъ
възлюбленѣкъ сы. и абие. Амонъ въстрепета пред црѣмъ и
црцею.
7. И црѣ въставъ съ тнѣво^М от питвы вѣнныя къ ограду²³ днѣ-
шнему. и Амонъ²⁴ ста на дѣи своеи. от Есфири црци и оуви-
дѣ яко скончала ся бѣше злоба от црѣвѣ.²⁵
8. И црѣ вратися от ограда²⁷ днѣшняго²⁶ к дому питвеному.²⁸
и Амонъ припаль бѣше пред постелею Есфириною. и реч црѣ.
право мука црѣцѣна съ мною в дому.^М И выниде²⁹ глѣ из уст
црѣвых и лице Аманови спаде.
9. И рече Харвуна единѣ тѣхъ тивунъ пред црѣмъ право б/ол/яше^Н
дрѣво³⁰ еже створилъ³¹ бѣ сам Амонъ. Мардохеви. иже гла-
ше.

Примечания. Л. Описка во всех рукописях. Вероятно, следует чи-
тать: Бѣ. М. Здесь в рукописи конец абзаца, и следующие слова
начинают собою рубрику. Н. Очевидно, следует читать как в спис-
ке П: бѣше.

Разночтения. 18. мълчала. П. 19. Ахасъверось П,А,В. 20. кто т.
П. 21. и неприязливыи. П. 22. възлюбленикъ сы. П. 23. граду.
А,В. 24. Аманъ. П. 25. от цря. П. 26. днѣшняго. П. 27. От града.
А,В. 28. пивъному. П. 29. выиде. А,В 30. древо. П. 31. сътворилъ.
П.

- Л.132. об 9. добро³² на цря. и стоить в дому Амоновъ. възвы-
ше³³ и локот³⁴ и рече црь повѣсите на нем Амона.
10. и повѣси^{34а} Амона на дрѣвѣ³⁵ иже створилъ быше
Мардохаеви³⁶ и гнѣвъ црь³⁷ потухну.
- Гл. VIII. 1. Въ днь ть вдасть црь³⁸ Ахасъверось Есфири црцѣ³⁹ домъ
Амоновъ⁴⁰ врага иудѣйскаго. и Мардохай приде⁴¹
пред цря⁴². и повѣда ему что быше еи.
2. И сня црь⁴³ перстень⁴⁴ свои. иже⁴⁵ бѣ отъялъ⁴⁶ от Амо-
на. и дасть и Мардохаеви. и постави Есфирь црцѣ⁴⁷
Мардохая⁴⁸ над домом⁴⁹ Амоновомъ.
3. И нача глати Есфирь црцѣ⁵⁰ пред цремъ⁵¹. и паде пред
ногама его. и всплака⁵² молящи его. превратити зло-
бу Амонову⁵³ Агаги и мысль его юже⁵⁴ быше помыслилъ
на иудѣя.
4. И простре црь⁵⁵ Есфирии пруть златъ и оправи⁵⁶ ся
Есфирь. и ста⁵⁷ пред цремъ⁵⁸.
5. И реч аще црѣви оудобрю и обряку⁵⁹ о⁶⁰ млтъ пред
цремъ⁶¹. и добра

Примечания. О. В рукописи. обряку - написано /ш/ по выскоблен-
ному. Очевидно, здесь, как в списке П, читалось: обряку.

Разночтения. 32. добро. П. 33. възвышѣ. П. 34. Лакоть. А, В.
34а. повѣсиша. А, В. 35. древе. П. 36. Мардѣхаеви. П. 37. Амановъ.
П. 38. к црю. А. 39. пѣръстень. П. 41. от'ялъ. А, В. 42. Мардѣхая.
П. 43. домъмъ. П. 44. црѣмъ. П. 45. възплака. П. 46. Аманову.
П. 47. иже. А. 48. обрати. А, В. 49. оста. А. 50. обряцу. А, В.

- Л. 133. буду азъ пред очима его. и да напишетъ⁵³ книги. вратити. мысль Аманову сна Амьдавина⁵² Агаги. иже бѣ написалъ погубити иудѣя. еже по всей⁵¹ власти црѣвѣ.
6. Не бо како могу видѣти злобу. яже приобрѣте люди моя. и како могу видѣти пагубу рода моего.
7. И реч Есфирии црци. и Мардохая⁵⁴ иудѣю. се дом Амоновъ далъ есмь⁵⁵ Есфири, его же повѣсиша на древѣ им же ввергль⁵⁶ бѣше руцѣ свои⁵⁷ во иудѣи.
8. .... П яко же оулюбѣть очима ваю именемъ црѣвомъ⁵⁸ и запечатлѣта⁵⁹ печатью црѣвою любо писменемъ иже писано е^с именемъ црѣвомъ⁵⁸ и запечатано печатью⁶⁰ црѣвою. не можетъ того вратити никто же.
9. И возвани быша писци црви в годину ту въ мѣцъ Г-ии. то е^с мѣцъ Сиванъ рекомыи июнь КГ днѣ написаша яже⁶¹ заповѣдаше Мардохай⁶² къ иудѣомъ и къ велможамъ^в земны^м

Примечания. П. Здесь пропуск во всех списках. По смыслу подлинника должно быть восстановлено: и вы напишите иудѣям.

Разночтения. 51. всѣи. П. 52. Амонови сна Амданина. А, В. 53. да напишутъ. А. 54. Мардѣхай. П. 55. есми. П, А. 56. повергль. П. 57. в июдея. А. июдею. В. 58. црѣвѣмъ. П. 59. запечатлѣте. 60. печатію. П. 61. яко же. П. 62. Мардѣхай. П.

- л. 133. об. 9. иже⁶⁵ от Ододу. дажь и до Хусь^{65 63} Р̃ и К̃ и Э̃
 земля.⁶³ земля и земля. яко писание и⁶⁴ людие и
 людие. яко языкъ ихъ и къ иудѣомъ яко же⁶⁶ писмя
 ихъ⁶⁶. и яко языкъ ихъ.
10. И написаша песменемъ^{67Р} цревомъ⁶⁸ Ахасьвероса. и за-
 печатлѣша печатю цревою. и послаша книги съ при-
 ставы коньники. иже язяху^{69а} на борзыхъ⁷⁰ конихъ.^С
11. Яже дасть црь̃ иудѣомъ. еже ихъ бѣше по всѣмъ гра-
 домъ сбирати и⁷¹ дѣлахъ своихъ растворити. и оуби-
 ти и погубити всю силу людии земля иже бѣша⁷²
 мучили дѣти и жены. и добытки ихъ по располону.
12. Въ днь̃ единъ⁷³ во всѣ̃ земля.⁷³ цря̃ Ахасьвероса
 ГІ̃ днь̃ мѣца ВІ̃ то есть Адаръ рекомыи мартъ.
13. Печат грамотная даніе̃ закона во всѣхъ земляхъ и
 земляхъ. и открытомъ⁷⁵ всѣмъ людемъ⁷⁴ быти и всѣмъ
 людемъ иудѣомъ приготованомъ къ днѣ̃.

Примечания. Р. В рукописи явная описка: песменемъ - вм. писме-
 немъ. В евр. оригинале: именем. С. Здесь во всех списках конец
 абзаца, и далее начинается рубрика, знаменующая переход к новой
 главе.

Разночтения. 63. Р и КЗ земля. П. 64. еи.П. 65-65. От Индѣи
 даже до Кушъ. А,В. 66-66- яко ж ихъ писмя, П,А. 67. письменемъ.
 П. 68. цревъмъ. П. 69. конники. П. 69а. ѣзяху. А. 70. Бърздыхъ.
 П. 71. о. А. 72. бѣше. А,В. 73-73. въ всѣхъ земляхъ. П. 74. До-
 бавлено: иудѣомъ. П. 75. открытымъ А,В.

- л. 134. 13. тому оумьсти⁷⁶ ся от врагъ своих.⁷⁷
14. А погонци⁷⁸ иже ъздяху на коних⁸¹ борзых⁷⁹. внидоша
борзо⁸⁰ въ натъщ⁸² по рѣчи црѣвѣ. и законъ бы^с данъ
в Сусанѣ градѣ.
15. И Мардохай⁸³ выниде от лица црѣва въ свитѣ црѣстѣи.
и въ черви. и въ оутринѣ. вѣнецъ⁸⁴ златъ великъ на
главѣ его. и оушв⁸⁵ шелковъ⁸⁶ лептужнѣ. ⁸⁷ градъ
же Сусанъ оуохвати ся и възвесели ся.
16. Июдѣом бы^с просвѣщение⁸⁸ и веселие.⁹⁰ охвота⁸⁹ и
чть.
17. И всяка земля и земля. и всякъ град и градъ. и мѣс-
то иде же глѣ црѣвѣ и законъ его доидяше. веселие и
охвота июдѣомѣ. пиръ и днѣ добръ. и множество людии
земных живодяху ся. яко оумножилъ ся бѣше страх ию-
дѣиский на них.^т
Гл. IX. 1. В ВІ: мѣцѣ. то естъ Адаръ рекомыи мартъ в ГІ днѣ иде
же аще постигняше⁹¹ глѣ црѣвѣ и законъ его створи-
ти⁹² во тѣ днѣ во нѣ же оуслыша врази июдѣистии⁹³
ими пре/врати/

Примечания. Т. После этих слов в рукописи начинается рубрика и
новый абзац. В списке В: глава Ө /девятая/.

Разночтения. 76. отьмсти ся. П. 77. свои. П. 78. погоньци. П. 79.
бързыхъ. П. 80. бързо. П. 81. на конех. А, В. 82. внатъщ. В.
83. Мардъхай. П. 84. и вѣнецъ. П. 85. оушивъ. А. оушибъ. В. 86.
шълковъ. П. шолковъ В. 87. лептуженъ. 88. просвѣщенъ. П. 89.
охота. А. 90. веселье. П. 91. постигняше. П. 92. створи. А. ию-
деистіе. В.

- Л.134. об. 1. /пре/врати ся то. иже почали бяху врази владѣти
иудѣи.
2. И собираху ся иудѣи по градом своим и по всѣм влас-
тем⁹⁴ цря Ахасъвероса мсти творити на всѣх пра-
зѣх своих. ники же члвкъ не остояше пред ними. яко
възиде⁹⁵ гроза ихъ надъ всѣми людьми.
3. И вся вельможа земныя.⁹⁷ и тиоуни. подстави⁹⁶ и
чиняше дѣло црво. и възношаху⁹⁸ иудѣя. яко. напалъ⁹⁹
бяхе страхъ Мардохеевъ на нихъ.
4. И боляше велии Мардохеи. и хожаше великъ.
5. И оудолѣша иудѣи всѣм врагом своим раною мечевою¹⁰⁰
и сто оубъениемъ. погублениемъ и створиша во всѣх
вразѣх своих волю свою.
6. И в Сусанѣ градѣ погубиша иудѣи ѿ ІУ,1 мужь.^у
7. И поръсанъдасть² Ф. и Далфанъ. и Аспасъ.
8. И порафа. и Арисаи. и Аридаи³. и Ваизаса.
9. І сынов Амоновъ, сна Амѣдавина врага и/иудѣискаго/.

Примечания. У. Вместо знака ѿ /9/, следует читать знак Ф /500/
в соответствии с еврейским текстом. Ф. Имя следует читать: Паръ-
санъдаса - в соответствии с оригиналом.

Разночтения. 94. властьмъ. П. 95. възиде. А. 96. подставиша. П.
97. земленныя. А,В. 98. възношаху. П. 99. Добавл. ибо. П,А,В.
100. мечною. А,В. ІУ,1. Ф мужь. П. 2. Парсанъдас. П. 3. Адалия.
П,А,В.

- Л.135. /ию/дѣискаго оубиша. а въ полонѣ не простроша рукъ своих.^Х
11. И въ днь тѣ прїде число оубиць в Сусанѣ градѣ пред цря.
12. И реч црь Есфирии црци в Сусанѣ градѣ избѣиша иудѣи. и погубиша⁴ ѿ мужъ⁴ и ѿ сынов Амонов повѣсиша на древѣ.⁵ развѣ еже по всеи земля цревѣ. что створиша⁶ и проси ты и дам ти по мысли ты. и еще створим тобѣ.⁷
13. И реч Есфирь. аще црю⁸ то бѣ⁸ оулюбѣет дати пакы заоутра иудѣомъ иже в Сусанѣ градѣ створити яко же законъ днешнии. и ѿ сновъ Амоновъ повѣсиша на древѣ.
14. И реч црь створѣ тако и бы^с данъ законъ в Сусанѣ градѣ и ѿ снвъ Амоновъ повѣсиша.
15. И събраша ся иудѣи. иже в Сусанѣ градѣ пакы в днь ѿд мца Адара рекомаго марта. и оубиша в Сусанѣ градѣ ѿ мужъ и в полонѣ не подѣша¹⁰ рукъ своих.
16. И останокъ⁹ иудѣи иже по землям цря собраще¹¹ ся и стояху покоих своих и оубит

Примечания. Х. Здесь в рукописи конец абзаца, и рубрика, начинающая новую главу.

Разночтения. 4. Ф мужъ. П,А. 5. древе. П. 6. створиши. П. 7. тебѣ А,В. 8-8. Нет. П. 9. останки. П. 10. поведоша. А,В. 11. събраша с. П.

- Л.135 об. 16. кождо нелюбимаго ^О и ^Е¹² и въ полонъ не подѣша
рукъ своих.
17. В днь ^{ГІ} мца Адара говѣху^Ц рекомаго марта. и оупо-
чѣша¹³ ^{ДІ} и твориша днь ^{пІтвенны}¹⁴ и веселныи.¹⁵
18. И иудѣи же¹⁶ въ Сусанѣ градѣ. собираху ся ^{ГІ} и ^{ДІ}
и почиваху ^{ЕІ} и творяху и днь ^{пІтвенны}¹⁷ и весе-
лыи.
19. Того рад иудѣи распрашениці иже сѣдяху по град-
дом распрашени^м.¹⁸ творяше днь ^{ДІ} мца Адара ре-
комаго марта. веселие и питье в днь добръ. и по-
сылающе дары другъ къ другу.
20. И написа Мардохай¹⁹ рѣчь сию. ²⁰ И посла книги по
всѣм иудѣомъ²¹ иже по всѣмъ землямъ цря Ахасъве-
роса близъ и далече.
21. Оуставити имъ. а быша творили днии ^{ДІ} всяку го-
дину и годину.
22. Яко же днь во н²² же почѣша иудѣи от врагъ своих
и мцѣ иже преврати ся им от скорбіи²³ к веселию и
от желанія къ днѣ доброму створити^{23а} а дни ^{пІт-}
венныя²⁴ и веселныи и послати дары кому²⁵ ждо дру-
гу сво/ему/

Примечания. Ц. Во всех списках вставка "рекомаго марта" стоит
после слова "говѣху".

Разночтения. 12. О и Е тысоущъ. А,В. 13. оупочиша. П. получиша.
А. 14. питвѣныи. П. 15. весельныи. П. 16. иже П. 17. питвѣныи.
П. 18. распрашеним. П. распрошеным. А. 19. Мардѣхай. П. 20. Нет
и. П. 21. иудѣемъ. П. 22. въ нь. П. 23. скърби. П. 23а. яди. и
А,В. 24. питвенныя. А,В. 25. къму ждо. П.

Л. 136.22. /сво/ему. и помилование сиротам.

23. и подяша иудѣи яже бѣша почали творити и як бѣша
пѣсаль²⁶ Мардохай к нимъ.
24. Любо Амонъ снѣ Амдафѣинъ Аагаги врагъ всѣх иудѣи иже
помышляше на иудѣи. погубити я.^ч
25. Да егда прихожаше предъ црѣи и с грамотою обрати ся
мысль его злая. иже помыслилъ бѣше на иудѣя. на гла-
ву свою. и повѣшен бы^с съ снѣми на дрѣвѣ.
26. И того рад/и/ прозваша днѣи ты по имени жребѣинѣмъ.
за не яже вся рѣчь сѣи книгамъ симъ. и яже видѣша
того ради еже събы^с ся имъ.
27. И оуставиша. и подяша²⁷ иудѣи на ся и племя свое и
на вся елико их приступаше²⁸ к нимъ. и ннѣ того не
имут преступити яко же сут творяще въ днии сѣи яже
писма их. и яко же година их по вся лѣта и лѣта.
28. И днии сѣи поминающе сут и творяще я въ вся вѣк вѣ-
комъ. родъ и родъ. земля и земля. и всякъ градъ и
градъ и днѣи веселѣи си не минуша николи же от иудѣи
и память не кончае²⁹ ся от чадъ их.
29. И написа Есфирь/.

Примечания. Ч. Здесь пропуск нескольких слов во всех списках.
По смыслу подлинника должно читаться: И как Есфирь пришла к ца-
рю.

Разночтения. 26. написалъ А. 27. Подѣша. А. подъяша. П. 28. пре-
ступити. А,В. 29. не кончае^т от чадъ их. П.

- Л. 136. об. 29. /Е/сфири ^{црѣ} дщи Авихаилова и Мардохаи иудѣи
всю твердь.³⁰ и оуставити кнѣгы веселія сего.
30. Другыя посла книги къ иудѣомъ къ РКЗ землю ^{црѣ}тѣва
Ахасъверосова рѣчи оумиренныя и оувѣренныя.³¹
31. Оуставити дни веселія сего в годы своя яко же
оуставъ ты³² Мардохаи иудѣи и Есфирь ^{црѣ}цѣ. и яко
оуставиша ^{дѣ}ша своя на чада своя. рѣчи говѣнья³³
и вопля³⁴ их.
32. И речение Есфирино оустави гла веселія сего на-
писа в книгах.^{III}
- Гл. X, 1. И възложи Ахасъверосъ данѣ на землю и на остро-
ви морьскыя.
2. И все дѣло тверди его. и мощь³⁵ его и расповѣда-
нїе величья Мардохаева. и иже възвелича его ^{црѣ}цѣ.
и та сут написана в книгах³⁷ грамотных и фарисѣ-
иских.³⁷
3. И яко Мардохаи иудѣи другъ ^{црѣ}цѣ Ахасъвероса³⁶ ве-
ликъ во иудѣих и волникъ множества братья своя
взыска доброты людем своим и проповѣдая миръ
всѣм чадом своим. аминь.

Примечания. III. здесь конец абзаца. Последующие слова в рукопи-
си начинаются рубрикой.

Разночтения. 30. твѣрдь. П. 31. оувѣренныя. П. 32. Нет ты. П.
33. говѣнья. П. 34. вопли. П. 35. мощи П. 36. Добавл. и. П. 37.
грамотных и црѣвь мадѣиских и фарисѣиских. П, А, В.

MONUMENTA LINGVAE RUSSICAE VETUSTAE

REDIGUNT: A. V. KOLESOV ET E. N. TOT

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

РЕДАКТОРЫ: А. В. КОЛЕСОВ И Е. Н. ТОТ

ИЗ ГИМНОГРАФИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО

И. Феринц

Из произведений древнерусской церковной письменности большой популярностью пользовались проповеди и молитвы Кирилла Туровского, крупного мастера церковного торжественного красноречия и поэта XII века. О популярности его сочинений свидетельствует множество списков XIII, XIV, XV, XVI и XVII веков, в которых они дошли до нас. Бережное отношение к творениям Кирилла Туровского явствует из того, что переписываемые в течение нескольких веков тексты Кирилла, как правило, не подвергались существенным изменениям.

Несмотря на высокую оценку мастерства Кирилла Туровского древним биографом /"Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси"/ и на большую известность его произведений среди древнерусских читателей, сведения о его жизни очень скудны. Летописи не упоминают о нем, только в древнерусском Прологе¹ /по списку XV века/ под 28 апреля читаем о нем небольшую запись. По этой записи, Кирилл, сын богатых родителей, родился в Турове², стольном городе Туровского княжества, соседившего с Киевским. Однако, Кирилл рано ушел в монастырь, стал монахом-аскетом и затворился в "столпе", где усиленно предавался книжному чтению и изложению "божественных писаний". Но слава о нем, о его святости и его книжной мудрости распространилась по всей Туровской земле, и туровский князь вместе с народом умолили его принять сан епископа. К этому периоду жизни Кирилла, по житию, относится его литературная деятельность. Он написал обличение на т. н. Феодорца, еретика-епископа владимирского, ряд посланий к князю Андрею Боголюбскому, писал "Слова" на "господские" праздники, молитвы и похвалы святым и сложил великий канон о покаянии. К этому

¹ Текст жития К. Т. издан в "Рукописях графа А. С. Уварова", т. второй, Памятники словесности. Санктпетербург, 1858, стр. 1-2.

² По определению К. Ф. Какайдовича под Туровом следует разуметь не Туров полоцкий, а Туров пинский, лежащий на Припяти. "Памятники русской словесности XII века", М., 1921, стр. IV-VII.

"Пролог" добавляет, что Кирилл и "иное множайшее" написал и предал церкви.

Почти все произведения Кирилла Туровского, перечисленные в проложном житии, дошли до нас, за исключением посланий к князю Андрею Боголюбскому. Однако, они были открыты для науки только К. Ф. Калайдовичем, издавшим в 1821 г. "Памятники словесности XII века", среди которых было напечатано 15 сочинений Кирилла Туровского.

Уже К. Ф. Калайдович отмечает, что творческое наследие Кирилла Туровского составляют не только публикуемые им сочинения, но и его молитвы, которые Калайдович знал в рукописях и некоторых старопечатных изданиях XVI-XVII веков. Однако, он не включил их в собрание сочинений Кирилла Туровского, потому что эти молитвы в известном ему списке XVI в. "при искажении древнего языка совершенно уклоняются по своему содержанию от цели"³ его издания.

Лучший знаток и издатель литературного наследия Кирилла Туровского /за исключением гимнографии/, профессор И. П. Еремин в своем археографическом обзоре сочинений Кирилла останавливается и на его гимнографическом наследии, указывая, что "литературное наследие Кирилла Туровского как гимнографа распадается на две основные группы: одну составляют его молитвы, другую - "канон молебен" и канон на "успение преподобныя княгини Ольги, бабы Владимира".⁴

Рассмотрев существующие издания молитв Кирилла Туровского, И. П. Еремин пришел к следующим выводам: во-первых, "вся научная литература о Кирилле - авторе молитв и канонов исчерпывается, строго говоря, предисловием, предпосланным редакцией "Православного собеседника" к изданию его молитв, и это предисловие сохраняет свою научную ценность и в наше время"⁵. Во-вторых, чтобы разобраться в сложном комплексе вопросов, связанных с гимнографическим наследием

---

³ Памятники российской словесности XII века. М., 1821, стр. XXX-XXXI.

⁴ И. П. Еремин, Литературное наследие Кирилла Туровского. - ТОДРЛ, т. XI, М.-Л., 1955, стр. 362.

⁵ ТОДРЛ, т. XI, стр. 364-66.

Кирилла, необходимо систематическое изучение всего дошедшего до нас рукописного материала, относящегося к молитвам Кирилла. В-третьих, отсутствие издания так называемого Ярославского пергаменного сборника второй половины XIII века уже давно препятствует изучению гимнографического наследия Кирилла. В этом сборнике содержится, наряду с другими молитвами, восемнадцать молитв Кирилла Туровского. Правда, все восемнадцать молитв Кирилла, содержащихся в Ярославском сборнике, известны и по изданию "Православного собеседника"⁶. Однако в Ярославском сборнике молитвы читаются в более древнем тексте.

Из этих заключений И. П. Еремина следует, что публикация и многостороннее изучение рукописного материала, относящегося к гимнографическому творчеству Кирилла Туровского, являются предпосылкой комплексного изучения его творческого искусства.

Но изучение его творческого наследия, в том числе и гимнографического, представляет немалый интерес для нас и по другим причинам. Во-первых, древнейшие русские рукописи, сохранившие для нас произведения Кирилла Туровского, являются важным источником сведений о языке минувших веков. Созданные непосредственно на русской почве сочинения позволяют судить о проповедническом и литургическом стилях русского литературного языка древнейшей поры⁷. Тщательное изучение и описание этих стилей древнерусского языка необходимо для выявления и убедительного показа своеобразия, а также взаимодействия разных стилей литературного языка древнейшей поры. Во-вторых, изучая языковые и стилевые особенности произведений, относящихся к жанру торжественного красноречия и к жанрам церковно-богослужебным, мы приобретаем сведения об исторических судьбах определенных жанров письменности Древней Руси, формирование и совершенствование которых

---

⁶ Молитвы на всю седмицу св. Кирилла, епископа Туровского. Православный собеседник, Казань, 1857. /Большая часть текстов напечатана по рукописному сборнику XV-XVI вв./

⁷ О стилях и типах литературного языка эпохи Киевской Руси см. А. И. Ефимов, История русского литературного языка, изд. 3, исправленное. М., 1971, стр. 31-47. В. А. Ларин, Лекции по истории русского литературного языка /X - середина XVIII в./. М., 1975, стр. 24-218.

во многих отношениях пока недостаточно изучены. Впрочем молитвы и гимны занимают важное место в средневековой системе литературных жанров. В этой системе, как пишет академик Д. С. Лихачев, "жанры не равноправны и не однородны, а составляют иерархическую систему"⁸. Если вершину этой пирамиды литературных жанров составляет Священное писание, то молитвы и гимны занимают уровень "подножия" Библии, т.е. они находятся в зависимости от текстов Священного писания и покоятся на богословии. Иными словами, гимнография в создававшейся системе средневековых жанров занимает место между Священным писанием и богословием⁹. И это место гимнографии в системе жанров определяет многие особенности лексики, стиля и тональности изучаемых произведений. В-третьих, эти произведения позволяют судить о характере начитанности, образованности, а также о миропонимании и художественном мастерстве Кирилла Туровского. Ведь нам пока еще неизвестно, какие рукописи библейских текстов знал и использовал Кирилл Туровский. В связи с этим нет у нас и достаточно четкого представления о характере его творческой манеры. Создавал ли Кирилл свои гимнографические произведения тщательно продумывая их структуры, как это он делал в своих "Словах"¹⁰, или писал непринужденно и свободно, непосредственно изливая свои чувства? Наконец, как убедительно показывает Д. С. Лихачев¹¹, проповеди и молитвы Кирилла Туровского вместе с другими церковными жанрами способствовали развитию богатства византийской духовной культуры в славянской среде и служили общению славянских литератур и обмену сюжетами, мотивами и литературными приемами.

Вот таковы некоторые из соображений, приведших нас к выводу о важности публикации и изучения гимнографического наследия Кирилла Туровского.

---

⁸ Д. С. Лихачев, Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, стр. 45. Его же, Развитие русской литературы X-XII веков. Л., 1973, стр. 49-62.

⁹ Г. М. Прохоров, К истории литургической поэзии: гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. ТОДРЛ, XXVII, Л., 1972, стр. 120-149.

¹⁰ И. П. Еремин, Ораторское искусство Кирилла Туровского в кн. Литература Древней Руси. М.-Л., 1966, стр. 132-144.

¹¹ Д. С. Лихачев, Развитие русской литературы X-XII веков, Л., 1973, стр. 23-35.

Мы публикуем отрывок "Молитвы в пяток по вечерни" по списку XIII в. /ГИМ, собр. Барсова, № 347/ и полный текст этой же молитвы по изданию Евгения, епископа Минского и Туровского /Киев, 1880/.

О рукописи собрания Барсова, № 347 в "Описании пергаментных рукописей Государственного исторического музея" читаем: "Молитва Кирилла, еп. туровского /отрывок/ XIII в., в I^о /27 x 19,6/, крупный русский устав, л. I. заголовок: "Молитва въ пяток по вечерни того же Кюрила" - киноварно. Начальный киноварный инициал "В" подобен инициалам Юрьевского евангелия XII в."¹². На обложке находится запись, рукой акад. М. Н. Сперанского 1912 г. ... "Лист вырван из рукописи"¹³, ныне принадлежащей Ярославскому Спасо-Преображенскому монастырю /молитвослов - чиновник/, № 5, в большой I^о. Вырван из рукописи до 1854 г. Место листа - между лл. 200-201, по помете 1854 г."

Из издания Евгения¹⁴ /в нем 30 молитв/ мы публикуем полный текст указанной молитвы в славянском тексте. В основу славянского текста молитв в этом издании была положена старинная книжка, доставленная Евгением. Это была книжка малого формата in 8^о, без выходного листа, и сама составляла некогда часть другой, большей книги. Таким образом славянский текст дается в издании Евгения в основном не по вышеупомянутому изданию Православного собеседника: Тексты Православного собеседника были привлечены издателями только в тех случаях,

¹² М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Л. М. Костюхина, В. С. Голышенко, Описание пергаментных рукописей Государственного исторического музея. ч. I, Русские рукописи, Археографический ежегодник за 1964 г. М., 1965, стр. 163.

¹³ И. П. Еремин пишет /ТОДРЛ, т. XI, М.-Л., 1955, стр. 365./, что эта "рукопись раньше принадлежала библиотеке бывш. Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле, № 5-5, теперь - Московского Гос. исторического музея". Однако, в "Словаре древнерусского языка XI-XIV вв." /Изд. "Наука", М., 1966, стр. 165./ мы читаем "Сборник Спас-Преображенского монастыря, № 5, Ярославский областной краеведческий музей, Л., 1-200 /л. 200 хранится в ГИМ, Барс., № 347/."

¹⁴ Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского /издание Евгения, епископа Минского и Туровского/. Киев, 1880. стр. ХСVII-CII, сама молитва на стр. 214-216. /Молитвы в этом издании публикуются в оригинале и в переводе на современный русский язык, а остальные произведения Кирилла - только в переводе/.

когда соответствующих молитв не оказалось в вышеупомянутой старопечатной книжке. К числу этих молитв относится и публикуемая нами молитва.

Сравнение двух текстов не показывает существенных различий между ними. Некоторые различия обнаруживаются в употреблении букв для обозначения определенных фонем /напр. в издании Евгения для обозначения звука 'а употребляется юс малый, а иотированное пишется только в союзе юко, юкоже/. В двух местах в тексте молитвы по изданию Евгения наблюдается замена ч буквой ц /кончинѣ - концѣни, Коньчати - сконцати/. Только в одном случае можно встретить смыслоразличительные формы /благоизволи - благоволивѣ/. Однако принимая во внимание весь текст молитвы легко определить форму, соответствующую контексту. Вся молитва выражает горячую просьбу, мольбу и поэтому в ней преобладают императивные формы глагола, что, помимо прочего, свидетельствует в пользу формы "благоизволи".

Как уже было отмечено выше, место, занимаемое гимнографией в системе жанров Киевской Руси, во многом определяет содержание, тональность, лексические особенности и стиль этих произведений. Адресаты этих произведений тоже совершенно иные, чем в проповедях и вообще в церковной прозе. Если последние, разного рода "слова", гомилии и т. п. всегда адресованы к современникам, к людям, то молитвы, гимны обращены преимущественно к богу, к богородице или к святым. Публикуемая нами "Молитва" не представляет исключения: она обращена к богу и содержит обязательные для этого жанра элементы самоуничижения, раскаяния, мольбу о милости, о пощаде, которые разумеется, могут повторяться и в других его молитвах. Однако, сам факт, что "молитвы Кирилла Туровского - вариации одной и той же темы - просьбы о прощении грехов, о помощи против "беса стужающего"¹⁵..., по нашему мнению, никак не должен снижать их художественного значения, ведь и в древнерусской иконописи повторялись темы, к тому же в строго заданных рамках, но благодаря таланту и мастерству художников, иконы поражают нас своей красотой и мы высоко ценим искусство древних художников.

---

¹⁵ История русской литературы. т. I, Изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1941, стр. 362.

Грамматическим выражением обращения являются звательные формы, которыми изобилует начало молитвы, ибо при обращении к богу особенно важно, чтобы оно оказалось эффективным и чтобы в нем выразилась покорность и ничтожность молящегося перед величием бога. Не случайно поэтому, что Кирилл начинает свое обращение с самого торжественного слова "Владыко господи вседержителю", а дальнейшие обращения как бы объясняют, конкретизируют эту "вседержительность". Но может подчеркиваться в обращении и какое-либо выдвигаемое качество бога /"милостиве", "спасителя"/.

После обращения звательные формы уступают место императивным глагольным формам, выражающим просьбу или мольбу, обращающегося к богу. За просьбами и мольбами вырисовывается жизнепонимание религиозно настроенного человека того времени. Этому человеку жизнь кажется "житейской пучиной" и грехи волнами хотят потопить его. Именно поэтому он обращается к богу с просьбой: "превести" его через эту пучину и не оставить его "растлеть в беззакониях", т.е. грехах¹⁶, ибо, как можно видеть из второй части молитвы "грех творит тлю", тление. Эта молитва Кирилла Туровского должна была читаться в пятницу, по вечерни и, видимо, поэтому подчеркивается в ней возрастающая с наступлением ночи опасная сила грехов. Ощущение, будто человек ночью бывает "обят бесовским мечтанием и покрываем тьмою греховною", питается образами Библии¹⁷, оно усиливается и конкретизируется в молитве существительными, выступающими в Библии синонимами греха и зла. Источником зла, врагом человека в молитве выступает дьявол, а бог как "всякаго добра податель": изобилующий благами "рабам своим". Как же изображается человек в борьбе добра и зла?

---

¹⁶ Беззаконие = грех см. "Ибо законом познается грех" Посл. к рим. 3, 20 "Ты бог, не любящий беззакония" Псал. 5, 5, а также "Ты ненавидишь всех, делающих беззаконие". Псал. 5, 6.

¹⁷ "Приурочение метафор свет - тьма к религиозным представлениям перенесено в русскую литературу в готовом виде из памятников переводной библейско-византийской литературы. Уже в книгах Ветхого завета противопоставление истинной веры безбожию выражается с помощью представления их в виде света и тьмы... Наибольшее развитие метафоры свет - тьма получили в Евангелии Иоанна". В. П. Адрианова-Перетц, Очерки поэтического стиля Древней Руси, М.-Л., 1947, стр. 40.

Человек окружен на земле разными силами, проявлениями зла, и один - без помощи бога - не способен избавиться от него. Но это не значит, что человек обречен на полную пассивность, что он изображается бес- сильной игрушкой¹⁸. Напротив, молитва внушает, что человек сам должен хотеть добра, стремиться к нему и просить для этого помощи бога /възови мѧ и избавлю тѧ/. В молитве содержатся даже критерии, предпосылки достижения добра, как напр., смирение, стремление к божьим заповедям, уклонение от бесполезных мыслей, душевное умиление, покаяние и пр. Только располагая всеми этими христианскими добро- делителями, человек, "тяжко уязвленный греховым жалом", может уповать на "исцеление". Заимствуя метафорически-символические строки из псалмов /"яко пришлец есмь аз: якоже и всѣ отци мои /39, 13/: се бо яко трава заутра процвѣтох и на вечер отпаду и исохну 37, 2;/ мо- литва напоминает человеку о бренности и тленности человеческой жиз- ни, а также о своевременном покаянии. Таким же образом, цитатами из псалмов выражается, что и сам бог также заинтересован в покаянии и помиловании человека, ибо "не мертвые восхвалят тебя, в адѣ же кто прославит тебя?" /30, 10/.

В последнем обращении к богу выдвигаются важные моменты искуп- ления грехов человеческих Иисусом Христом, а именно, что оно одина- ково распространилось на все народы¹⁹ и племена, и что верующим в него, Христос даровал жизнь вечную. Стать "причастником" этой вечной жизни - важнейшее стремление верующих. Не случайно поэтому, что Кирилл Туровский в завершающей части своей молитвы стремится дать подробнейшее, притом торжественное и возвышенное описание не- бесного царства. Сначала перечисляются его синонимичные наименова- ния, взятые из Священного писания, затем по принципу контраста зем- ной и вечной жизни и с помощью стилистической симметрии²⁰ характери-

18. Der Mensch wird hier als völlig kraftloses Spielzeug der Sünde und des Verführers geschildert"; Dmitrij Tshizewskij, Russische Geistesgeschichte. Zweite, erweiterte Auflage, München, 1974, S. 59.

19 Этот же всеобщий характер христианского вероучения служил важным религиозным и политическим доводом для обоснования самобытности молодой русской церкви, а также и государства против притязаний Византии в "Слове о законе и благодати" Илариона.

20 О стилистической симметрии см. Д. С. Лихачев, Поэтика древне- русской литературы. Л., 1967, стр. 168-175.

зуется небесное царство как место где "нет болезни, ни печали, ни воздыхания, ни дьявола, на зло подвизающа, ни греха тлю творящего, но радость неисповедима и веселие неизреченное". В последних строках, когда перечисляется населяющее небеса множество праведников, пророков и т.д. лишний раз можем убедиться в богатстве синонимических возможностей церковно-богослужебных стилей древнерусского литературного языка, ведь Кирилл Туровский к слову "множество" приводит здесь девять синонимов, благодаря которым картина небесного царства становится более рельефной, выразительной. Если же учесть, что речь идет о предмете блаженства христиан, то торжественность, создаваемая скоплением синонимов, становится приемлемой и не кажется противоречащей покаянному тону молитвы²¹.

---

²¹ "Все они /молитвы/ уснащены евангельскими образами, изложены языком несколько изысканным, мало согласующимся с миренно покаянным настроением". История русской литературы. т. I, Изд. Академии наук СССР, М.-Л., 1941, стр. 362.

М[о]л[и]тва въ пѣтѣ¹ по вечерни того же Кюрила^x

/ГИМ, собр. Барсова, № 347./

Вл[а]д[ы]ко г[оспод]и вседержи
 телю, б[о]ж[е] ѿ[те]ць² наши
 хъ, вѣкомъ³ творъ
 че⁴ и коньчинъ⁵ свѣ
 дѣтелю⁶, ищитамъ⁷
 лѣта и времена и
 зѣмьрѣ⁸ живоу
 щимъ⁹ на земли жи
 вотоу¹⁰ иже¹¹ и см[е]рти
 имѣ¹² власти! Не ѿ
 стави ме г[оспод]и ѿтину
 дь¹³ растьлѣти¹⁴ въ бе
 законныхъ¹⁵, ни гнѣ

ва, достойна проти
 воу¹⁶ дѣломъ моимъ,
 послѣ¹⁷ на мѣ, нъ¹⁸ оу
 слыши гла(с)¹⁹ м[о]л[и]твы
 моея²⁰ бл[а]гоизволи²¹
 превести мѣ жити
 искоую²² поучиноу²³
 мнозѣми вольна
 ми²⁴ грѣховнами²⁵
 погрядноути²⁶ хотя
 щаго, иже и сего дне
 долготу²⁷ сподо
 билъ мѣ²⁸ кси конь
 чати²⁹ и к началу³⁰
 ноши приблизити
 сѣ³¹ кси³² же не начаю
 сѣ³³ прѣйти³⁴ бѣсовъ
 скымъ³⁵ ѿбыть³⁶ ме
 чьтани³⁷ мѣ и тмо³⁸

^x Текст публикуемой рукописи разделяется на слова. В начале фраз вводятся прописные буквы. Титла раскрываются и подтительные части слов вставляются в квадратных скобках. Выносные буквы вносятся в строку в круглых скобках. Цифрами перенумерованы варианты по изданию Евгения, причем учитываются все нетождественные написания.
 1/пѣтокъ 2/отець 3/вѣкомъ 4/творче 5/коньчини 6/свѣдѣтелю 7/исчитаю 8/измѣрѣю 9/живущимъ 10/животу 11/же и 12/имѣю 13/отниудь 14/растьлѣти 15/въ беззаконныхъ 16/противу 17/не послѣ 18/но 19/гласъ 20/моею 21/Благоволивъ 22/житейскую 23/пучину 24/волнами 25/грѣховными 26/погряднути 27/долготу 28/нет 29/сконцати 30/началу 31/приблизитисѣ 32/еже 33/не чаю 34/прейти 35/бѣсовскимъ 36/обѣть 37/мечтаниемъ 38/тмоу

Молитва

въ пѣтокъ по вечерни Кирилла Туровского

/По изданию Евгения/^х

Стр. 214. Вл[а](д)[ы] ко г[оспо]ди вседержителю, б[о] же о[те]ць
нашихъ, вѣкѡмъ / творче и концѣни свѣдителю, исчитаѣ лѣта и
вре/мена избѣраѣ, живущимъ на земли животу же и/ смерти имѣѣ
власть! Не ѡстави мене, г[оспо]ди, о(т)инудѣ/ растлѣти въ без-
законїихъ, ни гнѣва, противудѣломъ/ достойна, не посли на мѣ,
но услыши гласъ м[о] л[и] твы/ моеѣ. Бл[а]говолить превести мѣ
житейскую пучину мно/зѣми волнами грѣховными погразнути хотѣ-
щаго/, иже и сего дне долготу сподобилъ еси сконцати и къ/ началу
нощи приблизитисѣ, еѣже не чаю преити бѣсовскимъ обѣтъ мечтанїемъ
и тмоу грѣховноу/ покрываемъ, въ нюже спаси мѣ ѡ(т) всѣаго со-
вѣта вра/жїѣ и всѣахъ скорби и напасти, нужа и печали и сквер/ -
ныхъ мыслей, ꙗже безпрестани стужають ѡкааннѣи/ ми д[у]ши. Ты бо
еси б[о]гъ мой и всѣаго добра по/датель, и преже прошенїѣ даѣ,
изѡбилова рабомъ сво/имъ благаа, помѣни смиренїе мое и ѡ(т) верзи
оустѣѣ/ мои на славословіе твое и прїими вечернюю сію м[о] л[и] тву/
и дайже невозбранно ми теши к заповѣдемъ тво/имъ, не вотще трудитисѣ
маловѣрїѣ моего ради./ Ты бо рече: възови мѣ и избавлю тѣ: избави
мѣ,/ г[оспо]ди, ѡ(т) всѣахъ козни дѣавола и управи животъ мой./
Се бо со страхомъ предстою ти, на множество щед/ротъ твоихъ взираю
выну и оумиленїемъ д[у]ша припа/даю: ѡ(т) неполезныхъ мыслей оукло-
ни з[е]р(д)це мое и оумь/ мой къ тебѣ впери: дайждѣ ми, г[оспо]ди,
ѡ(т) н[ы]нѣ время по/каанїѣ, ꙗко пришелецъ есмь азъ, ꙗкоже и всѣ
о[т]ци/мои: себо ꙗко трава заутра процѣтохъ и на вечерь//

Стр. 216. ѡ(т) паду и исхну. Исцѣли мѣ, милостиве, злѣ оудз/
веннаго грѣховнымъ жаломъ, преже даже не ѡ(т) иду и/къ тому не
буду: ꙗко не мертвїи въсхвалѣтъ тѣ,/ въ адѣ же кто исповѣсть ти
сѣ; Ея вл[а](д)[ы] ко, сп[а]с(и)тел[е] д[у]шь/ нашихъ, даровавый намъ
надежду въскресенїѣ вѣрующимъ тѣ, покой д[у]шѣ рабъ своихъ о[те]ць
и братїю на/шу... и всѣаго племени хрїстіаньскаго роду,/ мужеска

^х Концы строк отмечаются одной чертой, концы страниц - двумя.

полу и женска, и всѣхъ елико въ тѣ вѣрѣваша ѿи[су]са Хр[ис]та,
с[ы]на б[о]ж[і]а . Ты бо рече: вѣруѣи въ мѣ/ не оумреть, но имать
животъ вѣчный, его же и мене/ причастника сътвори въ земли кроткихъ,
въ селехъ/ с[вѣ]тыхъ, въ неразрѣшимыхъ храмахъ, въ горнемъ ѿеру[сали]мѣ,
въ немерцающемъ свѣтѣ и нестарѣющемъ блаженномъ ономъ вѣцѣ,
въ бесконечнѣй жизни, идѣже/ нѣсть болѣзни, ни печали, ни въздыханіа,
ни дѣвола на зло подвизающа, ни грѣха тлю творѣщаго,/ но радость
неисповѣдима и веселіе неизреченное, и пра/ведникъ множество,
пр(о)рокъ чиновъ, апостоль ликове,/ м[у]ч[е]никъ полци, страсто-
терпецъ хоругви, с[вѣ]титель събо/ри, пр[е]п[о]д[о]бныхъ толпы,
п[у]стынникъ совокупленіе и свѣ/тыхъ женъ крѣпкод[у]шїе и с[вѣ]тыхъ
покоище ѿц[ей] вѣка/ оугодившихъ тебѣ, единому истинном[у] б[о]гу
нашему,/ ѿц[ю] и с[ы]ну и с[вѣ]тому д[у]х[у] и н[ы]нѣ и присно , и во
вѣки вѣкомъ . Аминь .

МОЛИТВА

къ пѣтѣхъ по вѣчѣни.

Вѣко Гдѣ Вседержителю, Бже Оцѣ нашихъ, вѣнчавъ
творче и кончѣни свидѣтелю, нечѣтаа дѣла и вѣ-
мена измѣраа, живущимъ на землѣ животъ же и
смерти имѣа власть! Не остави мени Гдѣ, шнѣды
распачѣти въ беззаконїихъ, ни гнѣва, прочнѣвъ дѣломъ
достойна, не послѣ на ма, но оуслыши гласъ мѣтѣи
моеа. Бѣговоливъ прекрѣсти ма житїйскѣмъ оучинѣмъ мѣ-
стѣмъ волнами грѣховными погражденъти хотѣшаго,
иже и сего дне долготѣ подобнаѣ еси скончати и къ
началѣ пощѣ приблизитисѣ, бже не чѣмъ прѣстѣи бѣ-
совскимъ обѣтѣ мечтаниѣмъ и тѣмъ грѣховномъ
покрываемъ, въ нѣже сплѣн ма ѡ всякаго советѣ вра-
жѣи и всякѣи скорби и напасти, нѣжа и печали и скор-
ныхъ мыслей, иже безпрѣстѣи стѣжѣютъ ѡкланнѣи
ми душѣ. Ты бо еси бгъ мой и всякаго добра по-
датель, и прѣже прошѣнїа дѣла, изшѣнлова работѣ сво-
имъ благоа, помани смиренїе мое и ѡтверди оушнѣ
мой на словолюкїе Твое и прїими вѣчѣннѣю сѣю мѣтѣвъ
и дѣиже небожѣанно ми грѣши къ заповѣдѣмъ Тво-
имъ, не вѣщѣи трѣбнѣтисѣ малокѣрїа моего раднѣ.
Ты бо рече: вѣздови ма и избавлю тѣа: избави ма,
Гдѣ, ѡ всякѣи ногѣи дѣвола и оуправн живѣотѣ мой.
Се бо го страхомъ предстою Ти, на множество шѣд-
ротѣ Твоихъ кѣнраю вынѣ и оумнѣнїемъ душѣ припа-
данѣ: ѡ неполадныхъ мыслей оуклоннѣи грѣе мой и оумѣ
мой къ Тебѣ впернѣ: дѣиже ми, Гдѣ, шнѣи брѣма по-
кланїа, иже пришлоуъ есмѣ азъ, ижеже и вѣсѣ Оцѣ
мой: иже иже тѣла забѣра процѣтѣхъ и на вѣчѣи

ШПАДЪ И НІЗХНД. ИЩЕЛИ МА, ИМЛОУЩИИ, ВАЖЕ ОУАД,
ВІННАГО ГРѢХОВНЫМЪ ЖАЛОМЪ, ПРІЖЕ ДАЖЕ НЕ ШНАДЪ И
КЪ ТОМУ НЕ БУДЪ: ЯКШ НЕ МЕРТЕІН ВЪХУЛАМА ТА,
КЪ АДѢ ЖЕ КТО ИСПОВѢТЬ ТИ СЯ; ЪИ ВАКО, ОПСЕ ДШ
НАШНХЪ, ДАРОКАВЫИ НАМЪ НАДѢЖЪ ВЪСКРЕСІІА ВЪРЮ-
ЩИМЪ ТА, ПОКОИ ДШ РДВЪ СВОИХЪ ОЦЪ И БРАТІИ НА-
ШИ (ИМКА) И ВІАКАГО ПЛЕМІНИ ХРІСТІАНСКАГО РОДЪ,
МЪЖСКА ПОЛЪ И ЖІНСКА, И ВСѢХЪ СЛІНО КЪ ТА ВЪРО-
ВАША ІІСА ХРТА, СНА БЖІА. ТЫ КО РЕЧЕ: ВЪРЮАИ КЪ МА
НЕ ОУМРѢТЬ, НО ІМАТЬ ЖИВОТЪ ВѢЧНАИ, ЕГО ЖЕ И МЕНЕ
ПРИЧАСТНИКА СЪТВОРИ КЪ ЗЕМЛИ КРОТКЫХЪ, КЪ СЛБХЪ
СТАХЪ, КЪ НЕРАДОРИМЫХЪ ХРАМЕХЪ, КЪ ГОРНЕМЪ ІЕРУСА-
ЛИМЪ, КЪ НЕМЕРЧАЮЩЕМЪ СВѢТѢ И НЕСТАЛОУЩЕМЪ СЛА-
ЖІННОМЪ ОНОМЪ ВѢЦѢ, КЪ БЕСКОНЕЧНѢИ ЖІЗНИ, НАДѢЖЕ
НѢСТЬ БОЛѢЗНИ, НИ ПЕЧАЛИ, НИ ВЪЗДАХАНІА, НИ ДА-
КОЛА НА ВЛО ПОДВИДАЮША, НИ ГРѢХА ТЛО ТВОРАЩАГО,
НО РАДОСТЬ НЕНПОВѢДИМА И ВЕСЕЛІЕ НЕИЗРЕЧЕНОЕ, И ПРА-
ВЕДНИКЪ МНОЖЕСТВО, ПРЮКЪ ЧІНОКЕ, АПОСТОЛЪ АНКОЕ,
МЧНИКЪ ПОЛЦИ, СТРАСТОТЕРПЕЦА ХОРОБКИ, СТИТЕЛЪ СЪКО-
РИ, ПЕПЕНАХЪ ТОЛПЫ, ПЪСТЫННИКЪ ГОВООКЪПАНІЕ И СКА-
ТАХЪ ЖІЗНЪ КРѢПКОД, СЕ, И ИГІІХЪ ПОКОИЩЕ Ш ВѢКА
ОУГОДИВШИХЪ ТЕБѢ, СДІННОМЪ ИСТИННОМЪ БГЪ НАШЕМЪ,
ОЦЪ И СНЪ И СТОМУ ДХЪ И ННѢ И ПРИНШ, И КО КѢ-
КЫ ВѢКШМЪ. АМІНЬ.

MONUMENTA LINGUAE RUSSICAE VETUSTAE

REDIGENTIA, V. KOLISOV ET E. H. TOTI

ПАМЯТНИКИ ДРЕВНЕРУССКОГО ЯЗЫКА

РЕДАКТОРЫ: В. В. КОЛИСОВ И Е. Х. ТОТ

ТУРОВСКИЕ ЛИСТКИ

И. Х. Тот, Э. Хоргоши, Г. Хорват

Введение
/Г. Хорват/

Туровские Листки /ТЛ/ - отрывок евангельских чтений, хранятся в Центральной библиотеке АН Литовской ССР в Вильнюсе /Ф. 19, № 1/. Рукопись состоит из 10-и пергаменных листов. Свое название она получила по месту открытия в Турове, бывшей Минской губернии. О том, что рукопись еще в начале XVI века принадлежала туровской Преображенской церкви, свидетельствуют две записи /1508 и 1513 гг./ князя Константина Ивановича Острожского, написанные, на листах 26 и 66. Как и когда появилась эта книга в Турове, нам пока неизвестно. По мнению И. И. Срезневского, судя по двум записям, она могла быть в Преображенской церкви и ранее, могла быть и вкладом самого князя Острожского в 1508 году. Так как ТЛ ранее не упоминаются в источниках, и нет сведений о дальнейшей их судьбе, этот вопрос пока остается нерешенным.

ТЛ открыты в 1865 году Н. И. Соколовым во время археологической поездки, которая была осуществлена по инициативе бывшего попечителя Виленского Учебного Округа И. П. Корнилова. Предположение И. П. Корнилова об исключительной древности рукописи было подтверждено высказыванием И. И. Срезневского. "Что книга была писана в XI веке - пишет И. И. Срезневский в своей статье, в которой впервые сообщает сведения о ТЛ - доказывается и рисунком букв и правописанием"¹. В этой статье И. И. Срезневского впервые напечатаны отрывки из ТЛ - листы 8 и 10.

ТЛ издавались не раз. В 1868 году рукопись была литографирована в Петербурге в литографии Бермелеева.²

¹ Срезневский, И. И.: Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках. т. 1. /XXXIII/. Или: Записки АН. т. XI. /1867/, кн. 1. стр. 30-33.

² Туровское Евангелие одиннадцатого века. Изд. Виленского Учебного Округа, СПб., 1868.

В этом издании перепуталась пагинация листов. Правильный порядок листов восстановлен П.А. Гильтебрандтом во втором, замечательном издании ТЛ.³ Следующее, хотя и не совсем точное, но самое ценное издание ТЛ с параллельными местами и очень существенными высказываниями, касающимися особенностей палеографии, графики и орфографии памятника, осуществлено И.И. Срезневским в 1876 году⁴.

Кроме вышеуказанных полных изданий памятника, приводим список тех известных нам хрестоматий, сборников, которые содержат отрывки из текста или снимки нескольких листов из ТЛ:

1. Абрамовичус, А.: Собрание рукописей. Краткое обозрение рукописных фондов XI-XX вв. Центральной библиотеки АН Литовской ССР. Вильнюс, 1963, стр. 59-60. /1 снимок/
2. Vondrák, W.: Kirchenslavische Chrestomathie. Göttingen, 1910, стр. 136-176.
3. Halm, J.: Staroslavenska Čitanka. Zagreb, 1960, стр. 44-46.
4. Каринский, Н.Н.: Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Ленинград, 1925, табл. 27.
5. Он же: Хрестоматия по древнецерковнославянскому и русскому языкам. ч. 1, СПб., 1904, стр. 114-118.
6. Огієнко, Иван: Історія церковно-словянської мови. т.5., Варшава, 1929, стр. 356-357.
/снимки лл. 5а, 7а/
7. Полевой П.Н.: История русской словесности. СПб., 1900, стр. 42. /хорошая фотография/
8. Срезневский, И.И.: Сведения и заметки... т.1., СПб., 1867, №XXXIII. или: Записки АН 1867. т.XI.
/напечатан текст 3 и 10 лл./
9. Он же: Древние славянские памятники юсового письма. СПб., 1868, стр. 168-172.
/напечатан текст 5-10 лл./

---

³ Гильтебрандт, П.А.: Туровское Евангелие одиннадцатого века. Вильна, 1869.

⁴ Срезневский, И.И.: Сведения и заметки о неизвестных и малоизвестных памятниках, т.II. СПб., 1876, стр. 103-136.

10. Ягич, В.: Образцы языка церковнославянского по древнейшим памятникам глаголической и кирилловской письменности. СПб., 1882, стр. 73-76.

И.И. Срезневский, П.А. Гильтебрандт, И. Огіенко дают краткие, но очень существенные сведения о палеографических и графико-орфографических свойствах памятника. Сущность их высказываний заключается в следующем:

1/ На основании палеографических и графико-орфографических особенностей определяется время написания ТЛ. И.И. Срезневский относит ТЛ к XI веку. Им же дается краткое палеографическое описание рукописи и характеристика правописания текста, причем почерк и орфография ТЛ сравниваются с другими памятниками XI в. Указывается на сходство рисунка букв ТЛ и ОЕ и на различия между ними, причем определяются некоторые близкие друг к другу орфографические приемы писца ТЛ и писцов Изборников 1073 и 1076 гг. и Служебных Миней 1096-1097 гг. На основе сравнения ТЛ с ОЕ и другими более поздними датированными памятниками XI в. высказывание И.И. Срезневского о том, "что ТЛ вообще моложе ОЕ и старше Миней 1096 и 1097 гг."⁵, в основном признается справедливым и другими исследователями⁶, и может считаться основоположным и для современных исследователей рукописи.

2/ Исследователями ТЛ высказывается, что текст написан одним писцом. Однако Иван Огіенко высказывает свое мнение о том, что на л. 10а почерк другой, буквы выше и тоньше, чем на других листах рукописи /как в Хиландарских листках/.

3/ На основании орфографических свойств ТЛ всеми его исследователями признается памятником русского происхождения, списанным со старославянского оригинала.

4/ Что касается места написания ТЛ, среди исследователей нет единого мнения. В. Стасов считает ТЛ "белорусским памятником"⁷. Нам кажется вполне обоснованным высказывание А.И. Соболевского⁸ против этого мнения. А.И. Соболевский устанавливает, что на

⁵ Срезневский, И.И.: Сведения и заметки..., т. II., стр. 120.

⁶ Каринский, Н.Н.: Образцы... 1925. стр. 6. считает, что ТЕ написано в конце XI в., в крайнем случае, в первой половине XII в.

⁷ Стасов, В.: Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, стр. 33-34.

⁸ Соболевский, А.И.: Университетские Известия, Киев, 1887, кн. 5, стр. 53.

основании всего лишь места открытия рукописи ее нельзя считать памятником, списанным в том месте, где он хранился. На основе особенностей письма рукописи он относит ТЛ к числу Киевских памятников.

5/ Иван Огієнко, дополняя характеристики ТЛ, определяет некоторые особенности морфологии языка памятника. Указывается на архаический характер морфологической системы ТЛ.

6/ Изучение лексики текста ТЛ для современного исследователя значительно облегчается тем, что П.А. Гильтебрандт и И.И. Срезневский в своих изданиях дают разночтения и параллельные места из других списков евангелия XI в.

7/ Определяется содержание рукописи. ТЛ - это евангелие апракос. Содержит в себе три отрывка:

1. Первый отрывок /1а, 1б/ включает в себе вторую половину чтения на четверг пятой недели по пасхе и начало чтения на пятницу той же недели. /Ев. Иоанна X 1-9 и 17-20/.
2. Второй небольшой отрывок, состоящий также из одного листа /2а, 2б/ содержит среднюю часть чтения на вторник шестой недели по пасхе /Ев. Иоанна XII 27-34/. На обороте этого листа запись 7021=1523 года.
3. Третий отрывок - остальные восемь листов без перерыва - включает в себе конец чтения на субботу 16-й недели после пятидесятницы, полные чтения на воскресенье 16-й недели, на субботу и воскресенье 17-й недели, на субботу и воскресенье первой и второй недели "нового лета", на субботу третьей недели и начало чтения на воскресенье 3-й недели. /Ев. от Луки IX 31-36, У 1-11, 17-26, УI 31-36, У 27-32, УII 11-12/. /Ев. от Матфея XXIV 4--44, XXV 13-30, 1-13, ХУ 21-28/.

На обороте 6-ого листа написана запись 7016=1508 года.

Известные нам каталоги, описания рукописей, учебники по истории русского языка и палеографии содержат данные о ТЛ, основанные на высказываниях И.И. Срезневского. Приведем список известных нам работ, содержащих краткое описание или отдельные замечания о ТЛ:

1. Абрамовичус, А.: Собрание рукописей. Краткое обозрение рукописных фондов XI -XX вв. Центральной библио-

теки АН Литовской ССР. Вильнюс, 1963, стр. 59-60.

2. Владимиров, П.В.: Обзор южно-русских и западно-русских памятников письменности от XI до XVII ст. "Чтения" Киев, 1890, кн. IV. стр. 108.
3. Волков, Н.В.⁹: Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах X-XIV вв. СПб., 1897, стр. 50, № 6.
4. Гранстрем, Е.Э.: О подготовке сводного каталога славянских рукописей. Приложение 2. "Список славянских рукописей XI в. и конца XI - начала XII вв." /IV. Международный Съезд славистов. Славянская Филология, сборник статей II./ Москва, 1958, стр. 417.
5. Добрянский, Ф.Н.: Описание рукописей Виленской публичной библиотеки церковнославянских и русских. Вильно, 1882. XXXIX-XI, стр. 1-6.
6. Ягич, В.И.: Четыре критикопалеографические статьи. СПб., 1884.
7. Дурново, Н.Н.: Введение в историю русского языка. 1-ое изд. Брно, 1927, 2-ое изд. Москва, 1969, стр. 54.
8. Он же: Русские рукописи XI-XIII вв. как памятники старославянского языка, Южнославянский филолог. X. /1925/ стр. 26.
9. Ivaskėvicius, A.: Lietuvos TSR Mokslų akademijos centrinė Biblioteka Vilnius, 1959, pls. 27.
10. Карский, Э.Ф.: Славянская-кирилловская палеография, стр. 82-83, 286-340.
11. Lunt, H.G.: The orthography of eleventh century russian manuscripts. Columbia University, 1976, стр. 145.
12. Огієнко, И.:¹⁰ Історія церковно-славянської мови т.5. Вар-

⁹ Н.В. Волковым ТЛ называются "Листками Корнилова".

¹⁰ Иван Огієнко пишет, что ТЛ до 1915 г. хранились в Виленской Публичной библиотеке, но в 1915 году, во время эвакуации их повезли в Ярославль, где в 1920 г. рукопись сгорела. А.А.Абрамовичус в последнем описании рукописей Центральной библиотеки АН Литовской ССР сообщает, что в библиотеке "имеется немало памятников письменности, как напр., подлинник ТЕ на славянском языке, относящийся к XI веку..." /Г. 19 №1./ Тут же на стр. 60 указано, что в 1946 г. рукопись привезли в библиотеку из Москвы /из ГБЛ/.

- шава, 1929, стр. 139-144, 356-357, 400, 3, 5, 27, 9.
13. Срезневский, И.И.: Славяно-русская палеография. 1885, стр. 129.
14. Он же: Древние памятники русского письма и языка X-XIV вв. 1. СПб., 1863, 2. СПб., 1882, стр. 37.
15. Соболевский, А.И.: Унив. Изв. Киев, 1887, кн.5, стр. 53.
16. Стасов, В.: Славянский и восточный орнамент. СПб., 1887, стр. 33-34.
17. Шеламанова, Н.Б.: Предварительный список славяно-русских рукописей XI-XIV вв., хранящихся в СССР. "Археографический Ежегодник". Москва, 1965, стр. 189. № 20.

Несмотря на то, что этот ценный памятник русского языка издавался не раз, и его особенная ценность признавалась такими выдающимися учеными, как И.И. Срезневский, Н.Н. Дурново и др., до настоящего времени систематического описания ТЛ не существует. Необходимость издания ТЛ подтверждается и тем, что вышеупомянутые издания в наше время уже представляют собой библиографические редкости. Фототипическим изданием и описанием ТЛ мы хотели бы ввести в научный оборот этот ценный памятник русского языка XI в.

I.

Графическая система ТЛ

/И. Х. Тот/

Для графической системы ТЛ характерно очень широкое употребление диакритических знаков. Чаще всего они имеют форму точки или похожи на полукруг.

Случаи употребления надстрочных знаков можно разделить на две большие группы. А, диакритические знаки в начале слов и Б, диакритические знаки внутри слов. В дальнейшем мы детально рассмотрим случаи их употребления.

А, Диакритические знаки в начале слов

Диакритические знаки в начале слов ставятся над буквами а, о, оу, ѱа, е, ѱе, н, ѱн, ѱа.

а̇: а̇, 1а, 2б, 3б, 5а /2х/, а̇|мннь 1а, 5б, азъ 1б, 4б, а̇ще 2а, 2б, 4б, 6б, 9б /3х/, а̇бнѣ 3б, 9а,

о̇: о̇вѣца 1а /2х/, 1б, о̇тъ 1а, 2а, о̇ни 1а, о̇вѣцѣмъ 1а, 6а, о̇бращеть 1б, о̇щъ 1б, 10а, о̇|предлог|1б, 8а, о̇бласть 1б, 3б /2х/, 4а /2х/, о̇ца 1б, о̇|твѣща 2а, о̇ставляѣтъся 2б, 2б /2х/, о̇ставиль 2б, о̇вом 3б, /3х/, о̇тидѣ 3б, о̇лѣа 5а /2х/, о̇лѣи 5а, о̇нь 5б, 6а, о̇на 6а /2х/, о̇тати 6а, о̇ /междометие/ 6б, о̇но 7а, 7б, 8б, 10а, 10б, о̇стани 7а, о̇шѣдше 7б, о̇бнощъ 7б, о̇баша 8а, о̇ба 8а, о̇дрѣ|жааше 8а, о̇бъщѣ|ка 8а, о̇ставляше 8б, о̇слаблѣноуоумоу 9а, о̇дрѣ 8б, о̇брѣтше 8б, о̇баче 10а,

оу̇: оу̇мрѣти 2а, оу̇бо 2б /2х/, оу̇подоби 2б, оу̇боуавъ 4а, 4б, 5б, оу̇подоби 5а, оу̇красиша 5а, оу̇гасѣтъ 5б, оу̇ченици 6а, 7а, 10б, оу̇ча 7а /2х/, 8б, оу̇жасѣхъ 7а, оу̇жась 7а, 8а, 9б, оу̇чѣаше 7б, оу̇добѣе 9а, оу̇вѣсте 9а, оу̇зърѣ 10а,

ѱа̇: ѱа̇ко 1а /2х/, 1б, 2а, 2б /3х/, 4а, 4б, 5б, 6б, 7а /2х/, 7б, 8а, 9б /2х/, 10а, /2х/, 10б, ѱа̇хомъ 7б,

ѱе̇: ѱе̇да 5б, ѱе̇и 6а, ѱе̇зерѣ 7б /2х/,

ѱе̇: ѱе̇сть 1а, 2а, 6б, 7а, 9а /2х/, 9б /3х/, 10а, 10б, ѱе̇го 1а /3х/, 4а, 2х/, 6а, 7а /3х/, 8б, ѱе̇гда 1а, ѱе̇смь 1а, 1б, 8а, ѱе̇лико 1а, ѱе̇и 1б, ѱе̇моу 2а /2х/, 3б /2х/, 4а, 5а, 6а, 7а, 7б, 8б, 10а, ѱе̇динъ 3а, 3б /2х/, 4а, 7б, 8а, ѱе̇дина 2б /2х/, ѱе̇си 3б, 4а/2х/, 7а /2х/, ѱе̇же 4б, ѱе̇и 6а, 6б,

ѱи̇: ѱи̇'а 1а /3х/, 6б, 7а, ѱи̇же 3а /2х/, 8а /2х/, 8б, 10б, ѱи̇'ет' 1б /2х/, 2а /5х/, 3а /2х/, 3б /8х/, 4а /8х/, 5б /4х/, 6а, 6б, 7а /2х/, 8а, ѱи̇гонить 1а, ѱи̇женеть 1а, ѱи̇дѣтъ 1а /2х/, ѱи̇мъ 1а /3х/, 3а, 5б, 8а, 9а, 9б, ѱи̇хъ 1б, 8а, /2х/, 8б, 9а, 10б, ѱи̇зидеть 1б, ѱи̇зиде 5б, ѱи̇зиди 7а, 8а, ѱи̇юдео̇мъ 1б, въ ѱи̇юдей|хъ 1б, ѱи̇мамъ 1б /2х/, ѱи̇мать 1б, 9а, ѱи̇сто 1б, ѱи̇ма 1б, ѱи̇ни 2а, ѱи̇знанъ 2а, ѱи̇ми 3б, ѱи̇ма 4а, 8а, ѱи̇деже 4а, ѱи̇моущѣоумоу 4б, ѱи̇бѣдетъ 4б, ѱи̇мѣшааго 4б, ѱи̇зидоша 5а, ѱи̇сходите 5а, ѱи̇мѣа 4б, ѱи̇мѣай 4б, ѱи̇дѣте 5б, ѱи̇доу|щамъ 5б, ѱи̇шѣдъ 6а, ѱи̇злѣ-ва 6а, ѱи̇бо 6а, 9б /2х/, ѱи̇ци 6б /2х/, ѱи̇мы 7а, ѱи̇з 7а, ѱи̇сходѣтъ 7б,

исплъниш^а 8а, 9б, иѣкова 8а, иѣана 8а, изведъ 8а, идош^а 8б,
иудѣиски 8б, иерлма 8б, искар^ах^х 8б, иди 9а, 10а, иде 9б, именемъ
10а, инѣхъ 10б, идѣаше 10б, идѣах^х 10б, изноша^ах^х 10б,

И: И 16 /2х/, 6а, И дж| 4а, 4б, [И]ть 10а,

И: И1а /2х/, 8а /2х/, 8б, И же 5а, Иш 8а.

Нами были отмечены единичные случаи употребления надстрочных знаков в начале слова над буквами х / = оу/ и б: хтръ бб, бдтъ ба, бсть 106. Так как буквы а, ю в начале слов не пишутся, конечно, отсутствует написание с а, ю.

Б, Диакритические знаки внутри слов

Написания этого типа разделяются на две подгруппы. В первой мы выделили употребление букв $\dot{a}$, $\dot{o}$, $\dot{u}$, $\dot{n}$, $\dot{e}$, $\dot{e}$, и, $\dot{x}$, $\dot{n}$ под диакритическими знаками после букв, обозначающих гласные. Ко второй группе принадлежат те случаи, когда под надстрочными звуками стоят буквы, обозначающие согласные.

а, Употребление надстрочных знаков, после букв, обозначающих гласные:

а: глаахх 2а /2х/, глааше 2а, подобааше 4б, имѣааго 4б, бѣаше /sic/ 5а, олѣа 5б, съпаа|хх 5а, чьстьнааго 6б, сътазаахх 7а, оучаше 7б, протрѣзаа|хх 7б, бѣахх 8а /2х/, 8б /2х/, 10а, одрѣ|жааше 8а, бѣаста 8а, йскаахх 8б, лежааше 9а, славлѣахх 9б, вышѣнааго 10а, идѣаше 10б, идѣахх 10б, изношаахх 10б,

о: иудеомъ 1б, приобр^бте 3б /2х/, приобр^бтохъ 3б, 4а, иоана 8а,
зеведеова 8а,

оу: їмоуцїоумоу 4б /2х/, кроупиць 6а, каперьнаоумь 7а, погоубить 7а.

На: сто̀на̀и 2а, сто̀на̀ 7б, сто̀на̀ща 7б, дру̀гата̀ 3б, 4а, съ̀на̀ль 4а, съ̀на̀хъ, съ̀бира̀на̀ 4а, о̀убо̀на̀въ 4а, им̀б̀на̀ 4б, им̀б̀на̀й 4б, мо̀на̀ 6а, т̀в̀на̀ 6б, пр̀сты̀на̀ 6б, въздвигенѝна̀ 6б, ис кора̀бл̀на̀ 7б, ѝна̀кова 8а, въ̀са̀ко̀на̀ 8б, ка̀на̀ 9б /3х/.

е: иєрл^сма 86,

ѣ: мо^ѣго 1б, тво^ѣ 1б, 9а, ко^ѣр^ѣ 2а, прѣ^ѣбыва^ѣть 2а, оста^ѣвл^ѣ-
ѣ ть|сѣ 2б /2х/, по^ѣм^ѣл^ѣть сѣ 2б, сво^ѣн^ѣ 2б, цр^ѣстві^ѣн^ѣ 2б, 5а,

нбсьнотѣ 2б, 5а, имѣнѣ 3б, своѣ 3б, 4а, 4б, своѣи 3б, своѣмъ 10а, абиѣ 3б, 9а, своѣго 3б, 4а /2х/, выдаѣши 4б, моѣ 4б, сѣрѣ-
тениѣ 5а, бѣсьнуѣтъ сѣ 6а, выпѣтъ 6а, подобѣтъ 6б, сѣботъ-
нотѣ 6б, велиѣмъ 7а, твоѣмоу 2б, помышлѣѣте 9а, оудобѣ 9а,
даѣте 9б, чрѣждениѣ 10а, велиѣ 10а, левъгиѣмъ 10а, пиѣтъ 10б,
нарицаѣмый 10б,

й: чий 1а, прѣлазѣи 1а, разбойникъ 1а, разбойници 1а, приѣмоу
1б, въ йюдейхъ 1б, своѣи 3б, своѣхъ 6а, своѣ 9а, 9б, приѣмъ 3б
/2х/, 4а /2х/, добрый 4а /2х/, блгый 4а /2х/, мѣногыми 4а, зѣлый
4б, лѣнивый 4б, бѣи 5а, олѣи 5а, своѣми 5а, мѣдрымъ 5а, приѣмъ
5а /2х/, помилоуи 5а, продаѣщимъ 5б, падаѣщихъ 6а, ѣи 6а, 6б,
погыбѣшимъ 6а, по въздвижений 6б, властѣи 7а, твоѣ 9а /2х/, фа-
рисѣи 9а, 10б, въ займъ 9б, 10а, въсприѣмъ 10а, даѣте 10а, съдра-
вий 10б, болаѣей 10б, нарицаѣмый 10б,

ѣ: знѣтъ 1а, сиѣи 1а, 2а, 3а, 5а, мѣноѣ 1б, полагаѣи 1б /2х/,
моѣ 1б, сѣмрътъѣи 2а, кѣи 3а /2х/, дроугѣи 3б /3х/, сѣбираѣи
4б, лихвоѣи 4б, соборѣи 5а /2х/, оугасаѣтъ 5б, продаѣщимъ 5б,
падаѣщихъ 6а, властѣи 7а /2х/, сиѣи 7а, зеѣмѣи 8б, ѣи поуша-
ѣтъ 9а, [ѣи] 10, чаѣше 10а, левъгиѣи 10а,

ѣ: своѣи 1а /3х/, 2б, 5а /3х/, ѣи 1б, приѣти 1б, своѣи
2б, 3а, 3б, бѣиѣи 5а /2х/, мѣдрымъ 5а, 5б, приѣи 5а, готовѣи 5б,
прочѣи 5б, велиѣи 6а, стѣи 6а, приѣтъ 9б, любѣиѣи 9б /2х/,
въсприѣти 9б, възблагодатьѣи 10а, зѣлымъ 10а.

В отличие от группы А буква ю тоже пишется под диакритически-
ми знаками: йюдеомъ 1б, йюдейхъ 1б, поставлю 4а, нѣю 7б, йюдѣ-
иски 8б. Иногда надстрочные знаки ставятся над буквами, обознача-
ющими гласные после букв, обозначающих согласные: кроуѣиѣ 6а, про-
тивѣ 5а, идошѣ 8б, тѣрѣскѣ 5б, скѣдѣлы /под двумя точками/.
В единичном случае было отмечено нами написание буквы ѣ под точкой:
жрѣнѣвахъ 2б.

б. Для графической системы исследуемого нами памятника харак-
терно употребление надстрочных знаков и над буквами, обозначающими
согласные. Правда, их употребление не является выдержанным, но
все-таки такого рода написания встречаются:

иждѣнеть 1а, щоуждѣмъ 1а, прославлѣѣ 2а, поѣмлѣеть 3а, талантъ 3б /3х/, въ землѣѣ 3б, па|сѣа 6б, бѣа 6б, галилѣ|йскъ 7а, ѿземла 7б, такожде 7б, оставльше 8б, мжи 8б, помышлѣати 9а, помышлѣениѣа 9а, что 9а, ослаблѣеноу|оумоу 9а, славлѣаахѣ 9б, по что 10б.

В некоторых случаях надстрочный знак имеет форму "галочки" ✓. Хотя есть пример, где точка ставится над буквой по привычке, ошибочно — как видно это в случае буквы ѿ /прстыѣа бѣа 6б/, все-таки можно установить, что диакритические знаки в этих случаях ставятся над буквами, обозначающими первично смягченные согласные, или над таким сочетанием букв, из которых пропущены знаки ѿ и ѿ /талантъ 3б /3х/, что 9а, 10б.

Выдержанность употребления диакритических знаков можно считать только условной, потому что есть случаи, когда они были пропущены писцом: прѣжде 1а, поставлѣѣ 4а, властѣѣ 7а, оуши 4б, ѿго 4б, ѿжѣѣ 1а, идѣтъ 1а, оставлѣаѣтъ 3а, трѣбѣѣтъ 10б и многие другие.

Обильное употребление надстрочных знаков в ТЛ имеет свои соответствия и в других памятниках древнерусской письменности XI века: ОЕ, ИѢЗ, СПт, Новгородские минеи 1095-1097 г., ЖК, ЖФ и многие другие памятники разделяют эту особенность ТЛ. Прежде чем кончить разбор написаний под надстрочными знаками, следует остановиться на важном вопросе о том, были ли надстрочные знаки в протографе ТЛ. Нам кажется, что на этот вопрос частично мы можем ответить положительно: возможно, что надстрочные точки, которые ставятся над гласными буквами в начале слова и слоге, находились и в протографе ТЛ. Однако не исключено то, что те диакритические знаки, которые ставятся на месте пропущенных букв ѿ и ѿ, были внесены в текст интересующей нас рукописи самим писцом.¹¹

Рассмотрев особенности употребления надстрочных знаков, перейдем к анализу употребления отдельных букв и сочетаемости букв.

I, Употребление отдельных букв

ТЛ представляет собой двуеровый памятник /ѿ, ѿ/, для которого характерно наличие всех четырех юсов: ѿ, ѿѣ, ѿа, ѿа и букв е, ѿе.

¹¹ Марков, В.М.: К истории редуцированных в русском языке. Казань, 1964, стр. 87, 89-90.

Как известно, в ранних памятниках старославянского языка не встречаются все четыре юса. Можно сказать, что ТЛ сохранили следы такого кирилловского евангельского текста XIV в., в котором употреблялись буквы Ж, ЇЖ, А, ИА. Этот протограф ТЛ не сохранился, но по свидетельству ТЛ и других древнерусских рукописей, существовали кирилловские старославянские тексты с широким употреблением йотированных юсов и букв е, ѣ. В данном случае ТЛ продолжают такую старославянскую традицию. Буквы Ж, ЇЖ, А, ИА в ТЛ пишутся очень часто. Однако имеются и случаи их смешения с буквами, обозначающими чистые гласные. Случаи употребления букв Ж, ЇЖ можно группировать в зависимости от того, в какой морфеме пишутся эти буквы в корнях, суффиксах или окончаниях. При этом особо следует выделить случаи правильного употребления юсов и те написания, в которых они употребляются этимологически неправильно.

Сначала мы рассмотрим случаи правильной постановки букв Ж, ЇЖ.

Ж в корнях: сѣждь 2а, бѣждеть 2а, 3а, 4б /2х/, 6с, 10а, 6ж /sic/ 2а, бѣждете 3а, 10а /2 раза/, пристѣплъ 3б, 4а, избѣждеть 4б, сѣбѣ /в заглавии/ 4б, мѣдръ 5а, мѣдры 5а, 5б, мѣдрыймъ 5а, сѣсѣдѣхъ 5а, мѣдѣшю 5а, бѣди 6б, сѣботьно /в заглавии/ 6б, сѣбѣ 6б, сѣбѣ /в заглавии/ 6б, 8а, сѣботы 7а, глубинѣ 1а, погрѣхати 8а, мѣжъ 8а, мѣжи 8б, бѣдеши 8а,

Ж: в суффиксах: ѣмѣщааго 4б,

Ж в окончаниях:

в окончаниях имен: дѣшѣ 1б, годинѣ 2а, 3а, противѣ 3б, 5а, кѣшѣ 3а, другѣ 3б /2 раза/, идѣ 4а, 4б, притѣхъ 5а, странѣ 5б, тѣрьскѣ 5б, сидонскѣ 5б, глубинѣ 7б, ловитѣхъ 7б, всѣ /sic/ 7б, вѣрѣ 8б,

в окончаниях глаголов: идѣтъ 1а, сѣтъ 1а, глаголюхъ 1б, 2а, /2 раза/, сѣпаахъ 5а, чѣтѣтъ 6а, 6б, оужасахъ 7а, сѣтазаахъ 7а, протрѣзаахъ 8а, бѣахъ 8а /2 раза/, 8б /2 раза/, 10б, помогѣтъ 8а, искаахъ 8б, славляахъ 9б, рыпѣтаахъ 10б, всприимѣтъ 10а, идѣахъ 10б, изношаахъ 10б,

ЇЖ в корнях: ѣждѣ 4а, 4б,

в суффиксах: продаѣющимъ 5б, падаѣщихъ 6а, глаголюа 5б, /2 раза/, глаголюа 6а, глаголюа 7а, 9а, 9б, чаѣще 10а,

в окончаниях:

в окончаниях имен: снѣж 1а, 1б, 2а, 3а, 5а, мѣнож 1б, моуж 1б, коуж 2а, смъртыж 2а, кжж 3а / 2 раза/, сълихвож 4б, съ со-
бож 5а / 2 раза/, властѣж 7а / 2 раза/, силож 7а, левъгѣж 10а,
землѣж 3б, ѣж 1б / 4 раза/, 6а,

в окончаниях глаголов: зна~~ѣ~~тъ 1а, полага~~ѣ~~ 1б / 2 раза/, съби-
ра~~ѣ~~ 4б, оугаса~~ѣ~~тъ 5б, ѿпуща~~ѣ~~тъ 8б-9а, 9а, да~~ѣ~~тъ /sic /
9б-10а, трѣб~~ѣ~~тъ 10б, прославл~~ѣ~~ 2а, поставл~~ѣ~~ 4а / 2 раза/,
жы~~ѣ~~тъ 4б.

Рассмотрев случаи правильного употребления букв Ж, ИЖ, остановимся на тех примерах, когда Ж и ИЖ употребляются этимологически неправильно.

Вместо **ж** пишется буква **ю** /**ÿ**/ в следующих случаях:

в корнях: скудьлы 86, глоубинж 76, коудоу 86,

в суффиксах: ймоуш~~ж~~оумоу 4б, ймоуш~~ж~~ооумоу 4б, идоушамъ 5б, пома-
ноуша 8а,

в окончаниях: глоубиноу 1б, коудоу 8б, хоулоу 9а, прямоу 1б.

Вместо нх мы отметили постановку ю только в двух случаях: мелющи 3а, глю /вместо глеши/ 2а, но последний случай является ошибкой писца.

Второй типмены букв ж, й, оу, ю, т.е. этимологически не-
правильное написание ж, й на месте оу, ю можно отметить в следу-
ющих случаях: буква ж пишется вместо оу /у, у/ в следующих слу-
чаях:

в основах: жть 6б, бж и 5а, бж и 5а /2 раза/, трждше 5а
7б, трбж и 10б.

Вместо буквы ю буква ѳ в ТЛ не ставится. По нашим подсчетам буквы ѳ, ѳѳ этимологически правильно пишутся в ТЛ в 117-и случаях. Неправильное употребление ѳ, ѳѳ было отмечено нами в 20-и случаях: в 13-и случаях вместо ѳ, ѳѳ пишется оу и ю; в 7-и случаях вместо буквы оу /у, ѳ/ употребляется ѳ.

Рассмотрев особенности употребления букв Я, Ѧ, остановимся на особенностях употребления букв А, Ѧ, которые разделяются на две большие группы:

а/ этимологически правильные написания с А, Ѧ;

б/ этимологически неправильное употребление букв А, И.

Анализ написаний с А, И начнем с тех случаев постановки букв А, И, когда они пишутся этимологически правильно.

Случаи этимологически правильного употребления буквы А можно выявить в некоторых категориях написаний.

1. Буква А пишется после букв, обозначающих исконно мягкие согласные ч, ж, ш, ц, з, с, щ.

ч + А: проча^А 5б, ча^д 6а, оуча^А 7а, 8б, причастникомъ 8а, нача^А-ша 9а /2х/,

ж + А: бѣж^Аать 1а, мрѣж^А 7б /2х/, 8а,

ш + А: разоумѣ^Аша 1а, бѣш^Аа 1а, послоуш^Ааша 1а-1б, изидош^Аа 5а, приимѣш^Аа 5а, възаш^Аа 5а /2х/, въздрѣмаш^Аа 5а, възаш^Аа 5а, оукраш^А-ша 5а, рѣш^Аа 5а, внидош^Аа 5б, бѣш^Аа 5б, придош^Аа 5б, обаш^Аа 8а, поманоуш^Аа 8а, ~~м~~ш^Аа 8а, придош^Аа 8а, низъвъсиш^Аа 8б, нача^Аша 9б /2х/, испльниш^Аа 9б,

ц + А: овѣца 1а /3х/, бѣца 6б /2х/,

з + А: прѣлаз^Ааи 1а

с + А: вѣса 1а, 2а, 5а /2х/, 8а, 9б,

щ + А: любаш^Аа 9б /4х/, глѣш^Аа 5б /2х/,

2. Буква А пишется после букв, обозначающих согласные за исключением ч, ж, ш, ц, з, с, щ:

л, н, р + А: обраш^Аеть 1б, к^бназъ 2а, клепа^Аа 2а, жн^Аа 4а, гра-деть 5а, радуо 6б, гла 7а /2х/ 8а /2х/ ѿ земля 7б, творать 9б, блѣтворашимъ 9б, болашей 10б,

з, д, т, п, с, м, в, б + А: прѣлаз^Ааи 1а, выход^Ааи 1а, видать с^А 1б, са^А 3а /3х/, 3б, 4а, 4б, 5а /2х/, 5б, 6а, 7а /2х/, 7б, 8а /2х/, 9а /3х/, 9б, 10б, патъкъ /в заглавии/ 1б, ма 1б, има 2а, пать 3б /6х/, сътаза, 3а, 3б, та 4а /2х/, възаль 4б, десать 4б, възато 4б, десати 5а, възаш^Аа 5а /2х/, мѣдаш^Аа 5а, врѣма 5б, 7а, 7б, 10а, 10б, ѣд^Аать 6а, ѣтати 6а, сѣт^Аа 6б /2х/, та 7а, сътазаахъ 7а, исходать 7б, възати 7б, обаш^Аа 8а, лова 8а, сѣдаше 8б, носаше 8б, лю|баш^Аа 9б /4х/, сѣдаша 10а,

Буквы И, И этимологически правильно употребляются в следующих случаях:

а, после букв, обозначающих гласные внутри слова:

своѣмъ 3а, своѣ 1а /2х/, 3а, 5а /2х/ 5а, приѣти 1б, приѣтъ 1б, ѣмъ 1б, бѣмъ 5а /2х/, мѣдрыѣ 5а, приѣша 5а, готовѣ 5а, стѣмъ 6б, приѣтъ 9б, любѣщаѣ 9б /4х/, въсприѣти 9б, възбла-
гоудѣтъмъ 10а, зѣлымъ 10а,

б, в начале слов, где этимологически имело место сочетание 'j + носовой гласный переднего ряда: ѣ 1а, /2х/, 5а, 8а, ѣша 8а,

Этимологически неправильное употребление букв ѣ, ѣ можно раз- делить на две группы:

1. На месте букв ѣ, ѣ пишется ѣ: стоѣи 2а, имѣѣ 4б, имѣѣи 4б, събираѣ 4а, ѣ прѣстыѣ 6б, не ѣхомъ 7б, стоѣ 7б, стоѣща 7б, въсакоѣ 8б. В рассмотренных случаях буква ѣ ставится писцом - за одним исключением - после букв, обозначающих гласные. Постанов- ка ѣ вместо ѣ, ѣ была отмечена нами в 9 случаях.

2. В ТЛ можно встретить и постановку буквы ѣ вместо ѣа, а, что было отмечено нами в следующих случаях:

После букв, обозначающих первично мягкие согласные ч, ж, ш, ц, с, щ: оучѣаше 7б, врачѣ /род.п. ед.ч./ 10б, погрѣжати 8а, /мѣзда/ ва- шѣ 10а, овѣцамъ 1а /2 раза/, 6а, ѣ въѣшаѣ 5б, въсакоѣ 8б.

После букв, обозначающих согласные л, р, н: оставлѣѣтъ сѣ 3а, ѣба кораблѣ 8а, молаѣхѣ 6а, назарѣнине 7б, въѣнѣаго 10а, распѣра 1б.

После буквы т: хотѣаше 2а.

В этих написаниях буква ѣ передает сочетание "смягченный согласный + 'а". Однако встречаются и случаи, когда употребление буквы ѣ в начале слова или слога передает сочетание j + а: ѣже бѣаста 8а, велиѣ 6б.

Не исключена возможность того, что в протографе ТЛ в этих случаях писалась не буква ѣа /а/, в значении 'а после смягченного согласо- го, а буква ѣ, что также можно наблюдать в некоторых памятниках старославянского языка.

Заслуживает внимания тот факт, что вместо ѣа буква ѣ не пишет- ся. Мена букв ж, ѣж, ѣ, ѣ и оу /у/, ю, ѣа /а/ свидетельствует о том, что ТЛ был написан действительно древнерусским писцом. Употреб- ление букв ж, ѣ вместо букв оу, ѣа /а/ дает в наше распоряжение интересные сведения о том, как воспользовался писец ТЛ лишними для

него знаками **Ж**, **А**, потерявшими свое этимологическое значение. В отношении буквы **Ж**, которая ставится вместо **оу** /**у**/, нельзя установить каких-либо правил, которыми воспользовался писец ТЛ: буква **Ж** в любой морфеме могла замещать букву **оу**. Совсем другое было положение с буквой **А**. Она имела двойное значение для писца: 1, после согласных он произносил как сочетание смягченный согласный + 'а' вместо **А**; 2, после гласных или в начале слога вместо **А** он произносил сочетание **j** + а.

В протографе ТЛ имелись этимологически правильные написания **ч**, **ж**, **ш**, **ц** + **А**, которые писец читал, согласно особенностям своей речи, как **с'**, **з'**, **с'** **ч'**а /**ä**/ . Эти написания служили для него моделью передачи древнерусских сочетаний "смягченный согласный + 'а' " /**ä**/ путем не этимологических написаний **чА**, **жА**, **шА**, **цА**. Так возникли написания **оучАаше** 7б, **врачА** 10б, **погржжАти** 8а, /**мьзда**/ **вашА**, **овьцАмь** 1а /2 раза/, **ба**, **отвѣщАша** 5б.

Для орфографии ТЛ характерно отсутствие написаний "буквы, обозначающей согласный + **А**". Эта черта правописания тоже восходит к протографу, в котором буква **А** не писалась после букв, обозначающих согласные. По модели своего протографа передает писец и сочетание **л'**, **н'**, **р'** + а написаниями **оставлАють** 3а, **кораблА** 8а, **молАахж** 6а, **вышнАаго** 10а, **гнАсила** 8б, **назарАнине** 7б, **распърА** 1б. Однако писец идет дальше в употреблении этого способа обозначения сочетаний "смягченный согласный + 'а' /**ä**/", потому что после букв **с**, **т** тоже пишет букву **А**: **всАкож** 8б, **хотАаше** 2а.

В рассмотренных нами случаях мы имеем дело с своеобразным развитием, применением старославянской орфографической модели на древнерусской почве. Подобная модификация и применение старославянской орфографии характерно и для других памятников древнерусского языка. В ОЕ² встречаются написания **ц** + **А** для передачи сочетания "смягченный согласный + 'а': **лицА**, **нарицАемыи**, **срьдцА** и пр.¹² В ЖФ, другом раннем памятнике древнерусского языка тоже имеют место такие написания, как **пър'вому|ченицА** /им.п. ед.ч./ 2в, **слышА-вшеи** 2а. Особенно заметно применение этого орфографического приема

¹² Фортунатов, Ф.Ф. : Состав Остромирова евангелия. СПб., 1908, стр. 42.

в Галицком евангелии 1144 г., где встречаются написания вроде ббжати, оужасоша, оуноша, шьдъша, врача, оучаше, овьцама, ѡвбша въ, ѡвбшаа, имеющие свои соответствия уже в ТЛ. Н. Ягич считает, что Галицкое ев. 1144 было списано "в пределах юго-западной Руси" и написания ч + А, ж + А, ш + А и пр. в значении "смягченный согласный + 'а" относит "за счет южнорусской родины памятника, указывая на то, что в памятниках "не новгородских" чаще встречаются они, чем в новгородских" ¹³

Имея в виду соображения, высказанные Н. Ягичем, можно поставить вопрос о том, возможно ли приурочить место написания ТЛ и той части Киевской Руси, где было списано Ев. 1144 г. Несомненно, что в ТЛ меньше случаев интересующих нас написаний, чем в Ев. 1144 г., но надо учесть и то, что хотя ТЛ и отстает по своему объему от Ев. 1144 г., однако было списано раньше, чем Ев. 1144 г. На этом основании мы не видим трудностей предположить, что ТЛ представляют собой на более раннем этапе развития ту же орфографию, которая применялась писцом Ев. 1144 г., т.е. ТЛ возникли на той же территории Киевской Руси, где было списано Ев. 1144 г. ¹⁴

Буквы ѣ, е :

В ТЛ употребляются буквы ѣ, е, которые в начале слов - по наблюдению Н. Дурново - "правильно различаются". ¹⁵

Рассматривая случаи употребления этих букв, мы обнаружили в них следующие закономерности:

а, Буква ѣ пишется в начале слов: ѣмъ 1б, ѣстъ 1а, 1а, 1б, 6б, 7а, 9а /2 раза/, 10а /2 раза/, 2а, ѣго 1а, ѣгда 1а, ѣго 1а, ѣсмь 1а, 1б, ѣлико 1а, ѣмоу 2а, ѣдинъ 3а и т.д. Исключения представляют собой написания: ѣзе/ре 7б /2х/, ея 6а.

б, После букв, обозначающих гласные, тоже пишется ѣ, ѣ: ѡврьзаѣть 1а, глаша/ѣть 1а, татьѣ 1а, моѣго 1б, твоѣ 2а, конѣж

¹³ Ягич, Н.В.: Четыре критикопалеографические статьи. СПб., 1884, стр. 85, 91.

¹⁴ Ягич, Н.В.: Указ. соч., стр. 71.

¹⁵ Дурново, Н.П.: Русские рукописи XI-XII вв. как памятники старославянского языка. Южнославянский Филолог, X, /1925/, стр. 26.

2а, оставл^ает^ь 3а, ц^об^ьств^ие 3а, н^об^ьс^ьно^е 3а и многие другие примеры.

в, После букв, обозначающих согласные, пишется е: и^жд^ен^еть 1а, щ^оуж^де^мь 1а, не 1а, рече 1а, при^де 1а, пр^ѣжде 1а, в^ьни^де^ть 1б /2 раза/, и^зид^еть 1б, в^ь и^юдей /х^ь 1б, при^де 2а, в^ьзн^ес^ень 2а, от^ь зем^ла 2а. Однако после букв л, н выделяются написания с е: пом^лл^еть 3а, закон^учител^е 8б, ослаб^ле^нь 8б, гл^ле^ть 9а, пом^лш^лб^ни^а 9а, ослаб^ле^но^уо^умо^у 9а /2 раза/, по н^ем^ь 1а, от^ь н^его 1а, к^ь н^емо^у 1б, ѿ н^его 4б /2 раза/ /2х/, ѿ н^ею 7б, н^ем^ь 9, хотя встречаются и написания с е: н^з н^его 7а /2х/.

Из наших примеров видно, что для графической системы ТЛ характерно, что она различает первично смягченные согласные л', н' в большинстве случаев тем, что после букв л, н пишется е. /Такого различия в написании л', н' в употреблении буквы л мы не обнаружили, так как после букв, обозначающих смягченные согласные, пишется буква л, а не л'./

Из других особенностей употребления букв обращают на себя внимание следующие:

Буква і пишется в слове і^сь и в производных от него: і^сь 1а, 7б, 8а, 9а, 10, і^се 7а, 10б, і^сво^лма 8а. Буква у главным образом употребляется при переносе: н^ѣд^ѣ 4б, о^вом^ѣ 3б, зако^но^учител^е 8б, но у^мрь^ша 10б. Буква ѡ употребляется - хотя и не исключительно - в предлоге-приставке ѡ: ѡ 4б /4х/, 5а /2х/, 5б, /в заглавии/, 6а, /2х/, 6а /над строкой/, 6б, 7б /3х/, 8б, 9б, ѡ^вѣ^щав^ь 4а, 5б, 6а /3х/, 7б, 8а, 8б /2х/, 10б, ѡ^вѣ^ща^ша 5б, ѡ^вѣ^ща 6а, ѡ^по^усти 6а, ѡ^по^ущ^ати 9а /2х/ ѡ^по^ущ^аѣ^ть 9а. Иногда пишутся большие буквы, особенно в конце строк: не^чи^сть 7а, ѡ^ст^ь 9б, ве^ли^ть 7а, гр^ѣш^ни^кь 10б. Исправленные писцом буквы тоже увеличены: гла^сом^ѣ 7а, зев^ѣд^ѣова 8а.

Заслуживает внимания своеобразный прием переноса слов, который является характерным для ТЛ; на конце строки пишется буква, обозначающая согласные, а над нею без всяких диакритических знаков ставится буква, обозначающая гласные звуки: в^ь к^ѣ | н^ѣ 3а, при^де^ѣ | 3а, о^вом^ѣ | 3б, о^ти^д | 3б, при^бр^ѣте 3б, т^ѣ | лан^ѣть 3б /2х/, н^ѣд^ѣ | 4а, 4б, н^ѣд^ѣ | 4б, о^упо^до^ѣ | 5а, ами^ѣ | 5б, же^ѣ | 5б, тв^о | на 6б, ѣ^ѣ | том^ѣ 6б, в^ь сѣ^ѣ | ми^ѣти 7а, мѣ^ѣ | жество 8а, о^ѣд^ѣ | жал^ѣе 8а, обы^ѣн^ѣ | ка 8а, на^ѣр^ѣод^ѣ | 8а, ск^ѣв^ѣ | зѣ 8а, дѣ^ѣньс^ѣ | 9б, х^ѣ | ла 9б, - нѣ^ѣ 10б.

Подобный способ переноса известен нам - хотя не в таком большом количестве - из ЖФ. Он является характерной манерой писцов СР¹⁶.

II. Сочетаемость букв

Сочетаемость букв имеет важное значение для определения характера тех звуков, которые они передают.

В ТЛ особого внимания заслуживают случаи сочетаемости букв ж, ш, ч, ц, ш, жд с буквами, обозначающими гласные. Наши материалы распределяются следующим образом:

ж + а: бѣжати 1а, мрѣжа 7б /2х/, 8а /2х/, погрѣжати 8а, вѣлѣжѣ 10а,

ж + ѣ: стражѣ 3а,

ж + ѡ: ∅

ж + ѣ: ∅

ж + ѣ: ∅

ж + ю: ∅

ш + а: слышати 1а, разоумѣша 1а, бѣша 1а, изидоша 5а, приимѣша 5а, възаша 5а, приимѣша 5а, въздрѣмаша 5а, вѣсташа 5а, оукрашиша 5а, рѣша 5а, ѿвѣщаша 6б, вѣнидоша 5б, быша 5б, придоша 5б, ваша 7б, обаша 8а, помануша 8а, придоша 8а, исплѣниша 8а, ѣша 8а, ндоша /sic/ 8а, низвѣсиша 8б, начаша 9а, ваша 10а,

ш + ѡ: глашати 1а, слышахомъ 2а, слышати 4б, умьрѣша 10б, изношаах 10б,

ш + ѣ: дѣшѣ 1б,

ч + а: прочаша 5б, чадѣ 6а, оуча 7а, 8б, оучаше 7б, причастъникомъ 8а, начаша 9б, врача 10б,

ч + ѡ: часъ 3а, 6б, часа 5б, чаѣще 10б,

¹⁶ Лавров, П.А.: Палеографическое обозрение кирилловского письма. Пд, 1914, стр. 38.

ч + ж: притьѹж 1а, 3а, 3а, 5а,

ц + а: овьцамъ 1а /2х/, 6а, овьца 1а /2х/, 1б, бца 6б,

ц + а: оца 1б, мца 6б /2х, в заглавии/, коньца 6б, кораблица 7б,

ц + ю: кораблицю 7б.

щ + а: любаша 9б /2х/,

щ + а: ѿвѣщавъ 7б, 10б, ѿпоуща 9а, ѿпоущати 9а,

щ + ю: имоущю 4б.

Данные, почерпнутые из ТЛ, свидетельствуют о том, что в передаче сочетаемости букв ч, ж, ш, ц, щ, жд с буквами, обозначающими гласные, писец строго соблюдает особенности протографа ТЛ. Однако в некоторых случаях он делает попытки передать имеющиеся в своей речи сочетания "смягченные согласные + 'а" по старославянской модели написаниями чА, жА, шА, цА, щА. Последний прием получает в XII в. большое распространение в русских рукописях.

II. Фонетика ТЛ

/И. Х. Тот/

1. Редуцированные гласные

Рассмотрев особенности графической системы ТЛ, следует остановиться на их фонетических особенностях. Анализ фонетики мы начнем с изучения судьбы редуцированных гласных. Последовательность анализа употребления или отсутствия букв следующая:

1. Редуцированные в корнях
  - а, редуцированные не в сочетании с плавными
  - б, редуцированные в сочетании с плавными.
2. Редуцированные в суффиксах
3. Редуцированные в приставках
4. Редуцированные в предлогах
5. Редуцированные в окончаниях
6. Редуцированные в заимствованиях

Редуцированные в корнях

А, Редуцированные не в сочетании с плавными

Написания с ъ на месте слабого редуцированного гласного непереднего ряда: бѣдите 3а, 5б, бѣдѣль 3а, въпи-еть 6а, възъпи 6а, 7а,

из^Гънанъ 2а, дѣва 3а, 3б /3 раза/, 4а /2 раза/, дѣвѣ 3а, дѣщи 6а, 6б, зѣванъ 10б, призыва 3а, зѣлый 4б, зѣлыи 10а, зѣлѣ 6а, кѣнижъни-
ци 9б, 10а, кѣназъ 2а, кѣто 7а, 9а, никѣто 10б, мѣнѣ 10а, м^бнонѣ
1б, мѣнозѣ 3б, мѣногы 4а, мѣногѣими 4а, мѣного 8а, мѣногъ 1б, /2
раза/, мѣнога 10а, рѣпѣтаахъ 10б, посыланъ, съпаахъ 5а, прѣтчъ
1а, 3а, 5а, тѣкѣмо 6а, 9а, жрѣнѣвахъ 3а.

Написание без ъ на месте слабого редуцированного гласного не-
переднего ряда: кѣто /под диакритическим знаком/ 9а, мѣнозѣи 1б,
мѣнѣжѣство 8а.

Написание с ъ на месте сильного редуцированного непереднего
ряда: вѣплъ 5а, тѣкѣмо 6а, 9а, вѣнъ 2а.

Как наши примеры показывают, буква ъ консеквентно ставится пис-
цом там, где редуцированный гласный непереднего ряда был в сильной
позиции. Среди приведенных корней были такие, как кѣниж-, кѣт,
мѣног-, в которых редуцированный в слабой позиции мог исчезнуть
очень рано¹⁷. Несмотря на это условие, буква ъ пишется в 3-х случа-
ях. ъ пропущено только в 3-х случаях, из которых в написании кѣто
диакритический знак указывает на пропуск буквы -ѣ. В остальных 2-х
случаях без ъ слово находится почти в конце строки. В этом положе-
нии отсутствие буквы ъ могло быть вызвано тенденцией экономить мес-
то.

На месте редуцированного гласного непереднего ряда в сильной по-
зиции консеквентно употребляется буква ѣ.

Написания с ѣ на месте слабого редуцированного гласного передне-
го ряда: вѣса 1а, 2а, 5а, 8а, 9б, вѣси 1а, 8б, на вѣсѣхъ 7а, вѣсѣ
7б, вѣсе 8б, 10а, вѣсакоѣ 8б, двѣри 5б, дѣнѣѣ 9б /2 раза/, оузѣрѣ
10а, жѣна 4а, жѣнѣ 4б, мѣзда 10а, мѣните 3а, мѣнить 4б, пѣси 6а,
пѣсомъ 6а, распѣра 1б, чѣтѣть 6б, чѣто 1а, 7а, 9а, чѣто 7а, по-
чѣто 10б, пришьли 8б, вѣзмѣтъ 1б, вѣзмѣте 4б, вѣзѣми 9а, сѣнѣ-
мищи 7а,

Написания без ѣ на месте слабого редуцированного гласного
переднего ряда: чѣто 9а, где диакритический знак указывает на пропуск
буквы ѣ

Написания с ѣ на месте сильного редуцированного гласного передне-

¹⁷ Дурново, Н.Н.: Очерк истории русского языка. М.-Л., 1924, стр.
156.

го ряда: вьсь /вместо вьсе 46/, вьсьде 46, дверьь 1а, 16, дверьми 1а, двь|рьникъ 1а, дь нсь^б 96 /2 раза/ умьрьша 106, чьстьнааго 66, пришьдъшйми 16, шьдъ 36 /2х/, пришьдъ 46, 6а, 8а, шьдъши 6а, пришь-ль 7а, ошьдъше 76, шь|дъ 4а, вьзьмъ 9а.

Анализ приведенных нами данных позволяет установить, что буква ь выдержанно ставится писцом ТЛ там, где редуцированный гласный был в слабой позиции. Единственным исключением является написание чо, которое пишется под диакритическим знаком. На месте редуцированного переднего ряда в сильной позиции всегда пишется буква ь.

Буква ь пишется в наречии внь 2а на месте редуцированного в сильной позиции и в основе слова жрьны: жрьнѣва|хъ 3а.

В рассмотренных нами случаях в сильной позиции буквы ѣ, ь сохраняются, что свидетельствует о сохранении редуцированных гласных в сильной позиции и об отсутствии их вокализации в о, е. Там, где редуцированные были в слабой позиции, буквы ѣ, ь пишутся выдержанно в 76-и случаях. Пропускаются ѣ и ь только в 5-и случаях: кто 9а, мно|зи 16, мн^ожество 8а, что 9а, 106, из которых в 3-х случаях слово без ѣ, ь пишется под диакритическим знаком. В тех двух примерах, когда отсутствует написание буквы ь, слово пишется почти в конце строки. В этом положении пропуск буквы ь мог вызваться тенденцией экономить место.

Б, Редуцированные в сочетании с плавными

Континуанты сочетаний, восходящих к праславянским соответствиям *tьrt, *tьlt, *tьrt, *tьlt выдержанно передаются писцом ТЛ в таком звуковом облике, который характерен для старославянского языка.:

ѡврьза-ѣть 1а, сьмрьтъхъ 2а, вьжрьнѣва|хъ 3а, поврьгъ 7а, одрѣ|жа-аше 8а, протрьзаа|хъ 8а, милосрьдъ 10а, милосрьди 10а, трьжьникомъ 46, прѣмльчи 7а, и|спльниша 8а, 96.

Заслуживает внимания тот факт, что в старославянских континуантах интересующих нас праславянских сочетаний после букв р, л пишутся такие буквы, которые соответствуют имеющимся в русских рефlekсах редуцированным гласным.

Редуцированные в суффиксах

В ТЛ большим количеством написаний представлены редуцированные гласные в суффиксах:

Суффикс: -ън-

В слоге, где редуцированный гласный был в сильной позиции, пишется буква ъ: вѣрънь 4а, бѣ|сьнь 7а, грѣшьнь 8а, вѣръ|нь 4а. На месте редуцированного в слабой позиции консеквентно пишется ъ: двѣ|ръники 1а, нѣсьноѣ 3а, 5а, вѣрънѣ 4а /2х/, трѣжни|комъ 4б, свѣтильники 5а /4х/, свѣтильници 5а, бѣсьноуѣтъса 6а, чѣстьнааго 6б, сѣботѣноѣ 6б, наставъниче 7б, причаистъникомъ 8а, обѣщѣ|ка 8а, кѣнижъ-ници 9а, 10б, грѣшьници 9б /2х/, грѣшьникомъ 9б, дивъна 9б, въз-блага|дѣтъныа 10а, мытъници 10а, равъно 10а, вышьнааго 10а, грѣшь-никъ 10б, грѣ|шьники 10б, правѣдь|никъ 10б.

Суффикс -ъц-

На месте редуцированного в слабой позиции выдержанно пишется буква ъ: овѣца 1а /3х/ 1б, овѣцамъ 1а /3х/, доконѣца 6б,

Суффикс -ъств- : црѣствіе 3а, до рождѣства 6б, мнѣ|жество 8а.

Суффикс -ъск- : тѣрьскѣ 5б, генисарѣтъсть 7б.

Как наши примеры показывают, в суффиксах -ъств-, -ъск- на месте редуцированных в слабой позиции пишется буква ъ.

Суффиксы -г/ъ/д-, -жд-, -ѣт-, -ѣк-:

Наречия тогда, егда пишутся всегда без буквы ъ: тогда 3а, 5а, ѣг-да 1а. Без ъ пишется суффикс -жд- там, где редуцированный гласный был в слабой позиции: комоу|ждо 3б¹⁸. Пропуск буквы ъ довольно частый в памятниках XI в. Сохраняется буква ъ там, где редуцированный гласный был в слабой позиции в суффиксе -ѣт-: рѣпѣтаахѣ 10б, Сохраняется буква ъ на месте редуцированного гласного в сильной позиции в суффиксе -ѣк-: пѣтъкѣ| 1б, / в заглавии/.

Суффиксы -въ-, -выш- -ѣ-, -ѣш-.

Сохраняется консеквентно буква ъ суффикса -въ-, в конце слов, где редуцированный был в слабой позиции, что, возможно, было вызвано стремлением писца закончить слог буквой, обозначающей гласные:

слѣшавъ 2а, шѣдъ 3б /2х/, пришѣдъ 4б, 6а, 8а, видѣвъ 8а, въставъ 9а, 10а, възъмъ 9а, пришѣдѣшиимъ 1б, приимѣша 5а /2х/, пришѣдѣши 6а, шѣдѣши 6а, ошѣдѣше 7б, пришѣдѣше 8а, извѣзѣше 8а, обрѣ|тъше

¹⁸ Карягина, Л.Н.: Редуцированные гласные в языке иульской служеб-ной Миней конца XI- начала XII вв. Материалы и исследования по истории русского языка. М., 1960, стр. 50.

Дурново, Н.Н.: Очерк ..., стр. 156.

8б, вълбъше 8б, умърша 10б, погыбъшимъ 6а, пристжплъ 4а /2х/, пристжплъше 6а, тржждъше са 7б, сътворъше 8а, оставльше 8б.

Редуцированные в приставках

Согласно положению редуцированного гласного в слабой позиции постоянно ставится буква ь: въздвиженѣа 6б, по въздвижений 6б, невъз-
благо|дѣтныѣа 10а, ѡселѣ 8а, сѣмрътъж 2а, въ сѣсудѣхъ 5а, сѣнѣмищи 7а,
сѣдравии 10б.

В провербах на месте редуцированного в сильной позиции писцом сохраняется буква ь: възмѣтъ 1б, възмѣте 4б, възпи 6а, 7а, възѣми 9а; на месте редуцированного в слабой позиции пишется ь: възнесенъ 2а, възаль 4б, възато 4б възгласи 4б, възаша 5а, въздрѣмаша 5а, възати, 7б, възѣди 7б, възлбъше 8б, възмъ 9а, възприѣти 9б, въз-
приимѣтъ 10а, възодѣи 1а, възташа 5а, вѣнидоша 5б, вѣниде 7а, вѣм-
темъ 7б, вѣнести 8б, вѣнесѣтъ 8б, вѣстани 9а /2х/, вѣставъ 9а.

Известно, что в предлогах-провербах въз, из, низ, от после конечного согласного редуцированных гласных не было, однако с течением времени по аналогии с теми предлогами-приставками, которые оканчивались на ь, появилось и написание этих морфем с ь. В ТЛ, как мы видели, морфема въз всегда пишется без конечного ь. Относительно других приставок наши примеры можно распределить следующим образом:

из: избѣдетъ 4б, извезъше 8а, испльниша 9б, изношаахъ 10б,

низ: низѣвѣсиша 8б.

В предлоге-провербе отъ пишется буква ь, если употребляется не лигатурное написание; там, как правило, буква ь отсутствует: ѡ|тъвѣща 2а, но отидѣ 3б, ѡтати 6а, ѡвѣщаша 5б, ѡврѣзи 5б, ѡвѣщавъ 5б, 6а, 7б, 10б, ѡ|вѣща 6а, ѡпоусти 6а, ѡпоушѣтъ 8б-9а, ѡпоушати 9а /2х/, ѡселѣ 8а /в префиксе/.

Провербы подъ, съ пишутся с ь в конце морфемы: подѣ|рыти 3а, сътаза са 3б, сѣкры 3б, сѣбираѣа 4а, сѣбратѣж 4б, сътазаахъ са 7а, сѣтворъше 8а.

Если после этих проверб стоит морфема, которая начинается с буквой на гласный, то буквы ь, ь не пишутся:

ь: изиди 8а, ѡбаша 8а. Сохраняется буква ь перед -щ: обѣщѣи|ка 8а.

Редуцированные в предлогах

В предлоге въ в сильной и слабой позициях сохраняется буква ъ:
вънь 3а, въ тѣчасъ 6б, въ 1б, /в заглавии/, 1б, 2а, 3а /2х/, 4а, /2х/,
5а /4х/, 5б /2х/, 6а, 7а /4х/, 7б /2х/, 8а, 8б, 9а /2х/, 9б /3х/,
10а /3х/, 10б /2х/, из 7а /2х/, ис корабліа 7б, къ 1б, 2а, 6а, 8а,
10б /3х/, надъ многыми 4а, надъ многы 4а;

Предлог отъ пишется то с о, то как лигатура: отъ 1а, отъ 2а,
1б, 2а, 4б /3х/, 5а /2х/, 5б, 6а, /2х/, 6б /3х/, 7б /4х/, 8а, 8б,
/2х/, 9б, 10а, в заглавиях чтений: 3а, 4б, 7б, 9б, 10б, прѣдъ 8б
/2х/, 9а, съ 2а, 3б, 4б, 5а, 5б, 6а, 7а, 8а, 8б, 10б /3х/.

Как известно, предлоги-превербы на -з и от в общеславянском языке не имели редуцированных после согласных в конце морфемы. В этой позиции ъ был перенесен из других предлогов-преверб. В ТЛ предлог-преверба из всегда пишется без ъ. Написание с ъ нефонетического характера можно установить только в нескольких случаях в предлоге-превербе отъ и в превербе низъ-, что свидетельствует о том, что процесс перенесения ъ уже начался в исследуемом нами памятнике.

Редуцированные в окончаниях

В ТЛ представлено большое количество написаний с ъ и ь в флексиях, где можно выделить сильные и слабые позиции, причем последняя позиция обыкновенно падает на конец слова.

В сильной позиции ъ, как правило, сохраняется без перехода в е:
съ | ложьмъ 8б. Буква ь в слабой позиции пишется в разных частях речи:

1, -ъ в окончании им.-вин.п. ед.ч. имен: отъ 1б, тать 1а, пажить 1а область 1б /2х/, заповѣдь 1б, гъ 3а, 9б, вънь 3а, пать 3б /4х/, 5а /2х/, власть 9а, члвчъ 9а. Однако следует выделить два случая написания с ъ вместо ь: пастыръ 1а /sic/ пать /= 5/ 3б /sic/.

2, -ъ в твор.п. ед.ч. имен: съ | ложьмъ 8б, величѣмъ 7а, именемъ 10а, гла | томъ /. переделан из ь/ 7а, страхомъ 9б /с ъ вместо ь/, съ нимъ 8б, 10б.

- 3, -ь в м.п. ед.ч.: по н~~е~~мь 1а,
4, -ь в твор.п. мн.ч.: двѣрьми 1а,
5, -ь в 1 л. ед.ч. атематических глаголов: нѣ|смь 1а, 1б, 8а, нѣсмь 6а, вѣмь 7а. Вместо буквы ѣ неправильно ставится ь в следующих случаях: область имаѣ положить ѣ и о|бласть имаѣ па-
кы при~~н~~ати ѣ 1б, не вѣмь насъ 5б,
6, -ь в 3 л. ед. и мн.ч. глаголов: нѣст^ь| 1а, ходить 1а, ~~ѣ~~връзаеть 1а, глаша|ють 1а, ижденеть 1а, идѣть 1а, чѣтѣть 6б, помогоуть 8а, вънесѣть 8б, бысть 5а, 7а. Для ТЛ характерно консеквентное употребление личного окончания -ть в 3 л. ед. и мн. чисел. Однако в 3 л. ед.ч. аориста пишется буква ѣ: приѣтъ 9б по правилам старославянского языка,
7, -ь употребляется и в формах причастий прошедшего времени в им.п. ед.ч. м.р.: пристѣ|плъ 3б, 4а /2х/.
Буква ѣ тоже употребляется в нескольких категориях написаний:
1, В им.-вин.п. ед.ч. существительных м.р. ед.ч.: двѣ|рникъ 1а, бесѣ 1б, патѣ^ь|/в заглавии/ 1б, гласъ 2а /2х/, народъ 2а, /2х/, громъ 2а, нѣсъ 2а, сѣдѣ 2а и пр. и прилагательных: чистѣ 7а,
2, В дат.п. мн.ч. имен: иудеѣмъ 1б, ~~ѣ~~рѣшникомъ 9б, оученикомъ 10б, къ вратомъ 10б, имъ 1а, 9б, къ нимъ 10б, намъ 7а,
3, В 1 л. мн.ч. простых прошедших форм: видѣхомъ 9б,
4, В причастиях прошедшего времени: вѣставъ 9б, вѣзьмъ 9а,
5, В форме 3 л. ед.ч. аориста: при~~н~~ѣтъ 1б, 9б.

Наши примеры показывают, что в именных и глагольных флексиях всегда и выдержанно употреблены писцом буквы ѣ, ѣ. В огромном большинстве случаев они ставятся этимологически правильно. Во всяком случае, это можно установить относительно буквы ѣ, которая в ТЛ всегда пишется правильно. Однако этого нельзя сказать о постановке буквы ѣ, котсрая в некоторых случаях заменена буквой ѣ. В слове пастырь 1а ѣ вместо ѣ может объясняться тем,

что писцу это слово было неизвестно, и из-за непонимания слова он сменил ь на ъ. Но это слово могло в данном облике попасть и из протографа, в котором оно также писалось с ь вместо ъ, как и в МЕ¹⁹. В случае пѣть 3б написание ь вместо ъ можно считать простой опiskeй. Формы твор.п. ед.ч. на -омь вместо -омъ по-видимому, объясняются тем, что они были чужды русскому писцу ТЛ, который в этих флексиях не мог опираться на свое произношение. О колебании писца говорит и тот факт, что в форме глаг. сѣхъ выходящая из строки своей мачтой буква ъ переделана из ь. Интересно, что в форме твор.п. ед.ч. ср.р., которая передает древнерусскую флексию этого падежа, писец правильно употребляет букву ъ: сѣхъ 8б. Буква ъ вместо ь в формах имамъ, вѣмъ, приѣтъ, т.е. этимологически неправильное написание с ъ вместо ь объясняется влиянием протографа. Колебание написаний -мъ, -мь встречается и в старославянской письменности. Древнерусские писцы только с большим трудом могли разбираться в этих написаниях. Лишь в XII веке уже были выработаны правила, которые рекомендовали в этих случаях писать -ъ согласно древнерусскому произношению. Однако и в более поздних рукописях такое колебание может проявиться²⁰.

Наконец, нам осталось рассмотреть употребление редуцированных на конце слов и после ^{*} ъ.

Редуцированный гласный ь после ^{*} ъ перед согласным

В этом положении редуцированный гласный представлен следующими примерами:

- 1, Сильная позиция: въ заимъ 9б /2х/, 10а, галилеискъ 7а,
- 2, Слабая позиция: приимъ 3б /2х/, 4а /2х/, галилеиски 8б, иудеиски 8б, хананѣиска 6а, разбойникъ 1а, разбойници 1а.

В обеих позициях сохраняется буква и/=ъ/, что свидетельствует об отсутствии вокализации редуцированного в этих случаях.

¹⁹ Маринское четвероевангелие. Труд И.В. Ягича. СПб., 1883, стр. 356.

²⁰ Ягич, И.В.: Лекции по исторической грамматике русского языка, СПб., 1885-1886, стр. 244-245.

Редуцированные в заимствованиях

В заимствованной лексике, где имелись неудобно произносимые сочетания согласных, которые не соответствовали тенденции к восходящей звучности, обыкновенно "вставлялись" неорганические редуцированные гласные. Это явление имеет место и в ТЛ: талантъ 3б /3х/, 4а /2х/, 4б /2х/, таланъта 4а /2х/. Хотя аноrganический редуцированный гласный в этом слове в среднесильной позиции - все-таки буква ѣ пропущена писцом в 3-х случаях: талантъ. Пропуск буквы ѣ на месте редуцированного в сильной позиции отмечается диакритическим знаком над буквой н. По-видимому, в этом слове он произносил во всех случаях неорганические редуцированные. На существование неорганических редуцированных указывают и написания: ка|перънаоумъ 7а, левъгнѣ 10а. В последнем слове пропущена буква ѣ там, где редуцированный гласный был в слабой позиции: левъг^иѣмъ. Возможно, однако, что пропуск буквы ѣ в этом случае объясняется и близостью конца строки. В слове скоудѣль /лат. scāndula/ вместо буквы ѣ пишется ѣ: скѣдѣль 8б. Случаи с ѣ /вместо ѣ/ встречаются в МЕ, СК, что свидетельствует о том, что слово имелось в протографе ТЛ в таком фонетическом облике. Но возможно также и то, что данное слово могло быть не совсем известным писцу и поэтому вместо ѣ он ставил ѣ. Такое предположение подтверждается и данными ОЕ, в котором вместо слова скѣдѣль встречается покрѣвъ.

Рассмотрев случаи этимологически неправильной постановки букв ѣ/ѣ, мы убедились в том, что чаще всего употребляется буква ѣ вместо ѣ. Наш пример является единичным для иллюстрации того, что буква ѣ тоже заменялась буквой ѣ.

Наконец, следует остановиться на единственном примере употребления буквы ѣ вместо ѣ в заимствованном топониме генисарѣтъ-стѣ 7б, которому в ОЕ соответствует форма генисареть^{сѣ}. Данное написание объясняется недостаточной усвоенностью писцом этого библейского топонима.

Подводя итоги нашим наблюдениям над употреблением букв ѣ, ѣ на месте редуцированных в ТЛ, мы можем сказать следующее:

1, Буквы ѣ, ѥ пишутся и в слабой, и в сильной позициях этимологически правильно не заменяя друг друга. Во всей рукописи нами было обнаружено только 7 случаев их неправильного употребления /в 6-и случаях вместо ѣ ставится ѥ и в 1-ом случае вместо ѥ - ѣ/.

2, На месте редуцированных в сильной позиции всегда ѣ выдержанно пишутся буквы ѣ, ѥ.

3, Пропуск буквы ѣ на месте редуцированного в слабой позиции можно обнаружить в разных категориях: пропускается ѣ в корне мног- в двух случаях, а сохраняется в 7-и случаях. Он принадлежит к тем корням, для которых можно предполагать раннюю утрату гласного в абсолютно слабой позиции. В остальных 3-х случаях в корнях кѣт-, чѣт- буквы ѣ, ѥ пропущены писцом, но эти корни пишутся под диакритическими знаками, на которые исследователи ТЛ Н. Дурново и Г. Лунт не обратили внимания.²¹

В суффиксах за исключением одного случая, где в сочетании -жѣд- буква ѣ пропускается консеквентно сохраняются буквы ѣ, ѥ. В флексиях, хотя буква ѣ пишется, она ставится неправильно вместо ѣ в 7-и случаях, которые возникли или из-за невнимательности писца /п тѣ/ или под влиянием протографа ТЛ.

В заимствованных словах мы обнаружили вставку неорганических редуцированных или их пропуск, что может свидетельствовать о факкультативности редуцированных гласных. Консервативность написаний, незначительное количество пропусков ѣ/ѥ и отсутствие написаний с о/е на месте редуцированных в сильной позиции дают право предположить не только архаический протограф ТЛ, но и то, что в языке писца редуцированные гласные сохранились без существенных изменений и в сильной, и в слабой позициях.

Н. Дурново, разбирая написания без ѣ/ѥ в памятниках русской редакции старославянского языка, относит ТЛ к тем памятникам, в которых, за немногим исключением, ѣ, ѥ пропускаются в осно-

---

²¹ Дурново, Н.Н.: Русские рукописи..., стр. 97.
Lunt, Horace, J.: The orthography of eleventh century russian manuscripts. Columbia University, 1976, стр. 145.

вах, но не в приставках и суффиксах.²² В этом отношении мы хотели бы обратить внимание на то, что бесспорные случаи пропуска ь - мы считаем их написания без диакритического знака - можно обнаружить только в 2-х случаях, только в корне мног-. В одном случае можно отметить отсутствие буквы ь в суффиксе -жд-. Пропуск ь в этом случае могло быть вызвано влиянием церковнославянской графики²³. Учитывая только бесспорные случаи пропусков букв ь, ь, нам кажется целесообразным отнести ТЛ к тем памятникам, в которых ь и ь пропускаются и в основах, и в суффиксах, но не в приставках, т.е. к таким памятникам, как Минеи 1096 г., 1097 г. и Успенский сборник²⁴.

2. Напряженные редуцированные

Напряженные редуцированные обозначаются писцом буквами ы, и, ь, ьи.

Напряженный редуцированный переднего ряда был в сильной позиции в следующих случаях: -чии 1а, бжи 7а.

Буква и обозначает напряженный редуцированный гласный в слабой позиции в следующих случаях: къ пришьдѣшиимъ 1б, имѣни-ѣ 3б, погыбѣшиимъ 6а, си-ѣ 1а, 2а, 3а, 5а, падаѣщихъ 6а, въздвигени-ѣ 6б, вели-ѣ 6б, въздвигени 6б, власти-ѣ 7а /2х/, вели-ѣмъ 7а, помышлѣни-ѣ 9а, абинѣ 9а, левъгинѣ 10а, чръждени-ѣ 10а, вели-ѣ 10а, левги-ѣмъ 10а, пи-ѣтъ 10б, покаани-ѣ 10б. Отклонение от этой нормы было нами обнаружено в следующих случаях: таты-ѣ 1а, сымрътыѣ 2а. Напряженный редуцированный непереднего ряда в сильной позиции обозначается буквой ы в следующих случаях: дроугыи 3а, примыи 3б, 4а, добрыи 4а, /2х/, блѣгыи 4а /2х/, злыи 4б, лѣныи 4б, стыи 7а. Однако можно обнаружить и отклонения от этой нормы: шьдѣже примыи пѣтъ таланѣтъ 3б, примыи единѣ 3б, пристѣплъ же и примыи дѣва таланѣта 4б, члвкъ имы дѣхъ бѣсьны 7а. В ОЕ этим случаям соответствуют такие же написания примыи, имы, а в Мариинском евангелии: приемы,

²² Дурново, Н.Н.: Русские рукописи..., стр. 111.

²³ Дурново, Н.Н.: Очерк ..., стр. 156.

²⁴ Дурново, Н.Н.: Русские рукописи..., стр. 111.

приимы, имы со стяжением. По-видимому, эти формы им.п. ед.ч. действительных причастий прошедшего времени с -ѣи являются общей чертой ТЛ и ОЕ в отличие от МЕ. Встречаются окончания им.п. ед.ч. полных прилагательных на -ѣи и в первой, и во второй частях ЕПС²⁵. Такие написания, встречающиеся и в памятниках старославянского языка, могут быть истолкованы или как случаи стяжения, или как случаи перехода ѣ>о²⁶. Мы видим в этих примерах ТЛ влияние протографа. Напряженный ѣ в слабой позиции обозначается буквой ѣ: мно҃гѣи 4а, мѣдрыѣ 5а, 5б, мѣдрыѣимъ 5а, прѣсыѣ 6б, /2х/, чистѣимъ дѣомъ /дат.п. мн.ч./, 7б, бл҃годѣтѣмъ 10а, зѣлыѣ 10а. Эти случаи с напряженными редуцированными свидетельствуют о сохранении редуцированных в языке писца, который только в некоторых случаях находился под влиянием своего протографа, ставя букву ѣ на месте редуцированного в сильной позиции и букву ѣ на месте слабых редуцированных.

3. Гласный Ё

Для ТЛ характерно почти безупречное употребление буквы Ё.

Написания с Ё мы разделили на 3 группы, которые рассмотрели отдельно.

1, Буква Ё в континуантах праславянских сочетаний *tert, *telt или слова с элементами праславянских *tert, *telt: прѣдѣ 1а, 8б, /2х/, 9а, прѣжде 1а, оумрѣти 2а, привлѣжъ 2а, врѣмени 3б, прѣбы|ванѣть 2а, приобрѣте 3б /3х/, приобрѣтохъ 3б, 4а, прѣдалъ 3б, 4а, врѣмѣ 5б, 7б, 8б, 10а, 10б, сѣрѣтениѣ 5а, ѿ прѣдѣль 6а, по|врѣщи 6а, прѣжъ /sic/ 6б, запрѣти 7а, прѣмльчи 7а, врѣждѣ 7а, мрѣжа 7б /2х/, 8а /2х/, прѣста 7б, обрѣ|тъше 8б, о сѣдѣ 3б, чрѣждениѣ 10а.

В этой категории слов в 3б-и случаях писец правильно ставит букву Ё. Единственным исключением является написание по сѣдѣ 7а.

²⁵ Колесов, В.В.: Евгениевская псалтырь. *Dissertationes Slavicae*. VIII. Szeged, 1972, стр. 63.

²⁶ Вайан, А.: Руководство по старославянскому языку. М., 1952, стр. 54.

2, Буква ѣ не в континуантах праславянских сочетаний *tert, telt:* а, в корнях и основах: бѣжати 1а, разоумѣша 1а, бѣша 1а, запо- вѣдь 1б, бѣсь 1б, 7а, ѿтѣвѣща 2а, /2х/, 6а, въ вѣкъ 2а, вѣсте 3а, вѣдите 3а, вѣдѣль 3а, вѣдѣхъ 4а, вѣмь 7а, оувѣсте 9а, вѣмь 5б, вѣсте 5б, бѣдѣль 3а, имѣниче 3б, тѣхъ 3б, 6а, бѣ 3б, 4а, 7а /3х/, 7б /2х/, 8б /3х/, 10а, вѣрь|не 4а, /2х/, вѣрьнь 4а /2х/, нѣси 4а, сѣ|аль 4а, ѿвѣщавъ 4а, 5б, 6а /3х/, 7б, 9а, 10б, лѣ- нивый 4б, вѣда-еши 4б, сѣ|ахъ 4б, възьмѣ|те 4б, имѣ-а 4б, имѣ-аи 4б, свѣтильници 6б, ѿвѣща|ша 5б, послѣди 5б, ѿ прѣдѣль 6а, бѣ- сьноу-е-т-е-с-а 6а, въслѣдъ 6а, 10а, нѣ|смь 6а, нѣсть 6а, хлѣбъ 6а, и|цѣлѣ 6б /2х/, вѣдѣти 6б, свѣтильники 5а /4х/, невѣстѣ 5а, бѣ- аше, ѿлѣа 5а /2х/, ѿлѣи 5а, рѣша 5а, вѣдѣть 6а, бѣсьнь 7а, видѣ 7б, вѣлѣзь 7б, сѣдѣ 7б, възвѣдивъ 7б, вѣметѣте 7б, бѣахъ 8а, 8б /2х/, видѣвъ 8б, колѣнома 8б, бѣаста 8б, грѣшьнь 8а, въслѣ- дъ 9а, сѣдаше 8б, цѣлѣти 8б, възлѣзьше 8б, низвѣсѣша 8б, видѣ- въ 8б, вѣрѣ 8б, грѣхы 9а /2х/, разоумѣвъ 9а, грѣси 9а, видѣхомъ 9б, грѣшьници 9б /3х/, грѣшьникомъ 9б, оузьрѣ 10а, сѣдаша 10а, грѣ|шьники 10б, бѣсть 10б, грѣшьникъ 10б, невѣзблагодѣтны|а 10а.

В этой категории написаний единичным является употребление буквы и вместо ѣ: видѣть гласъ его 1б /ОЕ: вѣдѣть/. Подобное яв- ление известно и из других памятников, когда вместо ѣ в первом слоге пишется и. А.А. Шахматов приводит примеры на и вместо ѣ из памятников южного происхождения, подчеркивая, что написание с и вместо ѣ не исключительно новгородское явление, а встреча- ется и в памятниках южнорусского происхождения: И73: ниции, исцили, видыи; Поучение Евр.Сир. /1288/: раздѣлающе, свѣдѣтель- ствою и пр.²⁷ Учитывая отсутствие цоканья в ТЛ, эту черту гра- фики с определенной долей вероятности можно считать приметой южнорусского происхождения интересующей нас рукописи. Из-за единичного примера вряд ли можно сказать что-нибудь определен- ное об истории гласного, обозначаемого буквой ѣ.

²⁷ Schachmatov, A.A.: Beiträge zur russischen Grammatik. Archiv für Slavische Philologie. VII. /1884/, стр. 69.

рии смягченных согласных.

а, Смягченные сонорные согласные /l', n', r'/, восходящие к сочетаниям *l+j, *n+j, *r+j, обозначаются на письме сочетанием букв л, н, р с йотированными буквами, за исключением написания л+Ѧ в функции л+Ѧ, так как буква Ѧ после букв, обозначающих согласные, не употребляется писцом ТЛ.

л + Ѧе: поѦмѦеть 2а, излѦе|ва 6а, законоуѦителѦе 8б, ослаблѦень 8б, глѦеть 9а, помышлѦениѦа 9а, ослаблѦеноуѦоумоу 9а /2х/,

л + Ѧа: ис кораблѦа 7б, помышлѦаѦете 9а, спавлѦаѦхъ 9б,

л + ю: мелюци 3а, глѦю 2а,

л + Ѧж: глѦж 1а, 5б, 6а, 9а, прославлѦж 2а, въ землѦж 3а, 8а, 8б, поставлѦж 3а, 4а, глѦжще 6а, 7а, 9а, 9б, 10б, 7а /2х/, 7б, 8а, глѦжши 6а, глѦжща 5б /2х/,

л + Ѧ: употребляется в рефлексах праславянских сочетаний *l+j: отъ землѦ 2а, 7б, клеплѦ 2а, оставлѦѦеть сѦ 3а, глѦ 4б, 7а /2х/, 7б, 8а, кораблѦ 7б, молѦѦхъ 6а. В этих случаях буква Ѧ ставится и на месте общеславянских сочетаний *j+q̑ и на месте *j+ā, *j+ē.

н + Ѧе: по нѦемь 1а, отъ нѦе|го 1а, къ нѦе|моу 1б, ѡ нѦего 4б, /2х/, ѡ нѦеу 7б, на нѦемь 9а. Однако имеется отклонение от этой нормы: из него 7/2х/,

н + Ѧ: жьнѦ 3б, гнѦ /им.п.ед.ч. ж.р./ 8б, вышнѦаго 10а,. В последних двух примерах буква Ѧ ставится на месте общеславянского сочетания *j+a.

н + Ѧж: жьнѦж 4а.

Буква Ѧ после р на месте сочетания *j+e в ТЛ не пишется. В этом отношении ТЛ следует отнести к другим памятникам русской редакции старославянского языка, для которых характерно отсутствие постановки буквы Ѧ после р²⁹. Согласно этой норме в ТЛ встречаются написания р + Ѧа, р + ю: мытарѦа 10а, црю 3а. Вместо Ѧа употребляется буква Ѧ на месте общеславянского сочетания

²⁹ Ягич, В.И.: Лекции ..., стр. 70.

ния *j+ā: распьр^А /им.п. ед.ч. ж.р./ 16. Эти написания свидетельствуют о наличии смягченных согласных, которые хорошо различались писцом ТЛ. В этом отношении следует подчеркнуть ту особенность орфографии исследуемой нами рукописи, что смягченный согласный l' передается и сочетанием л+ѡ и л+^А.

2, Первично смягченные согласные ч, ж, ш, щ, ц сохранили свою мягкость. Об этом прежде всего свидетельствуют и те случаи неправильного употребления буквы ^А, когда ею выражено сочетание "мягкий согласный + 'а". Этот способ обозначения мягкости согласных представляет собой характерное нововведение орфографии ТЛ, как об этом свидетельствуют следующие примеры: ѡвѣща^А 56, погрѣжати 8а, оуча^Аше 76, врача^А /род.п. ед.ч./ 106, овьца^{мъ} /дат. п. мн.ч./ 1а /2х/, 66, /мьзда/ ва^А /им.п. ед.ч. ж.р./ 10а.

Относительно согласного s' <sh имеются написания, свидетельствующие о мягкости согласного в этом корне: вьсь 46, вьс^А 1а, 2а, 5а /2х/, 96, вьс^Акоѡа 86. Однако встречается единичное написание вьсѣ /вин.п. ед.ч. ж.р./ 76, которое восходит, по-видимому, к протографу ТЛ и поэтому изменение s' > s было чуждо языку писца.

3, Л.Васильев предполагал несмягченное произношение согласных перед гласным ä для некоторых памятников XI-XII вв. Такое произношение установил он в некоторых категориях: в суффиксе -än, -än, -in-, в формах имперфекта, в основе grām- и после согласных c', dz' 'z', s', возникших по второй палатализации. Доказательством гипотезы Л.Васильева служит тот факт, что в этих категориях употребляется буква ^А и не пишется ѡ независимо от того, что восходит ли ^А к этимологическому *q праславянского языка, или является на месте рефлексов общеславянских *j+ā, *j+ē.³⁰ В исследуемой нами рукописи из вышеуказанных категорий представлены следующие:

а, Суффикс -ĕnin-: назар^Анине 76,. Однако следует добавить,

³⁰ Васильев, Л.: С каким звуком могла ассоциироваться буква "нейотированный юс малый /^А/" в сознании писцов некоторых древнейших русских памятников. Русский Филологический Вестник. т.69/1913/, № 1, стр. 183.

что это написание могло быть вызвано употреблением именного суффикса *-jan- после согласного p.³¹

б, Формы имперфекта: буквой А пишется форма имперфекта в следующих случаях: хоташе 2а, молахъ 6а, оучаше 7б. Из них два последние передают правильно образованный суффикс имперфекта у глаголов IV класса -аах- <-ěach. Написание молахъ 6а, где А стоит на месте этимологического сочетания *ljāā/ < *liěā-, исключает возможность того, что А передает сочетание несмягченный согласный + ä в графике интересующей нас рукописи. Единственным переносом суффикса -аа- является форма хоташе, в которой вместо н употребляется буква А. Но так как буква А употребляется и в форме молахъ, где она передает сочетание "смягченный согласный + 'а", не исключена возможность того, что в новообразовании хоташе буква А тоже передает сочетание "смягченный согласный + 'а".

в, Что касается первично смягченного согласного s', то основа всакъ /образованная от корня *wьs'-/, с буквой А вместо а: всакъа 8б. Однако можно предполагать, что буква А стоит на месте -ѣ- протографа ТЛ, ведь эта основа очень часто писалась с буквой ѣ. Проанализировав написание А, которое свидетельствовало бы о наличии гласного ä в языке писца, можно сказать, что теорию Л.Васильева о несмягченном произношении /перед ä/ согласного в ТЛ подтверждают только два написания /назаранине 7б, и всакъа 8б/, которые, однако, могут быть объяснены и иначе.

4. Изучая особенности согласных, мы остановимся на вопросе о "вставочном л", который выдержанно пишется во всех случаях: прославлѣ 2а, клепла 2а, помыслѣть сѣ 3а /2х/, пристѣплѣ 3б, 4а /2х/, поставлѣ 4б, пристѣплѣе 6а, кораблица 7б, л кораблицу 7б, корабли 8а, ис корабли 7б, оба корабли 7б, помыслѣти 9а, помышлѣниа 9а, помышлѣете 9а.

Как известно, в старославянских памятниках, особенно в СР, СК вставочный л' часто пропускается. Может быть потому, что безупречное написание слов с "вставочным л" появилось в ТЛ под влиянием речи их писца.

³¹ Дурново, Н.Н.: Русские рукописи ..., стр. 59.

Единственный случай с ж, не вызывающий сомнения, употребляется в слове рожьство в заглавии евангельских чтений: до рожьства стын бца 6б. Следует добавить, что это слово во многих памятниках русской редакции старославянского языка пишется с ж вместо жд. Написание /там же/ прѣ под дугой не может служить достоверным примером отражения древнерусского языка в ТЛ.

III. Морфология

Морфологические особенности интересующей нас рукописи приведем по частям речи.

1. Существительные

Склонение существительных мы рассмотрим по традиционным основам.

1. Основы на *-ā | iā

Твердая разновидность

Ед.ч.:

Им.п.: жен^а 5б, вѣра 6б, сила 8б, хвала 9б, мьзда 10а.

Вин.п.: на година 2а, 3а, въ страна 5б, въ лови|тва 7б, въ глоубина 7б, вѣр 8б, хоулоу 9а.

Род.п.: глѣдинъ храма 3а, храмаи своѣи 3а, съ трапѣзы 6а.

Дат.п.: невѣстѣ 5а, по средѣ /sic/ 7а, по срѣдѣ 8б, противъ силѣ 3б.

Твор.п.: съ лихвоу 4б, силоу 7а.

М.п.: о ловитвѣ 8а.

Зват. форма: о жено 6б.

Мн.ч.:

Им.-вин.п. двѣ 5а, 5б, въ сяботы 7а,

Род.п.: дѣсати двѣ 5а, рыбѣ 8а.

Мягкая разновидность

Ед.ч.:

Им.п.: распѣра бысть 1б.

Вин.п.: притѣж 1а, 3а, страж 3а, земли 8б, левьгинѣ 10а.

Род.в.: ѿъ земля 2а, 7б, бѣа /sic/ 6б.

Дат.п. твор.п. -----

М.п.: въ земли 4а, на земли 9а, на мытъници 10а

Мн.ч.:

Им.-вин.п. овьца 1а/3х/, 1б, мрѣжа 7а, 7б, 8а/2х/.

Род.п.: кроупиць 6а.

Дат.п.: овьцамъ /2х/ 6а.

2. Основы на ^ъѡ|іѡ

а, мужской род

Твердая разновидность

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: двѣ|рьникъ 1а, разбойникъ 1а, ісѣ 1а /2х/, 6а, 7а, 7б, 8б, народъ 2а, гласъ 2а, женихъ 5а, оужасъ 7а, 8а, 9б, бѣсь 7а, члв^ѡкъ 7а, симонъ 8а, петръ 8а, въ пѣтъ^ѡкѣ /в заглавии/ 1б, въ вѣкъ 2а, бѣсь 2а, женихъ 5б, на бракъ 5б, талантъ 4а, 4б, вътъ часъ 6б, въ каперьнаоумъ 7а, въ градъ 7а, на храмъ 8б, въ займъ 9б/2х/, 10а, въ гра|дѣ 10б, и-акова 8а, иоана 8а, члв^ѡка 8б, прѣдъ іса 8б.

Род.п.: ѿіѡна 1а, народа ради 2а, ѿ закона 2а, мира сего 2а, часа 5б, хлѣба 6а, господина своихъ /sic/ 6а, крѣста 6б, и иерл^ѡма 8б, народ^ѡ| ради 8б, бѣ 9б, града 10б.

Дат.п.: мироу семоу 2а, члв^ѡкоу 3а, противѣ женихоу 5а, по кѣ|симоноу 7б, по глоу 7б, къ симонови 8а, рѣкъ си-

Мн.ч.: гла|сомъ величѣмъ 7а, страхомъ 9б.

М.п.: на одрѣ 8б.

Зват.форма: рабе 4а, /2х/, 4б, назаранине 7а, наставниче 7б, члв^ѡче 8б.

Мн.ч.:

Им.п. У существительных с основой на -к, -г, -х, как правило, имеет место чередование к/ц, г/з, х/с: свѣтильници 5а, оученици 6а, 7а, 10б, грѣси 9а/2х/, члв^ѡци 9б, грѣшници 9б /2х/, кѣнижници 9а, 10б, пѣси 6а,.

Вин.п.: рабы свои 3а, свѣтиль|ники свои 5а /3х/, члв^ѡкы

8а, скѣ|зѣ скудьлы 8б, грѣхы 9а /2х/, врагы ваша 10а.

Дат.п.: трѣхъникомъ 4б, пѣсомъ 6а, причастникомъ 8а, грѣшникомъ 9б, къ оученикомъ 10б.

Твор.п.: съ свѣтиль|ники 5а, съ грѣ|шники 10б,.

М.п.: въ сѣдѣхъ 5а.

Двойств.ч.:

Им.-вин.п.: дѣва таланъта 4а/3х/, ѡбѣщѣ|ка 8б.

Мягкая разновидность

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: пастырь /sic/1а, кнѣзь 2а, выпль 5а, мѣжь 8а, оцѣ 10а, корабль 8а, ѡлѣи 5а, мытарѣ 10а, врачѣ 10б.

Род.п.: оца 1б, ѡлѣа 5а/2х/ до коньца 6б, мѣа 6б /2х/ в заглавии/, ис корабля 7б.

Дат.п.: црю 3а.

Мн.ч.:

Им.п.: мѣжи 8б, фарисѣи 9а /2х/, 10б.

Дат.п.: иудеомъ 1б.

М.п.: въ иудѣи|хъ 1б.

Двойств.ч.:

Им.-вин.п.: дѣва кораблица 7б, ѡба корабля 8а.

Род.-м.п.: ѡ кораблицю 7б.

б, средний род

Твердая разновидность

Ед.ч.:

Род.п.: до рождѣства 6б /в заглавии/.

М.п.: на селѣ 3а, при ѣзерѣ 7б/2х/.

Мн.ч.:

Род.п.: ѡ чадѣ 6а.

Дат.п.: вратомъ 10б.

Двойств.ч.:

Дат.п., твор.п.: къ колѣнома/исво|ма/ 8а.

Мягкая разновидность

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: имѣннѣ 3б, црьствиѣ 3а, 5а, въ сърѣтениѣ 5а, чрьждениѣ 10а, ложе твоѣ 9а, въ покааніи 10б.

Род.п.: въздвигениа 6б.

Твор.п.: съложьмь 8б.

М.п.: въ сѣимищи 7а, по въздвигении 6б, въ срдци 9а.

Мн.ч.:

Им.-вин.п.: помышнениа 9а.

3. Основы на ^ъи

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: въ домъ 9а, 9б, изношаахъ ... сна 10б, / МЕ. снъ, ОС. снъ/.

Род.п.: полоу/нощи/ 5а, домоу излѣва 6а,.

М.п.: въ домоу 10а.

Зват.форма: сне 6а.

Мн.ч.:

Им.-вин.п.: снве 10а.

Двойств.ч.:

Им.-вин.п.: оужась бо дрѣжааше и ... сна зеведѣва 8а.

Взаимовлияние -ѣ и -и основ проявляется в следующих случаях:

- 1, в употреблении флексии -ови в дат.п. ед.ч. имени симонъ /симонови 8а/, которое встречается уже в МЕ и ОЕ.
- 2, в переносе флексии -ѣ- основ в вин.п. ед.ч. /сна 10б/, в противоположность этой флексии в МЕ и ОЕ сохраняется старая форма: сынъ.
- 3, в переносе флексии -ѣ- основ в зват.форму, в МЕ, ОЕ в этом падеже сохраняется правильная флексия сноу.
- 4, в переносе флексии им.-вин.п. и зват. формы дв.ч. из основ -ѣ- в -и- основы. Подобный перенос флексий в этом падеже имеет место в МЕ, ОЕ.

Все это свидетельствует о том, что текст ТЛ в сохранении ^ъи основ и в переносе флексий из -ѣ- основ в ^ъи показывает больше нововведений, чем МЕ или ОЕ.

4. Основы на -ĭ

а, мужской род.:

Существительные м.р. представлены слабо и вряд ли возможно собрать всю парадигму этого типа по данным интересующей нас рукописи:

Существительное господь за исключением им.п. ед.ч. и зват.формы, образует падежные флексии по -ĭ- основам: гь 4а, зват.форма: ги 3б, 4а /2х/, 5б /2х/, 6а /3х/, 8а, но господа своего 3б, 4а /2х/. Из существительных м.р. представлены еще некоторые падежные флексии от слова тать: им.п. ед.ч.: тать 1а, им.п. мн.ч.: тать~~е~~ 1а.

б, женский род.:

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: дверьь 1а, 1б, заповѣдь 1б, пажить 1б, область 1б, радость 4а /2х/, обношь 7б, власть 9а.

Род.п.: ноши 8б, ѿ вьсако~~а~~ вьси 8б.

Твор.п.: съмрътъя 2а, властия 7а.

Мн.ч.:

Им.-вин.п.: двери 5б.

Твор.п.: дверьми 1а.

Двойств.ч.:

Им.-вин.п. и зват.форма: оуши 4б.

5. Существительные с основой на согласные

Из-за небольшого объема ТЛ этот тип склонения существительных слабо представлен.

Основы на -мен, -ен, -н м.р.

Род.п. ед.ч. м.р.: дьне 5б /из дьн~~е~~, где I был выцарапан/,

Им.-вин.п. ср.р.: има 2а, въ врѣмѣ 5б, 7б /2х/, 7а, 8б, 10а, 10б.

Дат.п. ед.ч.: по имени 1а, твор.п. ед.ч. именемъ 10а, м.п.ед.ч.:

по мнозѣ врѣ|мени 36. Форма твор. п. ед. ч. именемъ возникла не фонетическим путем, а переносом флексии.

Основы на *-os/-es ср.р.

Ед.ч.:

Им.-вин.п.: сло|во 7а/2х/, род.п.: съ нбсе 2а, м.п.: ѿ словеси 36.

Мн.ч.:

Им.-вин.п.: за словеса 16.

Насколько скудные данные, почерпнутые из ТЛ позволяют сделать вывод об особенностях этого типа склонения, можно сказать, что в местн.п. ед.ч. имеет место перенос флексии -и из м.п. ед.ч. -ѣ-основ.

Основы на *-ter, ū

Ед.ч. зват.форма: дѣщи 6а, 6б м.п. мн.ч.: жрънѣвахъ 3а.

Гетероклитики

Гетероклитические существительные в ТЛ встречаются во мн.ч. сравнительно редко:

Им.п.: рыбаи 76, законоу|чителѣ 86.

Род.п.: мытари /sic/ 106.

Твор.п.: съ мытари 106.

Из этих флексий остановимся на форме род.п. мн.ч., где контекст следующий: народъ многѣ мытарий инѣхъ. В МЕ, ОЕ в этом падеже употребляется форма мытарь /Мар. 213, ОЕ. 20/. Имеющийся в ТЛ пример род.п. мн.ч. удовлетворительно объясняется из формы -ии с переносом окончания род.п. мн.ч. -ѣ-основ. Однако писец из-за гаплографии мытарий и инѣхъ пропустил последний элемент флексии. Из имеющихся в нашем распоряжении 3-х примеров этого типа склонения два образованы неправильно, они возникли под влиянием основ на -ѣ и -ѡ, что свидетельствует о неустойчивости этого типа склонения в речи писца ТЛ.

Подводя итоги нашим наблюдениям о склонении существительных

в ТЛ, мы можем сказать следующее:

1, В ТЛ сохраняется различие между твердой и мягкой разновидностями типов склонения. Отклонение от этой нормы незначительно и восходит к протографу /например, дат.п. мн.ч. м.р.: йюдеоь/.

2, Разные типы склонения начинают влиять друг на друга, что выражается в переносе флексий. Переносится флексия дат.п. ед.ч. м.р. -ови, -ѣ основ в дат.п. ед.ч. м.р. основ на -ѣ. Переносятся падежные формы из основ на -ѣ в склонение существительного сынъ с основой на -ѣ. Переносится флексия м.п. ед.ч. основ на -ї в склонение существительных с основой на согласный. Переносится окончание -ии род.п. мн.ч. основ на -ї в соответствующий падеж разносклоняемых существительных. Переносится флексия -и им.п. мн.ч. м.р. основ на -ѣ в соответствующую падежную форму гетероклитического существительного.

Перечисленные моменты влияния разных типов склонения имеют место и в памятниках старославянской письменности, и поэтому трудно решить вопрос о том, насколько отражают эти особенности склонения особенности протографа ТЛ и насколько характерны они для речи писца. Однако бесспорным отражением речи писца является единичное употребление твор.п. ед.ч. ср.р. на -ьмь. В ТЛ формы твор.п. ед.ч. м. и ср.р. не в основах на -а попадают только 4 раза. Из них в одном случае употребляется своеобразная флексия, характерная для древнерусского языка.

Звательная форма и двойственное число хорошо сохранены в интересующей нас рукописи.

II. Глагольная система

Глагольные формы представлены в ТЛ сравнительно богато, что дает возможность сделать несколько выводов об их особенностях.

1. Настоящее время

Начнем разбор форм настоящего времени с изучения атематических глаголов, из которых мы отметили употребление глагольных форм от есмь, вѣмь, дамь, ѣмь и имаь:

ѣсмь 1а /3х/, 8а, ѣси 4а, 7а, ѣсть 1а /2х/, 2а, 6б, 7а, 9а /2х/, 10а /2х/, сѣ|ть 1а, нѣсмь 6а, нѣсть 6а, не вѣмь /1 л.ед. ч. / /sic/ 5б, вѣсте 3а, 5б, вѣмь 7а, видать /sic/ вместо вѣ-
дать 1а, дасть 3б /2х/, ѣмь: ѣсть 10б, ѣдать 6а, имамь /sic/
/1 л. ед.ч./ 1б /2х/, имаши 4а, имать 1б.

Как наши примеры показывают, отклонение в написании этих форм можно отметить в 3-х случаях, когда в 1 л. ед.ч. вместо ь пишется -ѣ, что, несомненно, восходит к влиянию протографа.

Тематические глаголы будут рассмотрены нами по классам.

I-ый класс

ижденеть 1а, идѣть 1а /2х/, внидеть 1б, изидеть 1б, придеть 3а /3х/ 5б, спсѣть 1б /2х/, приемоу 1б, възъм|ть 1б, бждеть 2а, 4б /2х/, 6б, 10а, 10б, бж 2а /sic/, привлѣж 2а, бждета 3а, из-
бждеть 4б, градеть 5а, чѣтѣть сж 6б, вьметемь 7б, помогѣть 8б, бждеши 8б, вьнесѣть 8б, можетъ 9а, вьсприймѣть 10а, бждете 10а.

II-ой класс

достанеть 5б.

III-ий класс

ѡврьзаеть 1а, глаша|етъ 1а, знаѣть 1а, глѣж 1а /2х/, 5б, 9а, глѣеть 9а, обращеть 1б, полагаѣ 1б /2х/, прѣбы|ваеть 2а, вѣ-
даѣши 4а, поѣмлѣеть 3а /2х/, оставлѣетъ 3а/2х/, жнѣж 4б, събираѣ 4б, оугасаѣть 5б, бѣсьноуетъ 6а, подобаетъ 6б, ѡпоу|шатъ 8б, 9а, помышлѣетъ 9а, ѡдаѣете 9б, чаѣете 9б, даѣѣть /sic/ 9б-10а, пиѣеть 10б, трѣбѣжъ 10б.

IV-ый класс

ходить 1а, бѣжѣть 1а, любѣ|ть 1б, мѣнить 4б, велить 7а, исхо-
дать 7б, любите 9б, творѣть 9б.

Глагол хотѣти спрягается по третьему классу: хочѣши 6б, хо-
чете 9б.

Из форм тематических глаголов заслуживает внимания форма 1 л. ед.ч. наст.вр.: бж 2а, которая пишется в ТЛ без диакритического знака. Может быть, что писец списывал это слово с протографа и просто забыл поставить титло. Однако существует и другое, более правдоподобное объяснение данной формы. В МЕ

в 3 л. мн.ч. пишется форма бѣтъ, которая похожа на описку. Однако на основании этого рода написаний без титла В. Ягич предполагает, что первоначальной формой 1 л. настоящего времени была бѣ, которая живет еще в некоторых словенских говорах до наших дней³². Возможно, что бѣ действительно сохраняет предполагаемую В. Ягичем архаическую форму 1 л. ед.ч. наст. вр.

2. Формы прошедшего времени

Аорист представлен в ТЛ широко. Однако только те формы аориста вызывают интерес, которые образованы от глаголов с основной на согласный и которые в принципе могли иметь простой аорист, сигматический аорист без соединительного гласного и сигматический аорист с соединительным гласным. Простой аорист не 2-3 л. ед.ч. представлен в ТЛ единственным примером: сего ради придѣ на годи-нѣ си|ѣ³³ 2а. Однако несомненно более поздний корректор написал над формой придѣ суффикс сигматического аориста с тематическим гласным: ох, потому что значение этой формы ему было неизвестным. Подобное исправление форм простого аориста имеет место, например, и в СК³³. Конечно, глаголы с основной на согласный во 2-3 лице ед.ч. имеют, как правило, е:

рече 1а /2х/, 1б, 2а, 3а, 3б, 4а /2х/, 5б, 6а /2х/, 6б, 7б /2х/, 8а, 9а /2х/, 9б, 10а, 10б, приде 1а, 2а, 3б, 5б, приоб^бр| те 3а /2х/, принесе 3б, въниде 7а, изиде 7а, 10а, припаде 8а, иде 10а. Сигматический аорист без соединительного гласного тоже редко попадает в ТЛ: рѣша 5а. Сигматический аорист с соединительным гласным характерен для ТЛ: приоб^брѣтохъ 3б, 4а, ѣзидош^а 5а, вънидош^а 5б, придош^а 5б, придош^а 8а, идош^а 8б, придохъ 10б. В МЕ этим формам соответствуют формы асигматического аориста придѣ, приобрѣтъ, изидѣ, придѣ свидетельствуют о том, что архаические типы аориста консеквентно заменены в ТЛ.

Из глаголов с исторической основой на *-ти в ТЛ представлены следующие: възаш^а 5а, приаш^а 5а, ѡхомъ 7б, обаш^а 8а,

³² Мариинское четвероевангелие..., стр. 447 /там и дальнейшая литература/

³³ Щепкин, В.Н.: Рассуждение о языке Саввиной книги. СПб., 1901, стр. 70.

иша 8а. Следует отметить, что последним трем глагольным формам в МЕ соответствуют образования с суффиксом -с-: исомъ, обаса, иса. Они объясняются вытеснением старой формы более поздними, наличие которых является характерным для ТЛ. Однако, они не являются 'одинокими' в этом отношении: исключительно новые образования с -ш- вместо -с- встречаются в СК, СР. В ЗЕ преобладает новый тип образования аориста³⁴.

Глаголы с основой на гласные образуют, как правило, аорист с суффиксом -х/ш-. В 3 л. ед.ч., за исключением глаголов быти и прийти они имеют нулевую флексию: прославихъ 2а, въдѣхъ 4а, съкрыхъ 4а, съѣахъ 4б, расточихъ 4б, гла 2а, 3б, отвѣща 2а /2х/, 6а, призъва, раскопа 3а, съкры 3б, съѣза са 3б, възгласи 4б, възъпи 6а, 7а, поклони са 6а, и|сѣлѣ 6б, запрѣти 7б, видѣ 7б, прѣста 7б, оузырѣ 10а, съ|твори 10а, приближи са 10б, слыша|хомъ, 2а, видѣхомъ 9б, разоумѣша 1а, послоуша|ша 1а-1б, въздрѣмаша са 5а, вѣсташа 5а, оукрашиша 5а, ѡвѣща|ша 5б, поманоуша 8а, исполниша 8а, 9б, низвѣсиша 9а, начаша 9а. В 3 л. ед.ч. личное окончание встречается в следующих случаях: бысть 1б, 2а, 5а, 7а, приѣтъ 1б, 9б. Из них окончание -тъ восходит к протографу и, несомненно, является книжной, не живой формой. Однако -тъ в 3 л. ед.ч. отражает древнерусское окончание и таким образом форма бысть может объясняться и влиянием живого языка писца, в котором такая форма имела место. Однако, возможно, что бысть представляет собой гибридную форму, в которой 3л. ед.ч. аориста вместо старославянского окончания получает под влиянием живого говора писца древнерусское окончание.

Рассматривая формы аориста в ТЛ, мы можем сказать, что за исключением двух форм /приидѣ и рѣша/ ими представлены только типы в, г, д по классификации Н.Ван-Вейка³⁵, т.е. сигматический аорист с соединительным гласным.

³⁴ Ван-Вейк, Н.: История старославянского языка. М., 1957, стр. 316.

³⁵ Ван-Вейк, Н.: Указ. соч., стр. 310.

Имперфект встречается в большом количестве случаев и выделяется разнообразием форм: гла|аше 1а, 2а, хоташе /в ОЕ - хотъаше/ 2а, подобаше 4б, бѣаше 5а, оучаше 7б, ѡдѣ|жааше 8а, лежааше 9а, идѣаше 10б, гла|ахъ 1б, 2а, съпаахъ 5а, молаахъ 6а, оу|жасахъ 7а, сътазаахъ 7а, и|скаахъ 7б, плакаахъ 7б, протрѣзаа|хъ 8а, бѣа-хъ 8а /2х/, бѣахъ 8б /2х/, и|скаахъ 8б, славлѣаахъ 9б, рѣпта-ахъ 10б, идѣахъ 10б, изношаахъ 10б. Формы аориста в функции имперфекта от глагола есмы тоже встречаются в ТЛ в 3л. ед.ч.: бѣ 5а, 7а /2х/, 7б /2х/, 8б /3х/, 10а. Другой тип имперфекта глагола есмы тоже представлен в исследуемой нами рукописи: бѣаше 5а, бѣахъ 8а /2х/, 8б /2х/. В 3л. двойств.ч. форма бѣаста заменяет более старую и правильную форму: снѣ зеведѣова ѣже /sic/ бѣаста обыщѣ^и |ка 8а, которая встречается и в МЕ: бѣсте /211/. Эта форма заслуживает и дальнейшего внимания, ведь в 3л. двойств.ч. перенесено окончание 2 л. двойств.ч. аориста: -ста. Перенос флексии аориста в имперфект - характерное новообразование кирилловских памятников СК и СР³⁶. Интересно, что в функции окончания 3л. двойств.ч. в ТЛ служит форма 2л. двойств.ч. -ста. Подобные формы в тождественной функции встречаются и в других памятниках русской редакции старославянского языка: моласта, можаста /ЖК/. По мнению К. Мирчева, эти формы восходят к восточноболгарским памятникам³⁷.

К. к. наши примеры показывают, для ТЛ характерно сохранение суффи. сов имперфекта без стяжения. В двух случаях в ОЕ этим формам соответствуют стяженные формы: подобаше, оучаше. В ТЛ в этом отношении имеются расхождения с СК, где представлены только стяженные формы и ближе стоят к СР, для которой характерно наличие не стяженных форм в имперфекте. Эти формы без стяжения, несомненно, восходят к протографу, с которого механически были перенесены их писцом. В отличие от ОЕ¹, где встречается форма 3 л. ед.ч. хотѣаше, в ТЛ мы имеем дело с новообразованием хотѣаше, которое возникло путем переноса суффикса -аах из других типов имперфекта. Эту черту морфологии ТЛ мы можем считать несомненным русизмом³⁸.

³⁶ Ван-Вейк, Н.: Указ. соч., стр. 320.

³⁷ Мирчев, К.: Старобългарски език. С., 1972, стр. 77.

³⁸ Ван-Вейк, Н.: Указ. соч., стр. 321.

Форма хот~~а~~ше встречается и в ОЕ¹, где - по мнению Ф.Ф. Фортунатова замена буквы ѣ буквой а передает произношение русского писца³⁹.

Интересным примером "переосмысления" имперфекта является форма 2 л. ед.ч. наст.вр.: вѣда~~ѣ~~ши ꙗко жьнѣ|ѣдеже не сѣ~~а~~хъ 4б /Мт. XXV: 26/. В ОЕ этому местоу соответствует: вѣдѣше. В МЕ тоже встречается форма имперфекта без стяжения: вѣдѣ|аше, а в ЗЕ и СК имперфект со стяжением: вѣдѣше. Возможно, что в данном случае форма имперфекта была заменена писцом ТЛ, для которого 2 л. ед.ч. наст.вр. было более понятным, чем имперфект.

Перфект и плюсquamперфект образуются правильно и ничем не выделяются: пришьль ꙗси, ꙗси прѣдаль 3б, 4а, нѣси сѣ~~а~~ль 4а, бѣ~~а~~хѣ пришьли 8б.

3. Наклонения

Рассмотрев формы настоящего времени, мы разобрали и особенности изъявительного наклонения, которые правильно образуются.

В ТЛ встречаются и формы повелительного наклонения. Простые формы повелительного наклонения были отмечены нами в следующих случаях:

А. Тематические глаголы

I-ый класс:

2 л. ед.ч.

2 л. мн.ч.

въниди 4а /3х/,

ѡврьѣи 5б

помози 6а,

бѣди 6б,

бѣдѣте 3а, бѣдете sic 10а,

/ =МЕ.: бѣдѣте, ОЕ.: бѣдете/

остани 7а,

ѣзиди 7а, 8а,

възѣди 7б,

въстани 9а,

йди 9а, 10а,

въ|зьми 9а,

идѣте 5б

възьмѣ|те 4б, въметѣте 7б

³⁹ Фортунатов, Ф.Ф.: Указ. соч., 2.

III класс:

помилоуи 6а,
ици 6б /2х в заглавии ев.
чтений/
прослави 2а,
ѡпоусти 6а,
прѣмльчи 7а,
ходи 9а,
3 л. оуподоби 5а,

исходите 5а,

бѣдите 3а, 5б, творите 9б,
10а, любите 10а.

Б. Атематические глаголы

2 л. мн.ч.: вѣдите 3а, дадите 4б, 5а. Хотя вместо формы 2 л. мн.ч. - дадите /которая встречается и в АссЕ/, в ТЛ имеется форма даите 10а, как и в ОЕ. Замену формы атематического глагола тематической мы не можем считать русизмом, поскольку форма даите представлена и в МЕ.

Описательные конструкции повелительного наклонения сравнительно редки: да слыть /sic/ 4б вместо слышитъ /описка/, да оувѣсте 9а, да творѣть 9б. Этим формам и в ОЕ соответствуют описательные конструкции.

Условное наклонение представлено только несколькими примерами: бы вѣдѣль 3а, бѣдѣль ... бы 3а, не бы оставиль 3а, възаль быхъ 4б. Последняя форма встречается и в ОЕ, однако МЕ имеет в функции вспомогательного глагола бимь. В ТЛ встречается характерная для кирилловских рукописей конструкция со вспомогательным глаголом быхъ⁴⁰.

Причастия

Причастия богато представлены в интересующей нас рукописи. Действительные причастия настоящего времени в краткой форме были обнаружены нами в следующих случаях:

---

⁴⁰ Ван-Вейк, Н.: Указ. соч., стр. 308.

Действительные причастия настоящего времени представлены в ТЛ в большом количестве.

Ед.ч.

Им.п. м. и ср.р.: клепла 2а, жъна 4а, събираѣа 4а, стоа , гъла 4б, 7а, 7б, 8а, имѣна 4б, оуча 7а, 8б, лова 8а, слава 9б,

Род.п.: сѣдаща 10а.

Дат.п.: мѣдащу 5а.

Мн.ч.

Им.п. м.р.: гънѣше 6а, 7а, 9а, 9б, 10б, носаще 8б, сѣдаще 8б, чаѣще 10а, възлежаще 10б, болаще 10б.

Им.-вин.п. двойств.ч.: стояща 7б.

Ед.ч. им.п. ж.р.: гънѣщи 6а/2х/,

Мн.ч. им.-вин.п. ж.р.: гънѣща 5б/2х/.

Им.-вин.п. двойств.ч.: дѣвѣ мелючи 3а.

Им.п.-вин.п. двойств.ч. м.р.: /видѣ дѣва кораблица/ стоѣща 7б.

Действительные причастия прошедшего времени образованы с помощью суффиксов -ѣ, -ѣш, -ѣ, -ѣш, -вѣ, -вѣш:

Ед.ч. им.п. м. и ср.р.: шѣдѣ 3б/2х/, 4а, 4б, сѣдѣ 7б, вълѣзѣ 7б, възѣмѣ 9а, поврѣгѣ 7а.

Вин.-род.п.: умѣрѣша 10б.

Мн.ч. им.п. м.р.: извезѣше 8а, пришѣдѣше 8а, ошѣдѣше 7б, обрѣтъше 8б, вълѣзѣше 8б.

Ед.ч. им.-вин.п. ж.р.: примѣша 5а/2х/.

Характерной особенностью морфологии интересующей нас рукописи является частое употребление и сохранность суффикса -ѣ, -ѣш в прошедшем времени.

Ед.ч. им.п. м. и ср.р.: при|стѣплѣ 3б, 4а, /2х/, поврѣждѣ 7а, оставлѣ 10а.

Мн.ч. им.п. м.р.: оставлѣше 8б, сътворѣше 8а, трѣ|ждѣше 7б, пристѣплѣше 6а.

В исключительном употреблении суффикса -ѣ, -ѣш ТЛ роднят с такими памятниками старославянского языка, как Клоц., Асс.Е., СПс, Охр.Е., ЛУ, в которых преобладают эти формы или в них являются исключительными /Охр.Е., ЛУ/. Следует указать и на то, что эти

формы в ОЕ имеют полное соответствие⁴¹.

Суффикс -в-, -въш- употребляется в следующих случаях:

Ед.ч. им.п. м. и ср.р.: слышавъ 2а, ѿвѣщавъ 4а, 5б, 6а /4х/, 7б, 9а, 10б, оубоявъся 4а, видѣвъ 8а, 8б, въставъ 9а, 10а, разоумѣвъ 9а.

Страдательные причастия встречаются только спорадично.

Ед.ч. им.-вин.п. м. и ср.р. страдательных причастий: възнесе|нь 2а, изъ|нанъ 2а, посланъ 6а, ослабленъ 8б, дано 4б, взято.

Им.п. мн.ч. ж.р.: затворены /двери/ 5б.

Из других именных форм следует остановиться на инфинитиве и супине. Формы инфинитива не вызывают замечаний, т.к. они образованы правильно: оумрѣти 2а, слышати 4б, въдати 4б, ѡтати 6а, по|врѣщи 6а, вѣдѣти 6б, възати 7б, погрѣ|жати сѧ 8а, цѣлити 8б, вънести 8б, положити 8б, реши 9а /2х/.

Употребление супина было отмечено нами в следующих случаях: коупити 5б, погоубити 7а, призвать 10б. Эти формы супина имеют соответствия и в ОЕ.

Рассмотрев именные формы глаголов, можно подвести итоги нашим наблюдениям: краткие причастия прагильно употребляются в ТЛ: они сохраняют согласование в роде, числе и падеже. Подобным же образом не вызывают замечаний и инфинитив, и супин.

IV. Лексические особенности

/Э. Хоргоши/

1. На лексические особенности текста ТЛ обращал внимание и Петр А.Гильтебрандт в своей работе, когда писал следующее: "Не касаясь отмен и различий во флексиях, указываем на разницу в составе лексическом: двѣрьникъ /ТЕ/ - вратарь /ОЕ/, клепла - знаменѧ, въкжѣ стражѣ - въкжѣ ночь, подърѣти - подькопати, рѣша - рекоша, въ съньмищи - въ съборищи, възати - отьступити, въметень - въврѣжень, испльниша - наплъниша, свозѣ скудьлы - сквозѣ покровъ, дивьна - прѣславна, милосръди - милостиви,

⁴¹ Ван-Вейк, Н.: Указ. соч., стр. 325.

мытарѣа - мѣздоимѣа, величе - велико. Любопытны два сокращения: бѣа= бѣдѣа, слыть - слышеть."⁴²

Кроме этого места, во второй части своей работы, в редакции древнего текста ТЛ П.А.Гильдебрандт, давая параллельно и современный текст евангелия, дал и отмены по Остромирову евангелию внизу каждой страницы под чертой.

Тщательное изучение лексики текста кроме перечисленных П.А. Гильдебрандтом отмен. и различий дало бы богатый материал и больше примеров для подробного лексического анализа текста. П.А.Гильдебрандт только перечислил эти различия без указания места в евангельских чтениях и без сравнения с другими памятниками /кроме ОЕ/.

Лексические соответствия и различия наблюдаются в разных работах многих ученых начиная с В. Ягича и В. Вондрака до наших дней. Была сделана и кропотливая попытка показа развития лексической стороны старославянского евангелия, как это наблюдается в труде чешского академика К. Горалека: "Evangeliáře a Čtveroevangelia."⁴³ А в последние десятилетия Л.П. Жуковская, А.С. Львов, Р.П. Цейтлин не раз обращались к лексическому анализу старославянских и древнерусских рукописей⁴⁴. Мы склонны принять мнение Л.П. Жуковской, касаясь лексического анализа древних текстов: "На лексический фонд памятников, переведенных на старославянский язык и бытовавших в Древней Руси, исследователи обращают очень мало внимания. Не фиксируется словарь древнерусских богослужебных книг, формировавших словарь древнерусского образованного человека, и в составляющемся словаре древнерусского языка XI-XIV вв."⁴⁵ Так решили мы после традиционного описания текста ТЛ дать и краткий лексический анализ рукописи.

---

⁴² Туровское евангелие одиннадцатого вѣка, редакция текста и объяснения П.А. Гильдебрандта. Издание книгопродавца-печатника А.Г.Сыркина, Вильна, Печать А.Г. Сыркина, 1869, стр. 10.

⁴³ Karel Horálek, *Evangeliáře a Čtveroevangelia*, Státní Pedagogické Nakladatelství, Praha, 1954.

⁴⁴ А.С. Львов: *Очерки по лексике памятников старославянской письменности*, М., 1966.

⁴⁵ Л.П. Жуковская: *О некоторых проблемах истории русского литературного языка древнейшего периода*, вѣ, 1972, № 5, стр. 68.

Л.П. Жуковская кроме упомянутой статьи, опубликованной ею в журнале "Вопросы языкознания", посвятила целую монографию разработке теории и практики изучения лексики древних текстов. Л.П. Жуковская в своей монографии "Текстология и язык древнейших славянских памятников" не только описывает теоретические основы методов лингвистического анализа памятников письменности традиционного содержания, но и дает сведения по терминологическим деталям: о понятии лексических вариантов или дублетов, употреблявшихся как синонимы на всем протяжении старшего периода русского языка, и дает классификацию лексических вариантов с разных точек зрения. Жуковская в своей монографии дает показательный пример текстологического анализа повторяющихся текстов Мстиславова евангелия 1115-1117 гг. Принимая в полной мере высказывания и положения автора, что для текстологического анализа больше всего подходят места, написанные в одной и той же рукописи не только один раз, а повторно в разных чтениях. К сожалению, параллельных мест в ТЛ нет, но, руководствуясь и другими высказываниями Л.П. Жуковской, мы решили показать лексические особенности ТЛ XI в. Она призывает в своей монографии к исследованию всех сохранившихся сверх-кратких апракосов в текстологическом и языковом отношении, когда пишет следующее: "Нам представляется необходимым прежде всего обратить внимание на схождение и расхождения чтений по содержанию самых древних из числа сохранившихся рукописей Евангелия дошедших до нас в рукописях X-XI вв."⁴⁶

2. В нашем анализе мы употребляли все краткие сведения П.А. Гильдебрандта. Сопоставим текст ТЛ с текстами Остромирова евангелия и Добрилова евангелия /1164 г./ и обратимся ко всем примерам, приведенным Л.П. Жуковской по текстологическому анализу Мстиславова евангелия. Не будем заниматься расхождениями текста, не имеющими лексического значения и таким образом упустим из виду особые типы вариантов, например, а/ графические варианты /оче ТЛ - отъче ОЕ/, б/ грамматические варианты /въ въкъ ТЛ - въ въкъ ОЕ, како ты глѹ 2а ТЛ - како ты глѣши ОЕ/, в/ описки /видать

---

⁴⁶ Жуковская, Л.П.: Текстология и язык древнейших славянских памятников. Изд-во "Наука", М., 1976, стр. 257.

гласъ его 1а ТЛ - вѣдѣть ОЕ и ДЕ/. Наш лексический анализ дается по частям речи /на левой стороне всегда помещаются данные из ТЛ/.

Существительные

Иа.10.3. двѣрникъ 1а	ОЕ. вратарь, ДЕ. дверникъ
Мт.24.43. вѣкъ стражъ 3а	ОЕ. ночь, ДЕ. стража
Л.5.19. сквѣрь скудьлы 8в	ОЕ. покровъ, ДЕ. стропы

Об этом слове К.Горалек пишет следующее: "Lc 5.19.А Кр Nb Š Ko skozě skqđylv - *δὲ τῶν περάων*, О Vč Dš Т С. покровъ, Р С. дѣскоу, М Z G Na S /Vajs/ s. skqđelъ, Ju Ms Dl Ty Sy Nz с. стропъ, Ar с. сквѣльникъ, Dš ѿмше покровъ. А. etc. mají zde pl. těsnějším příklonem k originálu."⁴⁷ /у Горалека прописные буквы - рукописи, Ó = ОЕ, ДІ = ДЕ/.

Л.4.33. въ снѣици 7а,	ОЕ. въсьбориши,	ДЕ. въсбориши,
Ио.10.2. пастырь 1а,	ОЕ. пастырь,	ДЕ. пастоухъ,
Л.5.20. кѣнижъници 9а,	ОЕ. кѣнижъчии,	
Мт.24.43. храминъ своеи	ОЕ. храмоу,	ДЕ. храма,
Л.5.27. мытаръ 10а,	ОЕ. мѣздоимѣца,	ДЕ. мытарь,
Мт.24.42. въ кѣни годинѣ		ДЕ. въкни чѣ 104а,
Л.5.8. къ колѣнома ісво- ма 8а,	ОЕ. къ колѣнома иісовама,	ДЕ. къ ногама ісовама ,
Л.5.11. на зе мль 8ав,	ОЕ. на земль,	ДЕ. на соухо 111а.

В ТЛ и ОЕ употребляется существительное, а в ДЕ - прилагательное. На это расхождение К.Горалек дает интересное объяснение: "Lc. 5.11 se vyskutuje v starých tetrech a ruských aprakosech na sucho, krátké evangeliáře a pozdní tetra mají zde na zemlji, ale zde je věc komplikována kolísáním řeckých rukopisů, jež mají vedle běžného *ἐπὶ τῆς γῆς* také *ἐπὶ τοῦ ξηροῦ*. V Lc.5.11. mohl A vzor pro variantu na sucho, ještě než ji sám opravil na zemlji."⁴⁸

Л.5.29. ложе твоѣ 9а,	ДЕ. ложе своѣ 110в,
Л.5.20. съ ложьмъ 8в,	ДЕ. съ одромъ 113в,

⁴⁷ Горалек, К.: Указ. соч., стр. 107.

⁴⁸ Горалек, К.: Указ. соч., стр. 88.

Обращаем внимание на два существительных ТЛ, которые в ОЕ и ДЕ имеют не только свой синонимичный вариант, но и значительные графические и лексические расхождения:

Мт.25.1. свѣтильникъ 5а,	ДЕ. свѣща 105а,
Мт.25.4. съ свѣтильницы 5а,	ДЕ. съ свѣщами 105а,
но: Мт.25.7. свѣтильницы своѧ 5а,	ДЕ. свѣтила своѧ 105а,
Мт.25.8. свѣтильници наши 5б,	ДЕ. свѣтила наша 105а.

Как видно, на одном листке может иметься лексическое расхождение /ср. ДЕ/ без параллельного места, и этот факт тоже утверждает значение изучения лексической стороны и фрагментов древних рукописей. Р.М. Цейтлин принимает за дублиеты свѣтильникъ - свѣтило, но не приводит в их ряд слово свѣща⁴⁹.

А другое такое слово:

Мт.25.4. ѡлѣи 5а,	ОЕ. елѣи,	ДЕ. масло,
Мт.25.8. ѡлѣѧ 5а,	ОЕ. отъ ѡлѣѧ,	ДЕ. масла дрѣвѧнаго.

В ТЛ и ОЕ употребляется греческая форма, в Мстист. евангелии в разных местах параллельно наблюдаются елѣѧ, елѣи⁵⁰, в ДЕ употребляется только народная славянская форма, и ко второму примеру еще прибавляется и определение, отсутствующее и в ТЛ, и в ОЕ. Один раз в ТЛ употребляется существительное, а в ОЕ на том же месте употреблено местоимение: Ио.12.30.: нѣ народа ради 2а - нѣ васъ ради.

Прилагательные

Мт.25.2. бжи 5а,	ОЕ. боуи,	ДЕ. оуродивъ,
Мт.25.3. бжѧѧ 5а,	ОЕ. боуѧѧ,	ДЕ. оуродивы
Л.5.26. дивѧна 9в,	ОЕ. прѣславѧна,	ДЕ. дивѧна
Л.6.36. ми лосрѣди 10а,	ОЕ. милостиви,	ДЕ. милосрѣди,
велиѧ 6б, вели-	ОЕ. велика, вели-	ДЕ. велика, великомъ,
ѣмъ 7а, велиѣ	ѣмъ, велико,	великоѣ.
10а,		

⁴⁹ Цейтлин, Р.М.: Характеристика лексических и словообразовательных средств старославянского языка, Славянское языкознание, VII Международный съезд славистов, Изд-во "Наука", М., 1973, стр. 421.

⁵⁰ Жуковская, Л.П.: Текстология, указ. соч., стр. 136.

Из дублетов велике Р.М. Цейтлин считает охридским, а великъ - преславским⁵¹.

Местоимения

Наблюдается и чередование притяжательных местоимений:

Л.5.24. ложе твоѣ 9а	ДЕ. ложе своѣ 110б
Л.5.24. въ домъ свои 9а	ДЕ. въ/домъ твои 110б.

Проблематичным казалось на последнем листке ТЛ слово ин, к которому подходит в ОЕ едино /Л.7.12./, но сравнение с другими источниками показало, что в ТЛ сна ин 10б это отражено от сложного слова иночадь, которое должно следовать на отсутствующем листке /ср.

К.Горалек: "Lc 7.12 A O VČ P T N edinočedь, M Z G Ds /Vajs/ inočed. Viz Lc 8.42.", но, может быть, которое совсем не вероятно - и какая-то краткая, сокращенная форма, существование которой утверждается цитированным К.Горалекком примером "иноч" из Никольского евангелия XIV в.⁵²

Глаголы

Ио.12.33. клепаа 2а,	ОЕ. знамена ,	ДЕ. знаменаа,
Л.5.5. вьметемь 7б,	ОЕ. вьврьжемь,	ДЕ. вьвержемь,
Л.5.7. испльниша 8а,	ОЕ. наплъниша ,	ДЕ. наплъниша ,
Л.5.26. испльнишаса 9б,	ОЕ. наплънишаса,	ДЕ. наплънишаса ,
Мт.24.43. подь рыти 3а,	ОЕ. подькопати,	ДЕ. подькопати,
Мт. градеть 5а,	ОЕ. идеть	

В Мстисл. св. параллельно употребляется: женихъ градеть - женихъ идеть.⁵³

Мт.15.23. вьпичеть 6а,	ОЕ. вьпичеть,	ДЕ. крѣчить,
Л.5.3. ѿземла възати мало 7б,		ДЕ. ѿземла стоупи- ти мало 110а.

В Мт.25.1. оуподоби|са 5а. Вместо личного глагола в ОЕ имеется краткое прилагательное со связкой: подобьно ѹсть. Сюда причислим и причастие Мт.25.5. ТЛ: мѹдаѹо 5а, ОЕ: моудаѹоу, но ДЕ: мед-

⁵¹ Цейтлин, Р.М.: Указ. соч., стр. 418.

⁵² Горалек, К.: Указ. соч., стр. 107, 108.

⁵³ Жуковская, Л.П.: Текстология, указ. соч., стр.159.

лѣанию 105а.

Следующая вспомогательная глагольная форма вызывает особый интерес: Л.5.18. искаахъ внести 86 /современный библейский текст: "старались внести"/. Мы считаем это выражение древнеболгаризмом; наше предположение подтверждается высказыванием Л.П. Жуковской: "Некоторые особенности русских списков, возможно, отражают поздние /или поздно зафиксированные/ черты южнославянских промежуточных списков. Видимо, таким примером будет употребление глагола ищете вместо хощете в Сийском ев. 1340 г. /182 г., Мт. XXII.17/ - южнославянизм."⁵⁴ По нашим данным, такой пример наблюдается уже в XI в, и это с другими южнославянизмами, древними формами из первоначального апракоса: моудити, подърыти, клепати, и с некоторыми существительными, принадлежащими к "древнему слою" лексики, несомненно, утверждают списывание ТЛ с древнеболгарского протографа.

В заключение нашего лексического анализа приведем одну параллельную часть по ТЛ и по Мст.ев. /последнюю по цитате Л.П. Жуковской⁵⁵./ Автор в своей книге показывает 4 параллельных текста /чтения/ из Мстиславова евангелия /пт.10 по пд., 53а; сб.16 по пд., 66б; вт. страст.лит. 136аб; 30 сентября, 170В/. Мы даем текст Мт. 24.42-43 из обоих евангелий чтения вт. страст.литургии, но в дальнейшем и обратим внимание на самые существенные лексические особенности всех чтений:

ТЛ

бѣдите оубо
ѣако не вѣсте
въ кѣмъ година
гѣ вашъ придетъ
се же вѣдите
ѣако аще
б^н вѣдѣль
г^нподинъ
храмины
въ кѣмъ стража
татъ придетъ

Мст.Е.

бѣдите оубо
ѣако не вѣсте
въкни часъ
гѣ вашъ придетъ
се же вѣдите
ѣако аще
бы вѣдѣль
г^ннь
храма
въ коую стражу
татъ придетъ

⁵⁴ Жуковская, Л.П.: Текстология, указ. соч., стр.98.

⁵⁵ Жуковская, Л.П.: Текстология, указ. соч., стр. 133.

бѣдѣ оубо бы
и не бы оставилъ
подѣрыти
храмины своего
сего ради и вы
бѣдѣте готови

Мт. 24. 42-43, 3а

бѣдѣ оубо бы
и не бы оставилъ
подѣкопати
храма своего
сего ради и вы
боудѣте готови

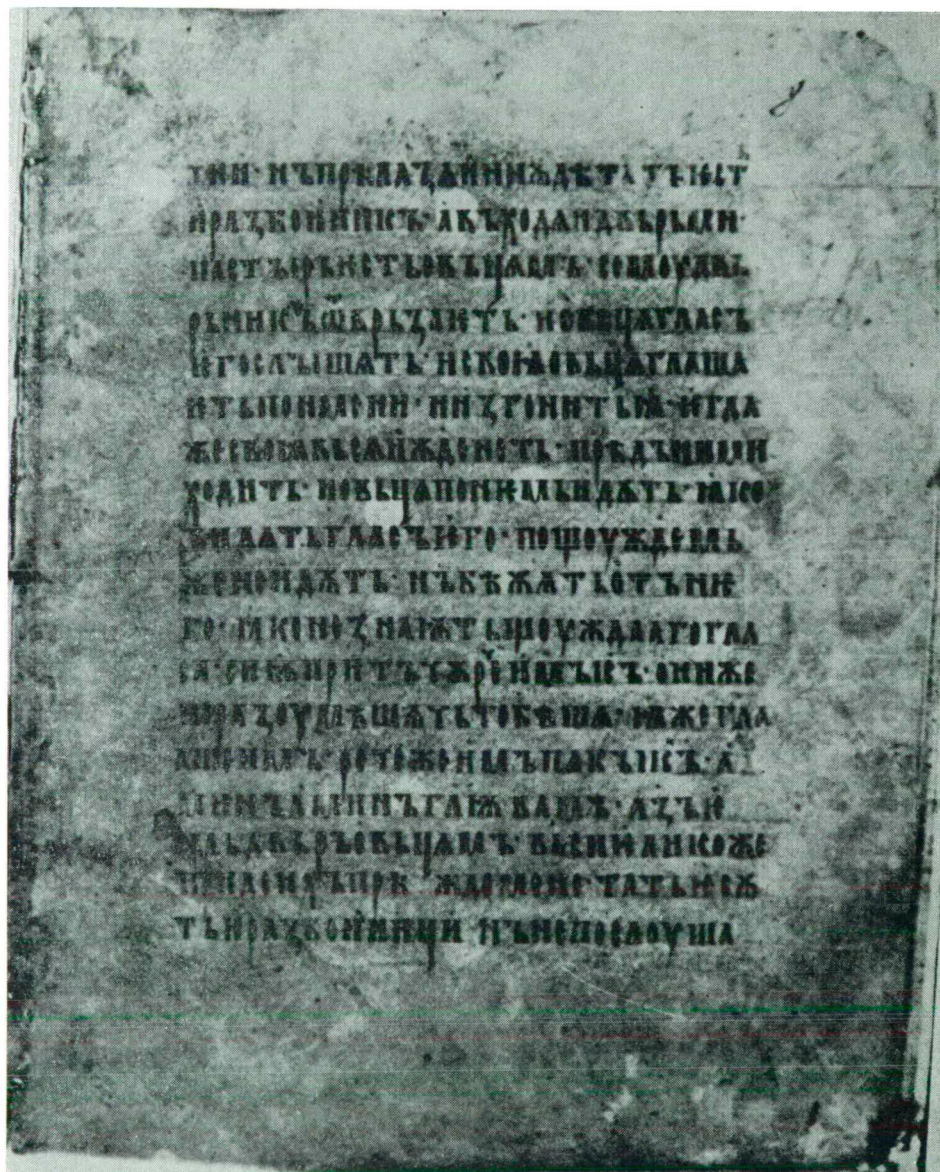
/Л.П.Жуковская: Текстология, стр. 133/.

Наиболее важные /существенные/ расхождения: в ТЛ: въкѣ~~хъ~~ годинѣ, а в Мст.: во всех 4 чтениях: въ кѣи часѣ. В ТЛ: господинъ храмины, а в первых двух чтениях /пт.10 и пд. и сб.16 по пд./ Мст.Е. только господинъ без дополнения, а в последних двух /в страст.лит. и 30 сент./ гнѣ храма и господинъ храма стоят. В ТЛ подѣрыти, а во всех 4 чтениях Мст.Е. стоит подѣкопати; в ТЛ после глагола подѣрыти употребляется родительный падеж, напротив, в первых двух чтениях Мст.Е. стоит слово клѣти, в показанной части стоит храма своего /также род.п./, а в чтении на 30 сент. находится форма: домоу своего. Последнее место, по нашему мнению, самое интересное: в 4 чтениях 3 варианта, и ни один не сходен с формой по ТЛ. Интересно также здесь отметить, что за показом текста Л.П. Жуковская дает словарь-указатель имен существительных и там тоже нет слова храмина.⁵⁶/.

3. Нам кажется, что анализ лексики ТЛ указывает на потребность лексического анализа и кратких и неполных рукописей древнейшего времени, потому что и они имеют богатство вариантов, и могут иметь до сих пор мало изученные и известные семантические возможности, вариации. Как было видно из нашего анализа, некоторые лексические различия ТЛ относятся к числу хорошо знакомых лексических вариантов старославянского и древнерусского языков /см. година-часѣ, пастырѣ-пастухѣ и др./, но, возможно, нам удалось показать хотя бы один такой пример, который может послужить более точному определению происхождения ТЛ по месту и по времени /ср. искаахъ вънести 86/.

⁵⁶ Жуковская, Л.П.: Текстология, указ. соч., стр. 140-141.

ШАНУТОВЕЦА АЗЪНІМІДЗВОНИ
НОЖАНИКЪТОКЪННДЪТЪСІЕТЪ
КЪННДЪТЪНІЗНДЪТЪНІПАНТЪ
СЕРДЦЕТА

ВЪПЛАТЪКЪСІМЪСІКА

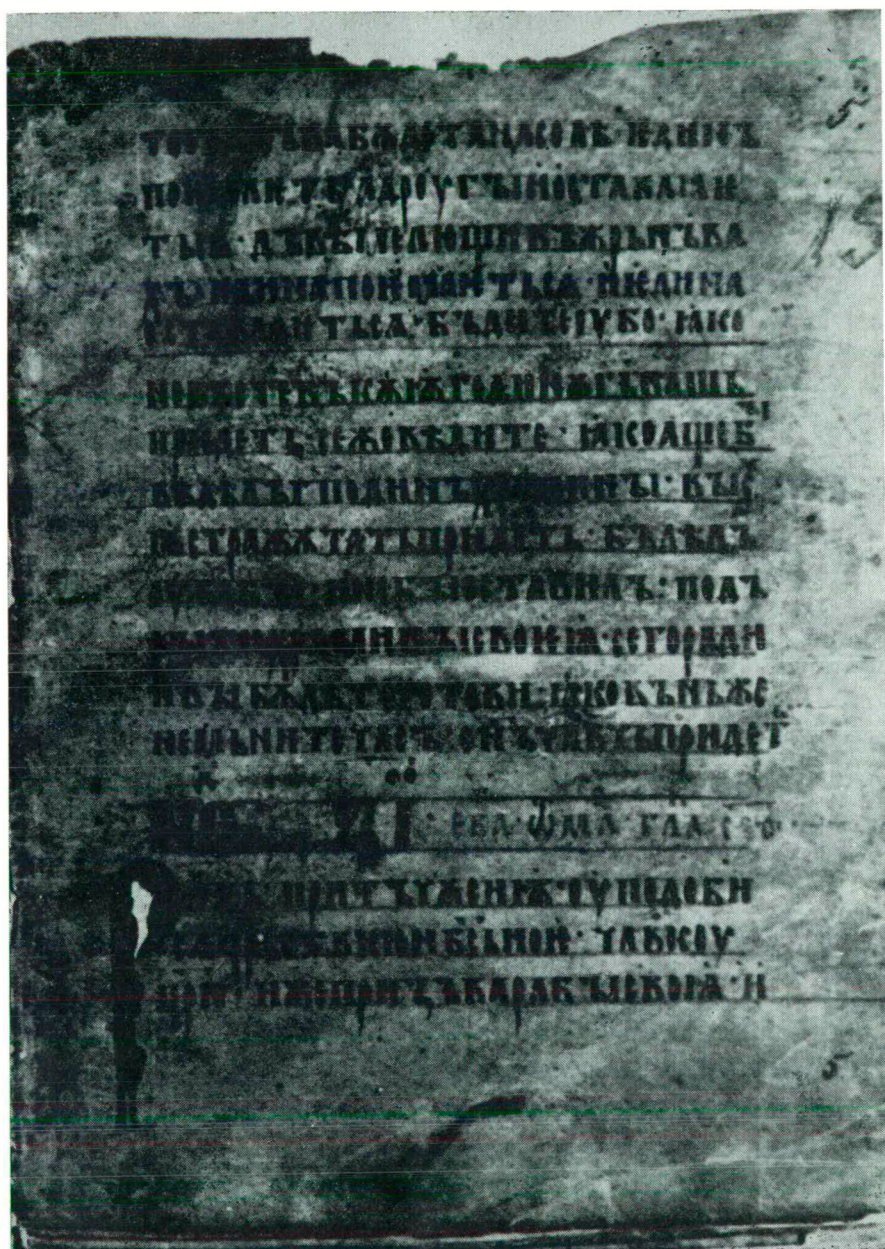
ОНІОМА ГЛАВА СІМІ
ЕТЪКЪПОНІШДЪШНІМЪКЪНІ
ЛОУНІОСОМЪСІТОРАНИЛІАІАІА
ТЪНІСОАУПЛАТАІАІАІАІАІА
ІІПОНІАІАІАІАІАІАІАІА
ТЪНІАІАІАІАІАІАІАІАІА
ОКАСІАІАІАІАІАІАІАІА
КАЛІАІАІАІАІАІАІАІА
ІАІАІАІАІАІАІАІАІА
ІАІАІАІАІАІАІАІАІА
ІАІАІАІАІАІАІАІАІА
ІАІАІАІАІАІАІАІАІА

ДАТЬ НАДЪМЪННЕСКОМЪ МОЛО
ДАТЬ ПАТЬТАЛАНТЪ ОКОМОУЖЕ
ДЪБА ОКОМОУЖЕНДАНЪ КОМОУ
ЖДОПРЕТНЪЖЕНЛЕСКОМЪ НОТНА
АБНН ШЪДЪЖЕПРННМЪНПАТЪ
ТАЛАНТЪ ДЪЛАОННХЪ НПРОБЪ
ТЕДРОУГЪЖПАТЬТАЛАНТЪ ТА
КОЖДЕ НЖЕДЪКА ПРНБЪТЕДРОУ
ГЛАДЪКА АЩЕННМЪННДАНЪ
ШЪДЪРАСКОМЪЖЕЛАЖ НЪКРЪС
РЕБРОГАСКОМЪ ПОДЪНОУЖЕЖЕ
МНН ПРНДЪРАБЪТЕХЪ НЪ
ТАДАМО СЛОВЕСИ СЪНННН НПРО
СТЪПЪПРННМЪНПАТЬТАЛА
НЪТЪ ПРННЕСДРОУГЪЖПАТЬ
ЛАНЪТЪ ГЛАЖМОУГН ПАТЬТА
НЪТЪМННН ПРНДААЪ СЕДРОУГЪ
ЖПРНБЪТОХЪННН РЕЖМОУГЪ

4
НГО ДОБРОУ РАКИ КЛГЪ И ННННН
НН ОЛАЛЕБЪБЪРЪНЪ НАДЪМЪМ
ГЪ И МНТА ПОСТАКАМЪ БЪМНАН
БЪ РАДОСТЬ ГАСКОГО ННННННН
ЖЕН ПРНННННННННННННННН
ГН ДЪБАТАЛАНЪТА И ННННННН
АЪ СЕДОУГАМАДЪБА ПРННННННН
ННННННННННННННННННННН
БАГЪ И ННННННННННННННН
НЪ НАДЪМЪМННННННННННН
БЪМНАНННННННННННННННН
СТЪ ПЛЪЖЕН ПРННННННННННН
ТАЛАНЪТЪ ГН БЪДЪХЪТА Н
КОЖЕТОКЪ И ННННННННННН
ДЖЕННННННННННННННННН
ЖЕН РАСТОУНАЪ НОУБОМЪБЪСАШЪ
АЪ СЪКРЫХЪ ТАЛАНЪТЪ ТКОМЪ
ЗЕЛАН СЕНДАШНСКОЙ ФКЕЩАВЪ

ЖЕБЪНГОРЕНЛОУ·ЗЖИПРАКЕН
 АКНИКЫН·КЕДАНШНРАСОЖЕНН
 НДЕЖЕНЕСКРАХЪ·НЪБЕНРАЖ·ЖА
 ЖЕРАТОНУХЪ·ПОДОКАШЕСТНОУ
 БОКЪЛАТИ·СЕРБРОМОУ·ТРЪЖЫН
 КОМЪ·НПОНШЪДЪАЗЪБЪДАЛЪОУ
 БОКЪХЪСКОЕЪАНХЪОЖ·БЪЗЪДЕ
 ТВОУБЪОЖНГОТАЛАНЪТЪ·НААН
 ТЕНМОУЦИОУМОУ·ДЕСАТЬ·ТАЛА
 НЪТЪ·НМОУЦИЖОУ·МОУБОВЫБА
 ДАНОБЖДЕТЬ·ННЗБЖДЕТЬ·АЖНЕ
 ННЖЩААГО·ННЖАЩЕЦЕННТЬ
 САНМЕГА·БЪЗАТОБЖДЕТЬ·ОЖНЕ
 ГО·СЕГЛАКЪЗГЛАСН·ННДЪАНОУ
 ШНСАТЫШАТНАДЕСЯТЬ·

СЖБЕ·ЗІ·ЕВА·ФМА·ТЛА·

5
 19
СѢ. ПРИТЪЖЕНО. СУПОДОИ
 СЛЦОТЪМЪНЪСЬНЪ. ДОАТН
 ДБЪ. ИЖЕПРННДЪШАБЕТНЛ
 ННКЪСКОМЪ. ИЗНДОШАПОТНВЪ
 ЖЕННХУННЪКЪСТЪ. ПАТЪЖЕБЪ
 АННННХЪБЖИ. ИНАТЪЖЕБЪ
 БЖИЖЕБЪ. ПРННДЪШАБЕТНЛ
 ННКЪСКОМЪ. ИКЪЗАШАБЪСКОМЪ
 ОЛЕА. АННДЪЖИПРННДЪШАБЪСКО
 ЖЕЛЕНКЪБЪДЪЖЪ. СЪБЕТНЛ
 ННКЪСКОМЪ. ИЖДАШОЖЕЖЕНН
 ХУ. КЪЗДРЪДЪШАБЪСАНЪШАА
 ХЪ. ПОЛОУНОЩНЖЕБЪПАБЪКЪСТЪ
 СЕЖЕННХЪГРАДЕТЪ. ИСУДНТЕБЪ
 СЪРЪТЕННННМОУ. ТОГЛАБЪСТА
 ШАБЪАДЪБЪТЪ. НОУКОДНШАБЪ
 ТНАНННКЪСКОМЪ. АКЪЛАДЪРЪША
 АННДЪЖИЖЕБЪ. ДАДНТЪНАНЪСЪОЛЕА

ВАШЕГО ПОСВѢТНАМИЦНАШ
 ОУТАСАЖТЬ ОУВѢЩАШАЖЕ КАЗА
 СЯ ГЛАЖИША ЕДИНАКО НЕ ДОСТАНЕТЬ НА
 МЪ НКАМЪ НАДЪТЕЖЕ ПАУКЪ ПРО
 ДАЖШННАМЪ И КУПИТЕ СЕБѢ НА ОУ
 ПРАДЪЖЕНІА КУПИТЬ ПОНДЖЕ
 ПНХЪ ГИГОТОВЪ ІАКЪ НАДШАСТН
 МЪ НАБРАКЪ ИЗЪТКОРЕНЪ БЫША
 ДКЪРН ПОСЛЕДНЖЕ ПРИБОША И ПРО
 УАМЪ ДБЫ ГЛАЖИША ГИГН ОУБРЪЗН
 НАМЪ ОНЪ ЖЕ ОУВѢЩАВЪРЪ АКИНН
 ГЛАЖКАМЪ НЕКЕМЪ БАСЪ БЪАНТЕ
 ОУБО ИКО НЕ БЪСТІДН ЕННТАСА БЪ
 НЪЖЕ СНЪТАВЪ ПОНДЕТЬ

* NE ZI . ЕКА . ОЛА . ГЛА . РИЗ .
 ВЪ КРЪШАНО ИЗНАСЪ КЪ СТРА
 НЖУРЬСКЖИ СНОДОНЬСКЖИ СЕЖИ

ХАНАНЕНСКА ѿ ПОКАЗАТЕХЪ И
ШЕДЪШИБЪЗЪНИГАЖИИ ПОМИ
ЛОУНМАГНЕНЕБАКЪ ДЪШНЛОИ
ЗЪЛКЪСЪМОУИТЪСА ОНЪЖЕНЕ
КЪШАИИ И ИАСТЪПЛЕШЕ
ОУТЕНИИ ИАСТЪПЛЕШЕ
ѿ ПОУСТЫНИИ ИАСТЪПЛЕ
ДЪНАСТЪ ОНЪЖЕ ѿКЪЩАКЪРЕ НЕ
СЛЪПОСЪЛАНЪ ТЪКЪМОКЪОБЪЦА
ИАСТЪПОГЪКЪШНИИДЪДОМОУИТЪ
КА ОНЪЖЕ ПОИШЕДЪШНИ ПОКЛОНИ
ИАСТЪПОГЪКЪШНИИДЪДОМОУИТЪ
О НЪЖЕ ѿКЪЩАКЪРЕ НЕ СЪЛДОКРО
ОСТАТИХЪЛЪБА ѿТЪДЪ ИАСТЪ
КЪЩАКЪРЕ ОНЪЖЕ ИАСТЪ
О НЪЖЕ ИАСТЪКЪЩАКЪРЕ
ЦЪНАДАЖИИ ИХЪЪТРАНЕЦЪРЕ
ДИНАСКОИХЪ ТОГЛА ѿКЪЩАКЪРЕ

ВЪ РАДІИНО ВЪ ПИНАСЪ БЪКА
 ПЕРЪКАОУМЪ БЪ РАДЪ ГАНАЕ
 НЕМЪ НБЪ ОУТАКЪ ЖЕДЪ КИ НОУ
 ЖАГАХЪ ОУТЕННИНЪ ЕО ІАКОВЪ
 КЛАСТНИЖЪ БЛАГОДІЕГО НБЪ КИ
 ДИЩИЖЪ ТАКЪ КИ ДІАХЪ БЪ
 СЫМЪ ПЕРЪНЪ НБЪ КИ КИ
 СОЛЪ КИ ДІАХЪ ГА ОСТАНИ ТИ
 ТОНАМЪ НТЪ БЪ КИ НА ЗАРАНИНЪ
 ПЕРЪКАОУМЪ ПОКОВЪНЪ НАСЪ КИ
 ДІАХЪ КЪ ТАКЪ НТЪ БЪ КИ НЪ ДІА
 ПЕРЪТИНМОУСЪ ГА ПЕРЪКАОУМЪ
 НІ ДІАНИ ДІАХЪ НІ КИ КИ БЪ
 СЫНОМЪ НІ ДІАНИ ДІАХЪ НІ КИ
 ЖИРЪ БЪ ЖАДЪ НБЪ БІТЪ ОУЖАДЪ
 НА БІТЪХЪ ПЕРЪКАОУМЪ ДІАХЪ
 КИ ДІАХЪ ОУТАКЪ НТЪ ТОНЪ КИ
 БІТЪ ІАКОВЪ ОУТАКЪ НІ ДІАХЪ

НЕТ И ТЫ ИМЪ ХОМЪ И Н С Х О Д А Т Ъ

Н С · А · Е К А · Ш Л О У · Т Л А · И С О

ВЪРЪЛЛАМОНО· СТОГАБЫСЪПРН
РЪГЕННІАРЪТЪТЪ· НБНАБА
КОРАКАНЦАСТОГАЦІАПРНЪ
РЪКАРНЖЕШЪДЪШЕШЪ
КААХЖАМЪЖА· ВЪЛЪЗЪЖЕБЪ
АННЪШКОРАБЛІЦН· НЖЕБЪН
МОНОБЪ· МОЛННЪЗЕЛААКЪЗАТИ
ЛАЛА· НСЪДЪНКОРАКАМОУТАШЕ
НАРОДЪ· ІАКОЖЕПРЪСТАГЛА· РЕКЪ
СНМОНОУ· КЪЗЪДАНЪБЕЛЛУБННЪ
НЪЛЕТЪКЪТЪМРЪЖАКАШАКЪЛОКН
ТКА· НШЪБЩАКЪСНМОНОУ
НАСТАВННТЕ· ОКНОШЪКЪЛОКН
ЖАШЕКА· АУТОСЖЕННАХОМЪ
ПРЪЛОУЖЕТЪКОНОУ· ЖЪЛЕТЪ

ЛЮБКА НИСЬ ТВОРИШ ОБАШАДИ
ЖЫТКО РЫБЫ ТВОГО ПОТОКА
УЖЕ СЛАДЪЕ ЖАНУ НПОДАНУША
ПОКРАСТЪНИКОМЪ ИЖЕ БЛАЖБА
ДМУЖЕ ДЬС РАБЛН ДАПОИШАДЪ
ПОДОЖТЪНЕМЪ НПОИДОША НН
СПЛЕННША ОБАКО РАБЛАГО ПОТОЖ
ЖАТН САНДА БИДЪЕ БЖЕ СНОДОН
ПОТЪ ПНПАДЪ КЪ СНОДОНА К
ПАГАА НЗНАДОМНЪ ПКОДЖЕ
ГРЪШНЪ СЛАГН ОУЖА ККОД
ЖАШЕН НБСАИЖЕ ББАЖЕ СНО
ЛЕ СЛОБН ЧЕБЫ БЪРАЖЕША
ТАКОЖЕ ННКОБА ННОАНА ТНА
УБЕДЛКА ИЖЕ ББАТА БЫШН
КАСИЛОМОН РЕКЪ СНОДОНУИ
НБОНА ШЕА ББАШН ТАКУ
КОБА НИЗБЪЗЪШЕ КОРАБЛНА

МЛНѢ ОСТАВЛШОУСЯ · ВЪСЛѢДН
ГОИДОША · · · · ·

СЖЕ · Б · · · · ·

ВЪКРѢДМО · БЪОУТАСЪ · НЕТЯ
ХЪ · БЛАЩЕ · ФАРН · Н · НЪАКОН
ТН · ТЕЛН · Н · ЖЕ · БЛАХ · ПОНШЕАН
ШЕ · БЛАКО · А · КЪ · С · ТА · А · Н · Д · Е · Н · К · Т · Н
Н · И · Д · Е · Н · К · Т · Н · И · Н · О · Л · И · А · Н · С · И · Л · А
Г · Н · А · К · Т · Ц · Е · Л · И · Т · И · Я · Н · С · Е · Д · Ж · И
Н · О · С · А · Щ · Е · М · А · О · Д · Е · Т · Л · В · К · А · Н · Ж · Е · Б · О · С · Л · А
Б · Л · И · Н · Т · Н · И · С · К · А · А · Х · Ж · Е · Н · С · Т · И · Н · Н ·
П · О · Л · О · Ж · И · Т · И · И · Р · Е · Д · Е · Н · Н · Ц · Е · Н · И · С · О · Р · Е ·
Т · Ы · Ш · И · С · О · У · Д · О · У · Б · Ы · Н · С · Ж · Т · Ы · Н · А · Р · О · Д ·
Р · А · Д · Н · В · Ъ · З · А · Т · З · Ы · Ш · Е · Н · А · Х · Р · А · Д · Ы · С · К ·
З · Ы · С · К · У · Д · Ы · Т · И · Н · Т · Ы · Б · Ы · И · Ш · А · Н · С · Ы ·
Л · О · Ж · Ы · Б · Н · О · С · Р · Е · Д · Е · П · Р · Е · Д · Ы · С · А · Н · К · И · Д · Е ·
В · Ы · К · Е · Р · Ж · И · Х · Ы · Р · И · К · О · У · Т · Л · В · Т · О · Ш · О · У ·

ШАЖЕ ТЪН СІАГЪН ТЪН ННАТА
ШАПОЛЪШІАТН КЪННЖЕННІН
Н ФАРНІСІАГЪН КЪТОСТЪС
Н ЖІАН ТЪХОУЛОУ КТОДОЖЕ
ШОУЩАТН ГРЪХЪ ТЪКЪДОЖ
ДННБЪ РАЗОУДЪКЪЖЕ СІАПОЛЪ
ШАННІАНХЪ ШКЪЩАКЪРНІА
ТТОЩАШІААН ТЕКЪРАДНХЪ
ННХЪ ТЪТОСТЪСОУДОБЕН РІШН
ОЛАБАННОУЛОУ ШОУЩАЖЕ
ТНІАГОРЕННБОН АНОЩН КЪТА
НННГОДН НЪДАОУКЕТЪ ІАКОБА
СТЕН ШАТЫНЪТАКТЪНАТЪРАНО
ШОУЩАТН ГРЪХЪ РІОЛАБАННОУ
ОУЛОУ ТІБЕРАЖ КЪТАНННБЪ
ТЪДОНОЖЕ ТВОЕ ННДНБЪДОКЪ
СКОН НАВННКЪТАКЪШЕДЪНН
ДН КЪТЪДЪНАННЛЪЖЕ РІЖААШЕ

НАДЪ ДОЛЪ КОИ СЛАКАБА НОУЖА
СЪПОНАТЪ БЫСА НСЛАКІ МАХЪ БА
НН С ПЛЪННША С АСТРАХОДЪ ПІЖ
ЩЕ ЯКОВНАТЪ ХОМЪ ДНБНАДНБ

НЕ К ЕКА ЖЛОУ ТАА НА

РЕГЪ Е КОЖЕХОЩЕ ТЕДАТВОРАТЪ
КАДЪ ЕДБЦН НБЫТВОРНТЕН
МЪ ТАКОЖЕ НАЩЕЛЮБНТЪ АН
КАЦАБАКЪ КАКАКАДЪ ХБАЛАНТЪ
Н КОНГРЪШЪННЦНАНКАШАКА
КАТЪ НАЩЕКАІ ОУВОРНТЕ БАГО
ТВОРАЩИНДЪ КАДЪ КАКАКАДЪ Х
ЛАКЪ НБОНГРЪШЪННЦНТЪЖЕ
ТВОРАТЪ НАЩЕБЪЗАНДЪАКЪ
ОМНУЖЕТАНТЕБЪПОНАТИ КА
КАКАКАДЪ ХБАЛАНТЪ НБОНГРЪШЪНН
ПНГРЪШЪННКОМЪ БЪЗАНДЪАКЪ

ДЫТНОГЪ ДЫТНОГЪ НОТНОГЪ
НЖБКАХЖЪННДЪКЪДЖАНЪ Н
РЪБТАХЖЪННДЪКЪДЖАНЪ Н
Н ФАРНОСЪ КЪОУТЕНКО ДЪНГО
ГА ЖНО ПОУТЪДЫТАРНГО
ШЫННДЪКЪННДЪКЪННДЪКЪ
ШАКЪБЪКЪННДЪКЪННДЪКЪ
ТЪДРАВННБРАТА ПЪКЛАВНН
НПОДХЪПОНЪКАТЪПЛАКА
ННДЪКЪННДЪКЪННДЪКЪННДЪКЪ

НО Г СБА ШЛОУ ЕЛА СБА
ТЪКЛАДАНЪНДЪАШНЪКЪДЖАНЪ
ДЪНАОНЦАНЪКЪННДЪКЪННДЪКЪ
ННДЪКЪННДЪКЪННДЪКЪННДЪКЪ
ННАРОДЪКЪННДЪКЪННДЪКЪ
ЖНКАЖЪКЪОУТЕНКО ДЪНГО
НЪНОШКАХЖЪННДЪКЪННДЪКЪ

РЕЦЕНЗИИ

Д.Е. МАКСИМОВ. ПОЭЗИЯ И ПРОЗА АЛ. БЛОКА¹

Д. Е. Максимов, известный исследователь русской поэзии рубежа XIX-XX веков, в предисловии к своей книге суммирует те принципы и методы, в соответствии с которыми создавался труд о лирике и прозе Ал. Блока. Используя материалы научных изысканий протекшего десятилетия, он создал не монографию, а своеобразную по жанру книгу, считая, что задачей исследований, посвященных творчеству Блока, должен стать многосторонний анализ частных и комплексных проблем, не столько направленный на подведение итогов, сколько выдвигающий новые вопросы. Синтез же должен осуществляться в сознании читателя, тогда он будет более убедительным и плодотворным. Несмотря на большое количество работ о Блоке, изучены далеко не все аспекты его лирики и прозы. "Белым пятном" является, например, вопрос о влиянии Р. Вагнера на эстетические взгляды Блока - факт, которому литературоведение придает особый вес, т.к. всесторонний анализ этой проблемы мог бы раскрыть широкие перспективы в исследовании идейных движений конца XIX - начала XX веков.

Главы книги, посвященные трем жанрам, - лирике, прозе и документам - в равной мере свидетельствуют об основательности и тщательности филологического анализа. Их характеризует особая последовательность изложения, которая базируется на анализе взаимовлияний и взаимоотталкиваний предшественников и современников поэта, различных жанров и идеологий. Этот метод /хотя он и приводит к некоторым повторениям/ является важным функциональным принципом построения книги, становясь выражением авторской концепции, организующей работу как единое целое.

Первая часть сборника посвящена лирике Блока /"Идея пути в поэтическом сознании Ал. Блока"/. Большое место занимает анализ мотива пути как доминанты поэзии и прозы Блока. Начиная со второй половины

---

¹ Изд. Советский писатель, Ленинградское отд., 1975.

XIX века, проблема пути - одна из основных в русской литературе. Страстное искание пути как развития и становления личности у Толстого вызывает волну автобиографической литературы, стремление к исповедальности, к лирическим излияниям в искусстве рубежа века и следующего десятилетия. Блок, продолжающий толстовскую линию, связывает неразрывность идеи и пути и исповедальной линии с усилением индивидуализма: "Весьма вероятно, что наше время - великое и что именно мы стоим в центре жизни, т.е. в том месте, где сходятся все духовные нити, куда доходят все звуки". /стр. 22/ Человек стоит в центре всех изменений, и осознание этого придает особое значение человеческому "я", которое призвано /в представлении поэтов-символистов/ выполнять моральную, эстетическую и культурную миссию.

Наряду с типологической близостью Толстого и Блока Максимов прослеживает и другие аналогии в европейской и русской литературах, проливающие свет на истоки блоковского понимания искусства и жизни как высшего долга, призвания: это - романы Достоевского, произведения Флобера, Ибсена, Стриндберга и, главным образом, Гете. В сходстве поисков пути Фауста и блоковского лирического героя Максимов видит аналогию не только структурную, но и содержательную, сущность которой можно кратко охарактеризовать как движение от абстрактного знания к конкретному и многостороннему опыту - к напряженности земного бытия, к надежде на достижение цельности "разорванного" человеческого сознания. В заключение темы автор указывает на еще один "открытый" вопрос: интерес Блока к Гете требует более подробного исследования, т.к. анализ причин духовного влечения Блока к немецкому поэту и философу эпохи романтизма мог бы осветить ту роль, которую романтизм сыграл в подготовке и становлении символизма.

В лирике Блока и его современников, поэтов-символистов, важное значение приобретают и две другие категории - "стихия" и "вечное возвращение". Рассматривая эти категории, Д.Е. Максимов очень тонко выявляет черты сходства и различия в поэтическом мире Блока, Бунина, Белого, Ахматовой, Мандельштама.

В замечательном анализе стихотворения "Двойник" /"Об одном стихотворении"/ исследователь останавливается более подробно на тех мотивах, которые имеют преимущественное значение в поэзии Блока: встреча и диалог лирического героя и двойника, столкновение темных и светлых сил, появление Горя-Злосчастия - русского архетипа двой-

ника - среди других блоковских двойников. Автор указывает на своеобразие этой темы у Блока: несмотря на то, что появление двойников в литературе обычно является показателем кризиса сознания, в сознании лирического героя Блока сохраняется некоторое внутреннее единство, наличие которого подтверждается такими, идущими от самой жизни, чертами блоковских двойников как способность испытывать печаль, раскаяние, дон-жуановскую усталую горечь. Истоком появления двойника в этом стихотворении Д. Е. Максимов считает не распад сознания, а столкновение двух музыкальных тем: темы "страшного мира" и темы "прекрасного воспоминания".

Статьи о прозе Блока занимают в книге намного больше места: эта часть, состоящая из восемнадцати глав, дает подробнейшую характеристику критической прозы Блока. Статья "Литературное окружение" - одна из самых интересных. Она знакомит читателей с полемикой о литературной критике, развернувшейся между Мережковским, Брюсовым, Вл. Соловьевым и Розановым. Со второй половины XIX века жанр "эссе" привлекает внимание самых разных европейских философов, критиков и поэтов. Поэтому не приходится удивляться многочисленным совпадениям во взглядах часто очень далеких друг от друга людей на задачу, цель и сущность критической литературы. Так, например, определение эссе, данное Мережковским /"Поэт-критик отражает не красоту реальных предметов, а красоту поэтических образов, отразивших эти предметы"²/, очень близко к определению венгерского философа Дьердя Лукача /"Наука указывает нам предметы и порядок предметов, искусство - души, судьбы, и только в лучах судеб - предметы"³/. Освещая полемику, Д.Е. Максимов пишет о влиянии западно-европейских эстетических и философских учений на русскую интеллигенцию /Б. Христиансен и "фрейбургская школа"/, поскольку оно проявляло себя в формировании символистской критики и в прозе Блока.

Трудно было бы перечислить все вопросы, которые исследует проф. Максимов во второй части своей книги. Мы выделим лишь несколько важных проблем. В главе "Переоценка ценностей и эстетика противоречий" автор пишет об отражении в сознании Блока кризиса, имевшего место

² Цитируется по указанной работе Максимова, стр. 197.

³ Lukács György. Lélek és formák. Bp., 1911, 45. /Перевод наш/

на рубеже XX века, об осознании Блоком процесса релятивизации ценностей и в связи с этим - о поэтических и структурных изменениях в его критической прозе. В своих статьях Блок часто обращался к проблемам народа и интеллигенции, цивилизации и культуры, занимавшим лучшие умы Европы в начале XX века. Об этом имеются богатый материал и интересные рассуждения в разделах "Тема народа и интеллигенции" и "Элементы поэтической философии культуры".

Анализируя критическую прозу Блока, проф. Максимов сделал немало открытий: он обратил внимание на мало известные, и еще менее изученные, проблемы взаимовлияний, поставил вопрос о параллельном развитии лирики и прозы, дал объективное освещение таким вопросам, о которых символистская критика, а затем и критическая литература 30-х годов /хотя и с разных позиций/ судили неверно /тема народа и интеллигенции/.

Построенные по динамическому и диахроническому принципу главы книги, посвященные лирике Блока, сменяются во второй части главами обзорного характера. Однако, автор не уклоняется от главной задачи исследования: от задачи показать лирическое "я" Блока, проявившее себя и в его прозе.

Третья часть книги на первый взгляд может показаться приложением к двум первым: н.п. по дневнику Е. Ю. Кузьминой-Караваевой автор восстанавливает образ Блока, каким узнала и описала его молодая поэтесса в начале 10-х годов. Однако, и третья часть книги является органической частью целостного произведения, хотя проф. Максимов не стремился создать монографию. Группировка статей, структура книги как будто сложилась в духе блоковской трехчастной циклизации: от отвлеченного анализа поэтического сознания - к человеческой личности и к страдающему человеку.

А. Дуккон

ZBORNÍK KATEDRY RUSKÉHO JAZYKA A LITERATÚRY FILOZOFICKEJ
FAKULTY UNIVERZITY KOMENSKÉHO K 30. VÝROČIU VZNIKU KATEDRY,
Bratislava, 1977.

В лингвистической части сборника помещены статьи Яна Светлика, Ульяны Фецаниновой, Герхарда Балажа, Михала Чабалы, Сватавы Шебеёвой, Штефана Швагровского, Павла Шимы и Рудольфа Бетака.

Статья Яна Светлика "О структурных типах императивных предложений в русском и словацком языках" /стр. 5-34/ мотивирована тем, что в учебных пособиях лишь попутно рассматриваются императивные предложения, которые выделяются автором как особый тип предложений с точки зрения синтаксической модальности. Предложения, не содержащие прямого выражения требования, направленного на адресата с целью вызвать его реакцию действием, автор выносит за рамки императивных предложений. Он относит их к повествовательным предложениям. Напр.: Пусть он придет завтра. Я. Светлик выделяет, с одной стороны, двусоставные и односоставные императивные предложения, с другой стороны, глагольные императивные предложения с формами императива, с транспонированными формами глагольных предикатов /Пойдешь к маме и все расскажешь ей!/, инфинитивные императивные предложения, неглагольные /наречные, междометные, местоименные, субстантивные/ императивные предложения и фразеологизированные синтагмы /Два шага вперед!/. Эта классификация в основном совпадает с теми типами делений, которые мы находим в кандидатской диссертации А. В. Прокопчика /М., 1955/, М. Ш. Емасовой /М., 1954/, Ю. В. Ванникова /М., 1962/. Автор статьи много внимания уделяет способам обозначения разных степеней категоричности императивного акта. Некоторые выводы автора могут быть использованы при сопоставлении других языков и в типологических исследованиях. Так, напр., структурные типы императивных предложений в большей степени совпадают в словацком и венгерском языках, чем в словацком и русском или в венгерском и русском. Мы абсолютно согласны с автором в том, что он далеко не полностью исчерпал данную проблему. Некоторые из его формулировок являются неточными, так как они не основываются на многостороннем анализе собранных автором примеров и изучении специальной литературы. Так, напр., автор утверждает, что "в словацком языке инфинитив используется так правило в военных командах, в то время как в русском языке в них используются формы императива гла-

гола" /стр. 27/. В русских военных командах также часто используется инфинитив, поскольку он подчеркивает безразличие к личности адресата и создает эффект резкого, категоричного обращения. Напр.: Надеть ранец! Снять ранец! Не растягиваться! Сзади подтянуться! Снять штыки /противогазы!/ Продолжать огонь! Прикнуть штыки! Прекратить огонь! Усилить огонь! Стоять смирно! и др. /См.: А. Н. Кожин, О языке команд, приказаний. Уч. зап. МОПИ, т. 204, вып. 14, 80/. Трудно согласиться с общим утверждением автора, по которому "несовершенный вид императива глагола более категоричен, чем совершенный вид" /стр. 16/. Чем объясняется тогда, что в одних военных и спортивных командах глаголы употребляются только в форме СВ, в других - только в форме НСВ? Ср.: Поставьте ноги на ширину плеч! Руки оставьте на поясе! Согните ноги! Поднимите руки! Ноги соедините! Выпрямитесь! Вдохните! - Ложись! Стройся! Ложитесь на спину! Равняйся! Расходитесь! Держитесь! Приседайте! Слегка наклоняйтесь вперед! При параллельном употреблении форм СВ и НСВ вида также можно сомневаться в том, что они различаются в первую очередь степенью строгости команды. Ср.: Наклоните/Наклоняйте туловище вперед! Поверните/Поворачивайте голову! Опустите/Опускайте руки! Чтобы ответить на вопрос об употреблении видовых форм глагола в побудительных предложениях, требуется более тщательный анализ семантики и структурных типов этих предложений. К сожалению, указание автора, что "при наречиях типа: никогда, больше в русском языке дается предпочтение глаголам несовершенного вида" /стр. 21/ не является убедительным вследствие отсутствия примеров из художественной литературы. Собранные нами примеры не подтверждают возможность употребления форм СВ, если в побудительном предложении употребляются отрицательные местоимения или наречие больше. В побудительных же предложениях с неопределенными местоимениями возможны только формы СВ. Ср.: Никуда не уходи до моего прихода - Не уйди куда-нибудь до моего прихода.

В статье "Вариантность или дублетность ударения в русском литературном языке" /стр. 35-49/ Ульяна Фецанинова указывает, что одни и те же слова и формы слов могут иметь дублетное ударение: 1/ под влиянием аналогии - звóнит вм. звонíт, под влиянием прóсит, 2/ под влиянием диалектного ударения - севернорусские диалекты сохраняют более архаический тип ударения /на приставке, предлоге или суффиксе/.

чем южнорусские. Ср.: засу́ха - засу́ха, заго́вор - заго́вор, на́ берег - на бе́рег, за́ руку - за ру́ку, бонда́рь - бонда́рь, твори́т - твори́т, 3/ под влиянием иноязычной лексики или профессионализмов - демократиа́ /с латинским ударением/ - демократиа́ /с греческим ударением/, 4/ вследствие лексической дифференциации - пахну́ть 'повеять чем-н.' - пахну́ть 'издавать запах', во вре́мя чего-н. - во́время, 5/ вследствие стилистической дифференциации - молоде́ц - мо́лодец, деви́ца - де́вица, ше́лковый - шелко́вый /последние варианты отличаются фольклорно-поэтической окраской/. Далее на примере отглагольных существительных автор доказывает, что выбор места ударения в русском языке вместо одного-двух факторов определяется несколькими. Автор не указывает на основании каких источников был составлен список слов с дублетным ударением в литературном языке. Многие из них как указывается в "Словаре ударений для работников радио и телевидения" под ред. Д. Э. Розенталя /М., 1970/ не могут иметь дублетного ударения. К таким словам относятся, напр., слова демократиа́, диало́г, импорт, уменьши́ть, настороже́нность, мы́шление, преми́ровать, норми́ровать, баллотиро́вать, словоформы про́лил, про́лили и др. Следовательно, дублетность ударения в современном русском литературном языке не совсем такая, как это представлено автором статьи.

В статье "Пассивные конструкции с выраженным агенсом в русском языке" /стр. 50-62/ Герхард Балаж поставил перед собой цель установить семантический и формальный прием выделения пассивных оборотов в конструкциях со страдательными причастиями в современном русском языке. Ср.: Дом построен/строится каменщиком - Это явление было названо/называется энтропией - Письмо написано карандашом. Автор статьи успешно решил поставленную задачу.

В статье "O používaní ruského syntetického komparativu adjektiv v atributívnej funkcii" /стр. 63-78/ Михал Чабала устанавливает возможности реализации бесприставочных и приставочных форм русского адъективного компаратива в атрибутивной функции с учетом их морфологических и синтаксических особенностей, а также смысловой и стилистической нагрузки. /В венгерской славистике этой проблеме посвящена статья Йожефа Юхаса, см. *Studia Slavica*, III., 1957/.

В статье "Konštrukcie so zvratnou slovesnou formou a hodnotiacím slovom" /79-86/ Сватавы Шебеёвой выделяется семь структурных

типов конструкций с возвратной глагольной формой и качественно-количественным определителем, сигнализирующих возможность/невозможность подвергаться определенному воздействию": Песня о Родине сладко поется. Рыба ловилась с изобилием - Конь не ловится. Рифмы легко запоминаются. Полотно легко гладится. Дверь свободно открывается. Некоторые камни легко дробятся. Башмаки быстро стаптываются.

В статье "Некоторые синонимические средства выражения атрибутивной посессивности в русском языке" /стр. 87-97/ Галина Конфедеракова дает характеристику некоторых синонимических средств выражения посессивных отношений в рамках род. падежа, сопоставляя их с другими средствами выражения атрибутивной посессивности. Напр.: руки поручика - руки у поручика, дверцы шкафов - дверцы у шкафов, в тетради Анны Петровны - в тетради у Анны Петровны, крышка чайника - крышка от чайника, глава романа - глава из романа, но только ария из оперы.

В статье Штефана Швагровского "K histórii rusko-slovenskej a slovensko-ruskej lexikografie" /стр. 98-106/ приводится обзор и краткая характеристика русско-словацких и словацко-русских словарей, составленных в Словакии с 90-х годов прошлого века до наших дней. /Автором первого русско-словацкого словаря (вышел в 1892 г.) и словацко-русского словаря (вышел в 1900 г.) является Л. Мичатек/.

В статье "Надстрочные знаки и иктус в Житии Алексея /по списку М-9/" /стр. 107-113/ Павел Шима рассматривает приемы фиксации надстрочных знаков и иктуса в Житии об Алексее, которое отнесено автором на основании филигранологии М-9 к 16 столетию и принадлежит к среднеболгарской редакции. Памятник хранится в Государственном архиве в г. Прешов. Житие Алексея в составе кодекса М-9 отражает доевфимиевскую систему расстановки надстрочных знаков, несоотнесимую с системой младшей эпохи развития сербохорватского языка. Иктус обозначался одним надстрочным знаком - оксией. Остальные надстрочные знаки обозначают конец, начало слова, гласный с предшествующим иным гласным или долготу.

Статья Рудольфа Бетак "Práca s textom na analytické čítanie v strednej škole" /стр. 114-126/ посвящена методике преподавания русского языка в средней школе. Автор статьи утверждает, что "перевод на родной язык в этой части усвоения русского языка не имеет обоснования". По мнению автора "языковая цель текстов для аналитического чтения требует как главного способа работы с ним анализа /лексического, грамматического, фонетического, орфографического/, а не перевода на родной язык". Жаль, что автор "изгоняет" из школы перевод, не приводя экспериментальных данных. Развитие методики как науки невозможно без проведения соответствующих экспериментов. Только на основании ряда экспериментов можно определить место перевода в преподавании иностранных языков. Если мы отрицаем значение перевода, то мы отрицаем и целесообразность сопоставительного метода, который используется не в одной статье этого сборника.

В л и т е р а т у р о в е д ч е с к о й части сборника опубликованы четыре статьи на словацком языке с резюме /на русском языке/.

Этот сборник отражает научные интересы братиславских коллег и пройденный ими путь за 30 лет. По случаю юбилея кафедры желаем им дальнейших творческих успехов.

И. Пете

А.А. ЗАЛИЗНЯК: ГРАММАТИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
РУССКОГО ЯЗЫКА¹

Рецензируемый грамматический словарь русского языка издается впервые. Он содержит около 100 000 слов, расположенных в обратном, т.е. в инверсионном порядке. Это значит, что сопоставление двух слов рассматривается не с начальных, а с конечных букв и далее продолжается от конца слова к его началу. Источниками данного словаря послужили Орфографический словарь русского языка. Изд. 6-ое /под ред. С.О. Бархударова, С.И. Ожегова и А.Б. Шапиро/, Обратный словарь русского языка, М., 1974 и Словарь-справочник "Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С. Сорокина. М., 1971.

Грамматический словарь для каждого слова должен отмечать все характеристики, которые необходимы для построения фразы, правильной с грамматической точки зрения. Предлагаемый словарь полностью выявляет только словоизменительные характеристики, т.е. он предоставляет возможность построить совокупность всех форм слова. Каково же назначение данного обратного словаря? Попробуем сначала охарактеризовать те цели, для достижения которых окажет помощь словарь.

1. Разнообразные задачи текстологического характера. Например, можно представить себе поврежденную или неразборчиво написанную рукопись, где легко читается лишь конец тех или иных слов и где приходится прибегнуть к конъектурам. В таком случае, в обратном словаре можно сразу найти все слова, оканчивающиеся на заданное сочетание букв, что значительно облегчает работу исследователя. Кроме того, работа с обратным словарем обострит интуицию исследователя, поможет легко отыскать в памяти слова с заданным конечным буквосочетанием.

2. При работе, связанной с дешифровкой текста, написанного на русском языке, но с помощью неизвестной письменности или закодированным текстом также с успехом может быть применен данный

---

¹ Москва, Изд. "Русский язык", 1977.

словарь: он поможет подобрать все слова, оканчивающиеся данной группой знаков, а также все слова, где данная группа знаков стоит в середине словоформы, но непосредственно перед флексией.

3. Удобным вспомогательным средством является обратный словарь и для преподавания морфологии русского языка. В частности, с его помощью можно подобрать исчерпывающий учебный материал по определенным суффиксам и разным типам склонения основ. Особенно важно, что словарь позволяет получить количественную характеристику /т.е. сведения о распространенности тех или иных словоизменительных моделей/. Например, можно определить, сколько имен существительных русского языка оканчивается на "яга" /бродяга, бодяга и т.д./:

Вышесказанное далеко не исчерпывает всех возможных задач, которые могут быть решены с помощью обратного словаря.

Предлагаемый словарь состоит из 5 частей: "Предисловие", "Как пользоваться словарем", "Условные знаки и сокращения" и сам "Словарь". С точки зрения словоизменения, основным делением слов является деление их на грамматические разряды. "В силу принятой в настоящем словаре системы индексов словарная статья заключает в себе информацию о том, как образуются все формы парадигмы, включая и те, которые фактически неупотребительны. При этом степень употребительности форм как таковую настоящий словарь не отмечает, поскольку неупотребительность или малоупотребительность некоторой формы обычно определяется значением слова, а не его морфологическими особенностями". /стр.7./ Для настоящего словаря существенно лишь то, возникает ли при окказиальном образовании подобных потенциальных форм какая-либо морфологическая трудность.

Настоящий словарь для отдельного слова отмечает не все реально существующие способы образования его форм, а только те, которые соответствуют современной литературной норме. Однако такая нормативность не исключает возможности вариантов. Например, наряду со словом творог, найдем и слово творо́г, туннель и тоннель. Для глаголов указывается также синонимия, например, для приготавливать и приговлять - один глагол совершенного вида - приготовить.

Пометы о сфере употребления, стилистические пометы указываются только тогда, если они характеризуют некоторые, определенные формы слова.

Большим достоинством словаря является указание не только главного, но и второстепенного /побочного/ ударения. Например, мáло-содержáтельный, крупнопанéльный, а также учитывается важная грамматическая характеристика одушевленность-неодушевленность. Рецензируемый Грамматический словарь является первым выпускаемым словарем, который специально отличает эту грамматическую категорию. А это очень существенно, ведь в русском языке имеется значительное количество существительных, у которых нет прямого соотношения между реальной и грамматической одушевленностью.

Словарная статья в большинстве случаев состоит из основного буквенного символа, индекса, дополнительных помет и указаний. Имеются также и подстатьи, если разным значениям слова соответствуют какие-либо различия в образовании тех или иных форм. Каждая такая подстатья начинается с новой строки.

В разделе "Как пользоваться словарем" читатель найдет рекомендации, необходимые для правильной и быстрой расшифровки грамматических характеристик данного слова /естественно, с точки зрения словоизменения/.

В разделе "Грамматические сведения" указывается на способ построения формы слова непосредственно по индексу /стр.35./ Далее, начиная со стр.39 следуют многочисленные таблицы, которые представляют различные типы склонения имен существительных всех родов, имен прилагательных, местоимений, числительных. Особая глава уделяется спряжению глаголов./Автор рассматривает 16 типов спряжения глаголов/. Рассматривается вопрос и о том, как нужно найти нужный образец и как надо проспрягать глагол по найденному образцу.

Настоящий словарь является результатом плодотворной и многолетней работы автора. О возможностях и целях использования такого обратного словаря мы уже указали в начале рецензии. Однако еще раз мы считаем необходимым отметить актуальность составления таких словарей. Ведь его могут использовать не только лингвисты, текстологи, но и преподаватели русского языка и студенты, и вообще те читатели, которые интересуются проблемами словоизменения русского языка. Данный словарь, по нашему мнению, внес большой, ценный вклад в дело рационального составления словарей, в развитие лексикографии.

АКТЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА 1505 - 1526¹.

Разработкой и изданием актов Троице-Сергиева монастыря начал заниматься академик С. Б. Веселовский в 20-30-ые годы XX века. Тексты грамот были им скопированы и готовились к печати. Он же работал и над составлением комментариев. В 1958-ом году работа над изданием была возобновлена под руководством А. А. Новосельского в Секторе источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин Института истории АН СССР. С 1963 года работа перешла в Сектор истории СССР периода феодализма Института истории АН СССР, и в ней принимали участие также и сотрудники Института русского языка АН СССР.

Материал был значительно пополнен, тексты на основе подлинников и известных списков еще раз были подготовлены к печати, была уточнена датировка документов, заново были составлены заголовки и в большинстве случаев заново написаны комментарии, - так в 1975-ом году могло появиться это ценнейшее издание.

"Акты русского государства 1505-1526" содержат документы архива Троице-Сергиева монастыря, созданные или попавшие в монастырь в период с 1505 до 1526 г. Книга считается прямым продолжением первого тома "Актов социально-экономической истории Северо-восточной Руси конца XV - начала XVI вв.", где изданы акты троцкого архива, датируемые до 1505/6 г. В конце XV - начале XVI века заканчивается процесс объединения вокруг Москвы феодальных княжеств. В это время русские монастыри подчиняли свои интересы интересам образования централизованного государства. В этом духе выступил и Троице-Сергиев монастырь, основанный Сергием Радонежским в 1377-ом году в окрестности Москвы /современный Загорск/, ставший одним из крупнейших духовных феодалов Руси и подчинивший свою деятельность стремлениям объединения московских князей. Акты его имеют первостепенное значение для изучения самых различных сторон исторического процесса - развития производительных сил и производственных отношений, социального строя семьи, внутренней политики, культуры и т.д. и дают де-

---

¹ Академия наук СССР, Институт Истории СССР, Институт русского языка. Изд. "Наука", Москва, 1975.

тельную, широкую картину письменности на Руси в XV-XVI вв.

Публикация является совместной работой историков и лингвистов. Правила публикации были разработаны Н. А. Булыгиным еще в 60-ых годах, имея в виду тогдашние современные достижения науки. При тщательной разработке этих правил он опирался и на предварительные рецензии и, пользуясь ими, рецензируемая нами книга стала ценным источником также и для историков и лингвистов.

Кроме документов, в книге содержатся разъясняющее предисловие, ценные комментарии, относящиеся к документам, таблица использования архивных фондов и печатных изданий, список сокращений и также именной, географический, предметно-терминологический указатели. В подробном, многостороннем предисловии нет описания данной исторической эпохи. В томе публикуется 302 документа. Это - купчая, жалованная, деловая, правая грамоты, данная, разъезжая, отступная записи, межевая запись, закладная кабала и т.д.

По своему происхождению грамоты делятся на четыре группы:

1/ собственно-троицкие акты, т.е. такие, в которых одной из сторон - контрагентом, адресатом или адресантом, участником тяжбы является Троице-Сергиев монастырь, его игумен, келарь, старцы или крестьяне; 2/ акты "приписных монастырей, находящихся уже в момент составления документов под патронатом Троице-Сергиева монастыря; 3/ акты монастырей, самостоятельных в XVI в., но приписанных к Троице-Сергиеву монастырю позже, в XVIII в.; 4/ акты, заключенные между советскими лицами или полученные ими от верховной власти, не предусматривающие какого-либо регулирования отношений с Троице-Сергиевым монастырем. Но их общей характеристикой и критерием их появления в этом издании является их бывшая принадлежность к архиву Троице-Сергиева монастыря как фондообразователя XVI-XVIII в., независимо от того, в каком архиво-хранилище, фонде или собрании хранится документ сейчас. Редколлегия и все сотрудники публикации провели огромную работу разысканием и собранием всех этих документов. В настоящем издании содержатся все документы, входящие в состав архива монастыря того времени, независимо от того, появились ли они в других изданиях или нет. Таким образом читатель получит полную картину о деятельности Троице-Сергиева монастыря в конце XV - начале XVI вв.

Документы расположены в хронологической последовательности. В рамках каждого года сначала помещаются точно датированные акты, затем документы, датированные только сентябрьским роком. Датированные

акты располагаются по первой предложенной дате после точно датированных памятников. Так как книга вышла в свет для обширного круга читателей, это объективное предъявление документов сделает возможным использовать их по желанию.

С лингвистической точки зрения очень важно и похвально, что редколлегия сообщила о том, что оригинал, копия XV-XVI-ых веков или поздняя копия фигурирует в томе. Тексты документов в книге переданы верно, хотя здесь уже очевидно намерение редколлегии, создать издание, используемое не только одной дисциплиной науки; ведь кроме того, что - очень правильно - выносные буквы вставляются в строку и передаются курсивом, и буквы, пропущенные в сокращенно /под титлом/ написанных словах или опущенные при выносной, восстанавливаются и даются в круглых скобках и т.д., в отличие от специально лингвистических публикаций, буквенная цифра передается "арабскими" цифрами и имеющиеся в рукописи титла, паерки, знаки ударения, придыхания и препинания не воспроизводятся, а также упрощенно написанные слова восстанавливаются /например, при упрощенном написании двух слов, из которых одно кончается, а другое начинается той же буквой /"о/т/ того", "/с/ сыном"/ и явные ошибки и описки исправляются, прежде всего по текстам других списков, а в случае отсутствия последних - по смыслу.

Здесь, по нашему мнению, объективности публикации нанесен ущерб. Заголовки документов содержат много информации; определяют тип документа, называют заинтересованных лиц, объект документа, географическое место его написания и, если тип его не характерен, заголовок дает и краткое содержание документа. Это является позитивной чертой публикации, так как заголовки фигурируют и в содержании, и эти подробные заголовки делают материал настоящей книги более доступным. Информации в заголовках дополняются примечаниями, расположенными после отдельных документов. Они обосновывают датировку, ссылаются на нынешнее местоположение документов, сообщают палеографические данные о них и, перечисляя все копии отдельных документов, делают рецензируемую книгу более ценным источником. Ценной частью данного издания являются "Комментарии", относящиеся к отдельным актам. Комментариями оправдывается принадлежность документов к Троице-Сергиеву монастырю, если она не однозначная и дается подробная информация о лицах, фигурирующих в документах. Эти информации являются

важными, точными, общеупотребляемыми в ходе тщательного исследования данной эпохи. Они должны быть отличены от примечаний, находящихся после отдельных документов - в то время как примечания комментируют формальные знаки, комментарии освещают содержание документов архива Троице-Сергиева монастыря.

Наличием указателей увеличивается ценность рецензируемой книги как источника. В состав книги входят именной, географический и предметно-терминологический указатели. Все они вносят много ценного в книгу и способствуют более широкому использованию данного источника. Собрание данных комментариев и указателей потребовало серьезной научной работы.

Находящиеся в книге иллюстрации делают ее красочной.

Ценный источник вышел в свет - совместная работа историков и лингвистов, замечательные комментарии и указатели свидетельствуют о рассудительной, тщательной научной работе редколлегии. Достоинство и недостаток книги одновременно состоят в том, что она опубликована для широкого круга читателей, хотя ее научно обоснованная публикация дает возможность ученым использовать ее как ценный источник.

.....
М. Сарван

СОДЕРЖАНИЕ

Фейер, А.	Роман Н. Л. Толстого "Анна Каренина" и критика чистого чувства	3
Салма, Н.	К вопросу о лирике Ив. Бунина и французском постсимволизме	7
Бароти, Т.	Дон Гуан и Командор в оценочной системе Пушкина	15
Хармат, М.	Различные формы и функции изображения природы в русской литературе XVIII века	47
Баги, И.	К вопросу о поэтике романа Пильняка "Толый год"	65
Ильяш, М. И.	О языке и стиле рассказов Мукшина	73
Пете, И.	Семантические типы и способы выражения состояния в русском языке в сопоставлении с венгерским	87
Крекич, Й.	Соотношение трех основных семантических компо- нентов глаголов совершенного вида в значении так называемых финитивных глаголов с пристав- кой <u>от-</u>	113
Мещерский, Н. А.	Издание текста древнерусского перевода "Книги Есфирь"	131
Феринц, И.	Из гимнографического наследия Кирилла Туровского	165
Х. Тот, И., Хоргоши, Э., Хорват, Г.	Туровские Листки	181
Рецензии		
Дуккон, А.	Д. Е. Максимов. Поэзия и проза Ал. Блока...	259
Пето, И.	Zborník katedry ruského jazyka a literatury filozofickej fakulty Univerzity Komenského k 30. výročiu vzniku katedry	263
Сегн, О. В.	А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка	269
Сарван, М.	Акты русского государства 1505-1526	273

Fkr: Dr. Csukás István a JATE dékánja

Készült a JATE Sokszorosító Üzemében, Szeged
Példányszám: 400 Méret: B/5
Engedélyszám: 589/78. Fv: Lengyel Gábor